

ГЕРМАНИЯ
И
ПРИБАЛТИКА

V

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра новой и новейшей истории

Г Е Р М А Н И Я И П Р И Б А Л Т И К А

• у

Межведомственный сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1978

В связи с расширением научного сотрудничества между учеными различных вузов и ведомств сборник Ученые записки Латвийского государственного университета "Германия и Прибалтика" впредь будет именоваться "Межведомственный (межвузовский) сборник научных трудов".

Предлагаемый сборник продолжает начатое в 1972 году издание статей по проблемам истории Германии и Прибалтики.

В течение семи веков — вплоть до Октябрьской революции на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтики служила немецким захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В то же время прогрессивные силы немецкого народа оказали положительное влияние на развитие народов Прибалтики. С развитием революционного движения в Прибалтике устанавливаются интернационалистские связи пролетариата Германии, Латвии, Эстонии и Литвы.

Работы, публикуемые в этом сборнике, посвящены различным — как отрицательным, так и положительным — аспектам многовековых исторических связей Германии и Прибалтики. Предлагаемые работы являются частью исследований, над которыми работают авторы. Поэтому каждая из статей охватывает лишь отдельные стороны исследуемых ими проблем. При составлении данного сборника использованы также материалы III конференции "Германия и Прибалтика", состоявшейся в феврале 1977 года на историко-философском факультете ЛГУ им. П. Стучки с участием историков Росток (ГДР), Торуня (ПНР), Тарту и Вильнюса.

Сборник предназначен для историков, изучающих вопросы Германии и Прибалтики.

Редакционная коллегия: П. Крупников (отв. ред.)

А. Варславан, К. Даукшт

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЛГУ им. П. Стучки от 22 декабря 1978 года

© Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1978

Г 10603²-165у 165-78
М 812(II)-78

М. Войцеховски
Торуньский университет
(ПНР)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИКИ (XIX-XX вв.)
В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Драматическая судьба многонационального польского государства в период второй мировой войны вызвала в послевоенный период особый интерес польских историков к проблеме политики Германии в Восточной Европе. Этот интерес проявился или в форме исследований, касающихся непосредственно и исключительно балтийских стран, или в части изучения более широких исторических проблем (истории Польши, истории России, или политики Германии в Восточной Европе, а также к роли немецкого меньшинства в странах этого региона, что в значительной мере проявилось в исследованиях по истории Прибалтики XIX-XX вв.

Среди всех научных центров Польши самое большое внимание проблематике Прибалтийских стран уделялось в Варшаве, главным образом в исследовательских институтах Академии наук и Варшавского университета. В других центрах Польши, занимающихся историческими исследованиями, интересующая нас проблематика изучалась в более скромных размерах, причем, например, в Познани и Торуне это шло в рамках исследований истории германского империализма и его экспансии в Центральной и Восточной Европе.

Вопросы, связанные с Прибалтийскими странами, входящими в состав России, рассматриваются в трудах Лидвика Базыльва — крупнейшего знатока российской проблематики в Польше, который издал две большие работы: "История России" (с доисторических времен до 1917 г.) и "История России" (1801-1917), в которых довольно часто встречаются упоминания об обстановке в прибалтийских губерниях. Л. Базыльв является также автором ряда других трудов, посвященных общероссийским пробле-

мам, содержащим сведения о Прибалтике ("Русское общество первой половины XIX века", "Внутренняя политика царизма и общественное движение в России в начале XX века", "Последние годы царизма и власть Столыпина" [1].*

Подобный же характер носит исследование Ежи Ожманьского, относящееся к истории России до 1861 г. Заслуживает внимания обширный труд Ежи Цепелевского, посвященный общественно-экономической истории Советского Союза 1917-1973 гг. [2]

Е. Ожманьский излагает в работе "История Литвы" развитие с доисторических времен до 1940 г. Это весьма обширное исследование, а проблематика XIX-XX вв. составляет половину его содержания [3].

Сравнительно много места в исследовании польских историков заняла проблематика польского национально-освободительного движения, которое охватило и литовские земли (польские восстания 1830-1831-х и 1863-1864-х гг.). Подробнее рассматривались вопросы начала литовского национального движения и совместного политического действия поляков и литовцев в конце XIX и начале XX вв. [4].

Говоря о трудах монографического характера следует в первую очередь назвать коллективный труд познаньских ученых, в котором подробно говорится об экспансии германского империализма в прибалтийских землях [5]. В этом издании, в частности, рассматриваются планы германской реакции по захвату Прибалтики и различные попытки реализации этих планов. Прибалтийская политика германских шовинистов показана в тесной связи с общей политикой "Дрант нах Остен", осуществлявшейся германским империализмом в отношении Польши и других стран Восточной Европы.

Общественные проблемы XIX и XX вв. нашли свое отражение в трудах, посвященных истории польского рабочего движения (главным образом партии Пролетариат и Социал-демократии

* Первая цифра в квадратных скобках обозначает номер источника, вторая - номер страницы, а в некоторых работах - дату выхода газеты или номера журнала; перед номером архивного листа стоит буква л. Точкой с запятой отделяются два различных источника.

Королевства Польши и Литвы), охватившего и литовские земли. С этим вопросом связана также характеристика деятельности Феликса Дзержинского. Деятельность Ф. Дзержинского в Литве рассматривается в работе Е. Ожманьского [6].

Революция 1905-1907 гг. в Прибалтике вызвала интерес у Петра Лоссовского - крупного знатока балтийских проблем в Польше. В двух статьях, опубликованных в 1966 и 1975 гг., автор осветил ход революции на территории прибалтийских губерний России. Особенное внимание этот исследователь посвятил революционному движению в Курляндии и южной части Лифляндии [7]. П. Лоссовский в своих статьях рассматривает также немецкую литературу по данному вопросу, в частности, книгу "Латышская революция" и монографию гитлеровского историка Г. Комберга. Автор приводит ряд отзывов польской рабочей печати о борьбе трудящихся Латвии против царизма и остзейской реакции, а также о зверствах карательных экспедиций.

Косвенно с прибалтийской тематикой связан обширный труд Кароля Грвнберга, посвященный польским федералистическим концепциям, занимавшим важное место в политической мысли в 1864-1918 гг. В этой связи был актуальным вопрос определения позиции польских политических групп по отношению к Литве [8].

Период первой мировой войны и начатый победой Октябрьской революции новый этап в истории мира, в том числе и в истории Центральной и Восточной Европы, представлен в исследованиях польских историков значительно шире. Способствует этому и возникновение в 1918 г. независимого польского государства, проводившего активную международную политику в Центральной и Восточной Европе.

Периоду первой мировой войны непосредственно посвящено обширное исследование Леона Кевиша "Латвийские вопросы в балтийской политике Германии в 1914-1919 годах", изданное в 1970 г. Автор рассматривает следующие проблемы: латышские земли в германских военных целях в начальный период войны (до ноября 1915 г.), деятельность военной администрации Курляндии

дии, концепцию "Остштаат" в балтийской политике Германии, а также германскую интервенцию в Латвии и ее крах в 1918-1919 гг. [9]. Работа Л.Кевиша написана на базе исследования германских архивных материалов и подробно освещает один из важнейших периодов в истории народа Латвии.

Та же проблематика, но глубже и шире рассматривается в интересной книге П.Лоссовского "Между войной и миром. Германские военные замыслы на востоке перед лицом версальского трактата, март - июнь 1919 года" [10]. На основании очень обширного и подробного анализа источников автор показал германские начинания в Латвии в вышеупомянутый период (борьба за Ригу, бои в Латгалии), связывая их с деятельностью германской дипломатии в Париже во время мирной конференции. Автор выдвигает в своем труде очень интересное утверждение, что "активная" политика Германии в Прибалтийских странах повлияла на более выгодную, с точки зрения германских интересов, формулировку версальского трактата.

Тематика германских планов по отношению к Прибалтийским странам в период первой мировой войны является предметом книги о плане утверждения гегемонии Германии в Центральной Европе [11]. Октябрьская революция и гражданская война в России (с учетом положения в Прибалтике) были предметом ряда исследований. Так, например, Е.Ожманьский и А.Деруга описали борьбу за установление советской власти в Литве в 1918-1919 гг. [12]. Ряд важных данных о роли трудящихся Прибалтики в гражданской войне в России содержит обширный труд Ромуальда Войны "В огне русской гражданской войны" [13].

Проблемы истории Прибалтийских государств после первой мировой войны, общественные и политические перемены, происходившие в каждом из них, были предметом ряда исследований П.Лоссовского. В них рассматривались такие вопросы, как формирование основ общественного строя [14], проблема национальных меньшинств в Центрально-Восточной Европе на примере Прибалтики в 1919-1940 годах [15], идеология авто-

ритарных режимов в этих государствах [16]. Особого внимания, бесспорно, заслуживает книга П. Лоссовского "Балтийские страны на пути к диктатуре (1918-1934)", изданная в 1972 г. Автор представил в ней последовательно: формирование парламентской демократии в 1918-1922 гг., период парламентаризма, образование диктаторской власти в Литве (с 1927 г.), установление диктатуры Петса-Лайдонера в Эстонии в 1934 г., а также авторитарный переворот в Латвии в 1934 г., политическую обстановку в этих государствах после 1934 г. [17].

Проблематика политических и общественных перемен в Центральной и Восточной Европе в межвоенный период обсуждалась на научных конференциях, организованных Институтом истории Академии наук в 1969 и 1971 гг. В материалах этих конференций, изложенных в книгах "Версальский порядок в Центральной Европе" и "Диктатуры в Центрально-Восточной Европе", также говорится о положении в Прибалтийских странах [18].

Значительное место в исследованиях польских историков занял литовский вопрос в межвоенный период, в частности, тесно связанные с Германией польско-литовские отношения. Интерес представляют труды П. Лоссовского, А. Деруги, В. Гостыньской, Ю. Кукулки, М. Лечика, Р. Вапильского и С. Лоптанюка. В работах этих историков говорится о проблеме польско-литовских отношений в отдельные периоды [19], о политике по отношению к литовско-белорусским землям [20], о событиях в Литве до 1926 г. [21], а также о политике СССР по отношению к Литве [22]. С литовской проблематикой непосредственно связан вопрос о Клайпеде, которому посвящена интересная статья Анджея Скжишка, а также недавно опубликованная книга Сергюша Микулича "Клайпеда в европейской политике 1918-1939". Проблема Клайпеды была представлена автором на широком фоне европейской политики, им были также выяснены те механизмы в европейской политике, которые привели к договору между 3-м рейхом и Литвой от 22 марта 1939 г. [23].

Внешней политике Польши и государств Прибалтики посвящен ряд публикаций Анджея Скжишка. Он исследовал проблемы,

посвященные отношениям между Польшей, с одной стороны, и Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией, с другой стороны, в 1919-1925 гг. А.Кжибек рассматривает вопрос польско-латвийской военной конвенции в 1919-1925 гг., польско-балтийский договор от 17 марта 1922 г., место балтийских стран в развитии польско-советских отношений, точку зрения В.И.Ленина на вопрос мира с Эстонией [24]. Итогом исследований А.Скжипка является книга "Балтийский союз. Литва, Латвия, Эстония и Финляндия в политике Польши по отношению к СССР в 1919-1925 годах", изданная в 1972 г. В этом труде автор представил дипломатические мероприятия Польши, предпринятые с целью укрепления ее позиции в Центральной Европе посредством заключения военно-политического союза с Латвией, Эстонией и Финляндией в виде так называемого Балтийского союза. Главную нить своих рассуждений автор дает в сопоставлении с политикой СССР, а также Великобритании и Германии в Прибалтике [25]. Балтийский вопрос в отношениях между Польшей, Германией и СССР в период между первой и второй мировыми войнами раскрывается в статье Кароля Лаптера [26].

Место Прибалтики в польской внешней политике в межвоенный период анализируется в монографиях Вероники Гостыньской и Мариана Лечика и С.Микулича [27].

Интересная статья Болеслава Вошиньского содержит характеристику источников, относящихся к вопросам отношений между Польшей и Прибалтийскими странами. Автор изложил в статье материалы, хранящиеся в Центральном военном архиве в Варшаве, представляющие интерес для историка, изучающего проблематику Прибалтийских стран в 1918-1939 гг. [28].

Богатая и сложная проблематика периода второй мировой войны на прибалтийских землях до сих пор сравнительно мало изучена в Польше. Вопросы, относящиеся к Прибалтийским странам, рассматриваются в исследованиях польских историков лишь в рамках более обширных тем. К таким исследованиям следует, несомненно причислить труд Януша Собчака о гитлеровских переселениях немецкого населения во время второй мировой войны.

В 5-й и 6-й главах работы автор касается Литвы, Латвии и Эстонии [29]. Вопросы прибалтийских территорий затрагиваются в работах, посвященных репатриации польского населения после войны [30], отношению власти 3-го рейха к рабочим, угнанным на принудительные работы, и военнопленным с учетом "расового аспекта" [31; 32], судьбам еврейского населения Прибалтийских республик, подвергнутому физическому уничтожению 3-м рейхом*, а также попыткам создать формирования СС в Прибалтике [33].

Сравнительно много сведений и упоминаний о советских Прибалтийских республиках мы находим в научно-популярной литературе. Среди таких изданий, несомненно, заслуживают внимания книга Тадеуша Валихновского "СССР. Многонациональное государство" и сборник статей под заглавием "страна двух континентов" [34].

Представляют интерес издания, специально посвященные Латвийской ССР [35], Эстонской ССР [36] и Литовской ССР [37].

Эти публикации дают польскому читателю представление об истории, экономике и культурной жизни этих республик. История советских Прибалтийских республик после 1945 г. рассматривается в плане формирования социалистического общества, а также развития и закрепления взаимных дружеских отношений между польским и советским народами.

Данная статья, безусловно, не содержит полной информации о всех послевоенных исследованиях, проведенных и опубликованных учеными Польской Народной Республики по проблематике, касающейся Прибалтийских республик. Ее целью является характеристика основных исследований по названной тематике и стремление выделить вопросы, имеющие отношение к политике Германии в Восточной Европе

* Эта тематика затронута в ряде статей бюллетеня Еврейского исторического института в Варшаве.

Л и т е р а т у р а

1. Bazylow L. Historia Rosji. Warszawa, 1969; tenże, Dzieje Rosji 1801-1917. Warszawa, 1970; tenże, Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX w. Wrocław, 1973; tenże, Polityka wewnętrzna caratu i ruchy społeczne w Rosji na początku XX w. Warszawa, 1966; tenże, Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina. Warszawa, 1972.
2. Ochmański J. Dzieje Rosji do roku 1861. Warszawa, 1974; Ciepielewski I. Historia społeczno-ekonomiczna Związku Radzieckiego. Warszawa, 1974.
3. Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1967.
4. Łossowski P. Gazeta "Ausra" i początek narodowego ruchu litewskiego 1883-1886, - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej. Wrocław, 1965, t. 1. Ochmański J. Litewski ruch narodowo-kulturalny w XIX w. (do 1890 r.) Białystok, 1965; tenże, Z dziejów współpracy polityczno-kulturalnej Polaków i Litwinów w końcu XIX i na początku XX w. - Rocznik Olsztyński, 1974, t. 4.
5. Wschodnią ekspansja Niemiec w Europie Środkowej. Zbiór studiów nad tzw. "Drang nach Osten". Poznań, 1963.
6. Ochmański J. Rewolucyjna działalność Feliksa Dzierżyńskiego na Litwie w końcu XIX w. Poznań, 1969.
7. Łossowski P. Rewolucja 1905 w guberniach nadbałtyckich. - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1966, t. 2"; tenże, Powstania rewolucyjne w guberniach nadbałtyckich Rosji w 1905 r. Z Pola Walki, 1975, nr. 2.
8. Grünberg K. Polskie koncepcje federalistyczne 1864-1918. Warszawa, 1971.
9. Kiewisz L. Sprawy Łotewskie w bałtyckiej polityce Niemiec w latach 1914-1919. Poznań, 1970.
10. Łossowski P. Między wojną a pokojem. Niemieckie zamysły wojenne na wschodzie w obliczu traktatu wersalskiego, marzec. - czerwiec 1919. Warszawa, 1976.

11. Pajewski J. "Mitteleuropa". Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959.
12. Ochmański J. Rady i rewkony na Litwie radzieckiej w latach 1918-1919. - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1969, t. 5; tenże, Tworzenie się terenowych organów władzy radzieckiej na Litwie. - Zapiski Historyczne, Toruń, 1970, r. 35, z. 3-4; Deruga A. Z dziejów ruchu rewolucyjnego na ziemiach litewsko-białoruskich w 1918 r. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. Warszawa, 1975, t. 11-12.
13. Wojna R. W ogniu rosyjskiej wojny wewnętrznej 1918-1920. Warszawa, 1975.
14. Łossowski P. Kształtowanie się podstaw ustrojowych w państwach bałtyckich. - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1968, t. 4.
15. Łossowski P. Problem mniejszości narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej na przykładzie państw bałtyckich 1919-1940. - In: "Ład wersalski" w Europie Środkowej. Wrocław, 1971.
16. Łossowski P. Ideologie reżimów autorytarnych (kraje bałtyckie 1926-1934-1940). - In: Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej 1918-1939. Wrocław, 1973.
17. Łossowski P. Kraje bałtyckie na drodze od demokracji parlamentarnej do dyktatury (1918-1934). Wrocław, 1972.
18. "Ład wersalski" w Europie Środkowej. Konferencja naukowa w Instytucie Historii Polskiej Akademii Nauk w Warszawie 2-3/XII 1969. Wrocław, 1971; Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej 1918-1939. Konferencja naukowa w Instytucie Historii Polskiej Akademii Nauk 2-3/XII 1971. Wrocław 1973.
19. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918-1920, Warszawa 1966; tenże, Polskie ultimatum do Litwy w marcu 1938 r. widziane z placówki RP w Tallinie. - Studia z

- dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1975, t. 11;
- Deruga A. Geneza umowy białostockiej z 5/II 1919. - Rocznik Białostocki, 1966, t. 6; Gostyńska W. Polityka polska wobec Litwy i Białorusi (X 1918 - I 1919) . - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1965, t. 1.
20. Deruga A. Polityka wschodnie Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918-1919) Warszawa, 1969; tenże, O federalizmie i polityce wschodniej obozu belwederskiego. - Przegląd Historyczny. Warszawa, 1964, z. 2; Wapiński R. Endecka koncepcja polityki wschodniej w latach II Rzeczypospolitej. - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1969, t. 5; Kukułka J. Niektóre aspekty międzynarodowe polityki Piłsudskiego wobec ziem litewsko-białoruskich w pierwszej połowie 1919 r. - Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1958, t. 59, z. 4; Leczyk M. Ze studiów nad polską polityką wschodnią po przewrocie majowym (V 1926 - V 1927). - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały 1975, t. 11-12; Deruga A. Geneza polsko-radzieckiego konfliktu zbrojnego na ziemiach litewsko-białoruskich. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały", 1969, t. 4.
21. Deruga A. Litwa w pierwszych latach po Rewolucji Październikowej. - Dzieje Najnowsze. Wrocław, 1972, r. 4; Łossowski P. Geneza, przebieg i następstwa przewrotu prawicowego na Litwie w 1926 r. - "Rocznik Białostocki", 1966, t. 6.
22. Łossowski P. Układ radziecko-litewski 1926 r. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1968, t. 3; Łopatniuk St. Stanowisko ZSSR wobec stosunków polsko-litewskich (1920-1928). - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1965, t. 5.

23. Skrzypek A. Kłajpeda jako zagadnienie międzynarodowe (1918-1939). - Dzieje Najnowsze, 1971, z. 3; Mikulicz S. Kłajpeda w polityce europejskiej 1918-1939. Warszawa, 1976.
24. Skrzypek A. Zagadnienie polsko-łotewskiej konwencji wojskowej 1919-1925. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1970, t. 6; tenże, Układ polsko-łotewski z 17/III 1922 r. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich, Studia i materiały, 1970, t. 8; tenże, Związek państw bałtyckich na tle stosunków polsko-radzieckich 1919-1925. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1972, t. 9; tenże, Stanowisko Lenina wobec pokoju z Estonią. - Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, 1970, t. 7.
25. Skrzypek A. Związek Bałtycki. Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSSR w latach 1919-1925. Warszawa, 1972.
26. Lapter K. Problem bałtycki w stosunkach Polski z Niemcami i ZSSR w okresie międzywojennym, - Studia z najnowszych dziejów powszechnych, 1963, nr. 4.
27. Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie 1918-1919. Warszawa, 1972; Kumaniński J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921-1923. Warszawa, 1971; Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925-1934. Warszawa, 1976; Mikulicz S. Od Genui do Rapallo. Warszawa, 1966.
28. Woszczynski B. Archiwalia obrazujące stosunki Polski z krajami nadbałtyckimi 1918-1939. - Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej, 1970, t. 6.
29. Sobczak J. Hitlerowskie przesiedlenia ludności niemieckiej w dobie drugiej wojny światowej. Poznań, 1966.
30. Kersten K. Repatriacja ludności polskiej po drugiej wojnie światowej. Wrocław, 1974.

31. Połomski F. Aspekty rasowe w postępowaniu z robotnikami przymusowymi i jeńcami wojennymi III Rzeszy (1939-1945). Wrocław, 1976.
32. Dunin-Wąsowicz K. Oboz koncentracyjny Stutthof. Gdynia, 1966.
33. Grünberg K. - SS - czarna gwardia Hitlera. Warszawa, 1975.
34. Walichnowski T. ZSSR. Państwo wielonarodowe. Warszawa, 1972; Kraj dwóch kontynentów. Warszawa, 1976.
35. Bem Cz. Rozwoj gospodarczy i kulturalny Łotewskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej. Warszawa, 1962.
36. Maczewski Cz. Radziecka Estonia. Ekonomia i kultura. Warszawa, 1962.
37. Wiśniewski St. Litwa wczoraj i dziś. Warszawa, 1964.

АПОЛОГЕТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
КУРСА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ БУРЖУАЗНОЙ
ЛАТВИИ (1933 - 1939)*

Как известно, особая роль в реализации агрессивных планов германского фашизма отводилась немцам, проживавшим за границей. В 1934 г. Гитлер следующим образом определил их миссию: "На переднем крае нашего движения германской борьбы вы в качестве аванпоста Германии создадите для нас возможность реализовать наше выступление и начать нашу борьбу..." [1, 59].

Гитлеровское правительство располагало целым арсеналом средств для того чтобы превратить определенную часть немецкого национального меньшинства в тех странах, которые фашистская Германия рассчитывала завоевать, в инструмент своей агрессивной политики. Одним из таких средств была финансовая "помощь", предоставлявшаяся на "определенных условиях". Третий рейх ассигновал крупные денежные суммы и прибалтийским немцам в буржуазной Латвии**^{хх}, причем значительные средства жертвовались именно для национал-социалистической пропаганды. На эти цели германское министерство пропаганды в октябре 1933 г. предоставило, например, местным латвийским и эстонским национал-социалистам 650 тыс. латов [3, 678.-80.sl.].

Пропаганду идей и целей германских нацистов в Латвии существенно облегчало то обстоятельство, что ведущая и наиболее влиятельная прибалтийско-немецкая газета "Rigasche Rundschau" уже с 1928 г. принадлежала рейху [1, 43]. Для этой газеты, в частности источником финансовых средств, как свидетельствуют материалы буржуазного сейма, являлись "государственные учреждения Германии" [3, 680.sl.]. Таким образом, Берлин располагал возможностью воздействовать на политическое направление "Rigasche Rundschau" и определять изменения в составе ее редакции.

* По материалам газет "Rigasche Rundschau" и "Rigasche Post" (до сентября 1934 г. - еженедельник "Riga am Sonntag").
** Ежегодно организация "Прибалтийско-немецкая национальная община в Латвии" получала от Германии около 400 тыс. латов [2].

Первыми жертвами политики "унификации"* , проводившейся третьим рейхом , стали главный редактор газеты П.Шиман и руководитель зарубежного отдела Г. фон Римша. Весной 1933 г. , когда последний был фактически уволен [I, s. 43] , его функции перенял В.Гроссберг, заслуживший, по словам газеты "Frühmorgen" , "репутацию злобного гитлеровца"-[4].

Вопрос об отставке П.Шимана был поднят после его отъезда из Латвии в марте 1933 г. [5, 33] ** . Владельцев "Rigasche Rundschau" в Германии не удовлетворяло содержание газеты, так как в ней почти не обсуждались вопросы национал-социалистической идеологии***. Ввиду того что П.Шиман был связан с "Rigasche Rundschau" пожизненным контрактом, его освобождение от должности редактора повлекло за собой юридические трудности и затянулось до июля 1933 г. [I, 43] .

С конца марта до 7 июля 1933 г. обязанности главного редактора "Rigasche Rundschau" практически исполнял К.Келлер. Смена редакторов заметно повлияла на политический курс газеты. Газета стала активно пропагандировать идеи национал-социализма. "С тех пор, как перестала выходить "Deutsche Zeitung", - говорилось в обзоре печати, составленном отделом печати министерства иностранных дел буржуазной Латвии, - примерно половину своего объема "Rigasche Rundschau" отводит изложению выступлений и программ национал-социалистов" [2] .

Хотя К.Келлер всячески старался оправдать оказанное доверие и укрепиться на посту П.Шимана, он все же вынужден был сложить свои полномочия. "... Келлер, - писала газета "Dzintārkāz Zīdaz" - ... по-видимому, оказался неприемлемым для латвийских гитлеровцев" [7] . 7 июля 1933 г. правление газеты "Rigasche Rundschau" избрало руководителем редакции Ф.Икселя-Гильденбанда - редактора венского ежемесечника "Nation und Staat" [8; 9] .

С деятельностью Ф.Икселя-Гильденбанда (7 июля 1933 г. - I де-

* "Унификация" прессы означала не только проповедь фашистских взглядов, но и подчинение берлинскому руководству.

ж Судя по данным материалов сейма буржуазной Латвии, П.Шиману был предоставлен отпуск для поездки за границу с 23 марта по 10 июня 1933г. [35, 446. st.] .

жжж Подробнее см.: [6, .39-40] .

кабря) связан новый этап на пути превращения "Rigasche Rundschau" в газету выраженной фашистского направления. Руководство ее фактически перешло в руки окрепшего к тому времени прибалтийско-немецкого национал-социалистического движения (Bewegung).

В этот период "Rigasche Rundschau" уже не удовлетворялась тенденциозным изложением внутренней и внешней политики третьего рейха и разработкой тем "немецкого социализма". Она стала открыто выражать свои симпатии латышской фашистской организации "Перконкрусто" [10], приветствовала успехи прибалтийско-немецких национал-социалистов в Эстонии [11, 12] и т.п. Такое содержание "Rigasche Rundschau" встревожило даже буржуазную прессу Латвии. 15 августа "Jaunākās Ziņas" писала: "Они (прибалтийские немцы. - И.Ф.) нежелают больше быть меньшинством, которое удовлетворяется соответствующими правами, но начинают открыто выступать против примирения ... в своем стремлении занять господствующее, определяющее место в колонии" [8]. Главной цитаделью новых претендентов на колонизацию Латвии, по словам упомянутой газеты, являлась редакция "Rigasche Rundschau".

Начиная с 1 декабря 1933 г. передовые статьи "Rigasche Rundschau" стал подписывать Э. фон Мензенкампф, который до вступления в новую должность был германским государственным чиновником [3, 680. sl.]. В соответствии с утверждением газеты "Rēdējā Vrīdī", Э. фон Мензенкампф получил назначение из Берлина на пост главного редактора. Одна из причин, определивших такой выбор, заключалась, как писала газета, в том, что "... он как технический работник всегда выполняет приказы своих работодателей" [13]. Этот фактор, по-видимому, и можно считать решающим, так как Э. фон Мензенкампф продолжал оставаться у руля "Rigasche Rundschau" на протяжении шести лет, вплоть до репатриации прибалтийских немцев.

Это, однако, еще не проясняет другую сторону вопроса: по какой причине был уволен Ф. Икскуль-Гьольденбанд? В опубликованном сообщении правления "Rigasche Rundschau" указывалось, что он оставляет пост главного редактора по собственному жела-

ний [14]. Однако такой ответ вряд ли можно считать удовлетворительным.

Рассматривая тактику рейха в вопросе "унификации" "Rigasche Rundschau", прибалтийско-немецкий историк Г. фон Римша отмечал, что Берлин должен был действовать осторожно и маскировать "унификацию", ибо существовала опасность запрещения газеты. Вследствие этого, по мнению Римши, "Rigasche Rundschau" не была отдана в руки национал-социалистического движения [1, 43]. Тем не менее, как уже подчеркивалось, пока главным редактором был Ф.Икскуль-Гольденбанд, именно это движение задавало тон в газете. С учетом данного обстоятельства и общего усиления активности прибалтийско-немецких национал-социалистов, отмечавшегося осенью 1933 г., может быть понята "желательность" замены редактора "Rigasche Rundschau". Сказанное подтверждается и содержанием газеты. После ухода Ф.Икскуля-Гольденбанда "Rigasche Rundschau" фактически (до осени 1939 г.) больше не публиковала выступлений вождя национал-социалистического движения Э.Крегера. Сократилось и число статей, посвященных теме "германского социализма". Для пропаганды своих целей национал-социалистическое движение пыталось использовать другую газету - "Rigaer Tageszeitung". *

С другой стороны, на страницах "Rigasche Rundschau" не появилось ни одного слова критики в адрес прибалтийско-немецкого национал-социалистического движения и его методов деятельности. Неизменной оставалась позиция "Rigasche Rundschau" и в вопросе германского фашизма, в восхвалении которого газета не знала никакой меры. Недаром "Sozialdemokräts" 10 декабря 1933 г. указывал, что немецкие газеты "пишут так, как Геббельс в Берлине приказывает" [15].

Другая влиятельная рижская немецкая газета носила название "Riga am Sonntag" ("Rigasche Post"). Ее издателем и главным редактором был Р.Ридель. 30 января 1935 г. он совместно с В.Садовским основал товарищество на паях для издания газеты [2]. Договор о создании этого товарищества был возобновлен в 1938 г. с [2].

* Газета выходила с 24 февраля по 16 мая 1934 г.

Приход Гитлера к власти в Германии "Riga am Sonntag" встретила с восторгом. Газета ожидала "от национал-социализма и Адольфа Гитлера возрождения рейха и народа" [16, 36]. Практически, не изменив общей оценки политики фашистской Германии, "Riga am Sonntag", тем не менее, с начала 1934 г. превратилась в единственную значительную прибалтийско-немецкую газету, представлявшую свои страницы противникам методов, применявшихся группой Э.Крегера. Не удивительно поэтому, что она удостоилась названия газеты принадлежавшей "системе"*. По утверждению Г. фон Римши, газета продолжала сохранять "независимую позицию" вплоть до весны 1939 г., когда и она пала "жертвой унификации" [1, 43].

Предметом рассмотрения данной статьи являются только те материалы "Rigasche Post", которые посвящены внешней политике гитлеровского правительства. Их анализ приводит к выводу, что отношение "независимой" "Rigasche Post" и "унифицированной" "Rigasche Rundschau" к внешней политике рейха было весьма сходным. Имевшиеся же различия не носили ни существенного, ни принципиального характера. Вследствие этого автор, не ставя себе целью выявить нюансы в оценке каждой из газет отдельных внешнеполитических акций гитлеровского правительства, стремится определить отношение обоих органов к агрессивной политике рейха в целом, выделяя и акцентируя наиболее характерное в их подходе.

Стремясь оправдать агрессивную политику рейха, фашистская пропаганда широко использовала теорию создания "жизненного пространства" для германской нации, идеи национализма и расизма. Основные идеологические и пропагандистские лозунги на различных этапах агрессии фашистской Германии дополнялись, в зависимости от обстоятельств, целым комплексом тактических приемов и положений [17, 41]. В определенной мере изменение акцентов прослеживается и в немецкой прессе Латвии, ибо как "Rigasche Rundschau", так и "Rigasche Post" уделяли много места пропаганде внешнеполитических лозунгов и концеп-

* Термином "система" представители "движения" обычно обозначали официальное руководство прибалтийских немцев.

ций фашистской Германии, "теоретическому" обоснованию действий рейха .

В первые годы после фашистского переворота, когда ремилитаризация Германии еще не была завершена и национал-социалисты активно афишировали свое "миролюбие", в центре внимания газет "Rigasche Rundschau" и "Riga am Sonntag" ("Rigasche Post") находилось требование нацистов обеспечить немецкому народу так называемое равноправие в вопросах "обороны" страны. Фактически эта газетная шумиха прикрывала стремление легализовать вооружение Германии и ее отказ от международных обязательств. "Против требования Германии обеспечить равноправие, - указывала "Rigasche Rundschau", - нельзя почти ничего возразить..." [18]. Сложившееся положение, при котором Германия "в качестве единственной реликтовой державы полностью разоружена, - по мнению газеты, представляет собой "политический абсурд" [19].

Демагогический лозунг "равноправия" обе газеты широко использовали и для того, чтобы "доказать" необходимость отдельных внешнеполитических акций Германии. Сказанное в первую очередь относится к уходу рейха с конференции по сокращению и ограничению вооружений и к оккупации демилитаризованной Рейнской области. Если в первом случае немецкая печать в Латвии подчеркивала "непризнание" "равноправия" Германии [20; 21], то во втором акцентировалось обретение ею "равноправия и суверенитета". "Германия теперь на практике и окончательно реализовала теоретически давно признанные за ней равноправие и суверенитет, - подчеркивала "Rigasche Rundschau" [22]. Наряду с "требованием равноправия" в связи с вопросом об оккупации демилитаризованной Рейнской области газета популяризировала и другие аргументы фашистской пропаганды - тезис "несовместимости" договора о взаимопомощи между СССР и Францией (1935 г.) с духом Локарнских соглашений 1925 г., "односторонность" условий Версальского договора и т.п. Если Германия что-нибудь и нарушила, говорилось в статье "Настроение в Германии", то только "односторонность" (имелись в виду условия разоружения и демилитаризации, содержащиеся в Версальском договоре) [23].

По мере реализации гитлеровской Германией своих завоеватель-

ных планов, немецкая печать в Латвии все чаще стала пользоваться пропагандистскими средствами из арсенала фашистской идеологии. Так, например, обосновывая "необходимость" присоединения Австрии (аншлюса) к германскому рейху, "Rigasche Rundschau" выдвигала на передний план идеи национализма и пангерманизма, т.е. именно то оружие, которое германские фашисты применили вскоре в ходе идеологической подготовки агрессии против "второго немецкого государства". Чаще других нацистская пропаганда выдвигала лозунг "единства" всех немцев, нашедший свое выражение в формуле "один народ, один рейх, один фюрер" [24, 70]. Этот же лозунг нередко появляется на страницах "Rigasche Rundschau" [22]. Изображая аншлюс Австрии как победу "великогерманской идеи", газета писала: "Великогерманская идея претворена в жизнь, и немецкий народ осознал себя сплоченным вокруг нее и вокруг своего вождя" [25].

Немецкая пресса в Латвии многое предпринимала и для того, чтобы с международно-правовых позиций оправдать "присоединение" Австрии, используя демагогически для этого положение о праве народов на самоопределение. Спекулируя историческими фактами, она тшлась доказать, что аншлюс фактически должен был произойти уже после окончания первой мировой войны. Подчеркивая "историческую общность" Германии и Австрии и изображая аншлюс Австрии как "добровольное" присоединение к германскому рейху, как общее "дело всей германской нации", печать немецкого меньшинства "забывала", что речь идет об агрессивной акции.

Если в период аншлюса Австрии, а также присоединения Судетской области немецкие газеты в Латвии преподносили в качестве отправной точки внешней политики фашистской Германии "идею нации", то в пору ликвидации Чехословакии как самостоятельного государства эту роль стала играть "идея рейха". Последняя носила более всеохватывающий характер, ибо позволяла обосновать необходимость аннексии территорий, населенных другими народами. Именно поэтому редакторы и корреспонденты немецких газет в Латвии не жалели чернил для того, чтобы доказать ее "обоснованность": "... если идея нации обусловлена расовыми и биологическими фактами, - утверждал Г. фон Римша, - то идея

рейха определена исторически и политически" [26].

В "идее рейха" воплотилась подлинная сущность устремлений германского империализма. В связи с тем, что фашистская Германия приступила к реализации этой идеи, Римша частично открыл ее цели: на пространстве Центральной Европы должен быть создан "порядок, устанавливаемый немцами" [26]. Как бы в оправдание будущих требований Германии об изменении границ, автор указывал: "идея рейха ... невозможно ограничить в территориальном смысле также четко, как идея нации" [27].

Пропагандируя идеологические лозунги фашизма, немецкая печать в Латвии одновременно выражала полную поддержку внешнеполитическому курсу рейха, следовала за его поворотами (в том числе и мнимыми), в своей очереди определявшими имененные позиции газет по тому или иному вопросу. Для того чтобы охарактеризовать эту линию, достаточно рассмотреть, как немецкая печать в Латвии освещала германо-польские отношения.

Начиная с января 1934 г. проблеме взаимоотношений Германии и Польши отводится значительное место на страницах газет немецкого меньшинства. Как "Riga'sche Rundschau", так и "Riga am Sonntag" были единодушны в том, что подписанная 26 января Германией и Польшей декларация представляла собой подтверждение "новой" внешней политики Гитлера. "Во всяком случае ясно, - подчеркивала "Riga am Sonntag", - что это соглашение совпадает с основным направлением новой германской внешней политики, избранной Гитлером" [28]. По мнению еженедельника, "новый" внешнею политику Гитлера характеризовал прежде всего тот факт, что "он (Гитлер. - И.Ф.) решил, отказавшись от помощи Лиги Наций, установить непосредственные контакты со своими соседями" [29]. Отношение органов немецкой прессы в Латвии к этому было весьма положительным. Они приветствовали германо-польскую декларацию как подтверждение оперативности немецкой политики и в качестве фактора, "способствующего" уменьшению общей напряженности. Несмотря на то, что новое соглашение не ликвидировало суть конфликта в германо-польских отношениях*, тем не менее

* Имеется в виду германо-польская граница, положение немецкого меньшинства в Польше.

устранило опасность того, "что этот конфликт разожжет пламя войны" [28], указывалось в статье "Германо-польское сближение". "Новые пути германской внешней политики". Таким образом, соглашение между Германией и Польшей преподносилось как первый этап нормализации отношений между обоими государствами.

После заключения упомянутого договора, в определенной мере изменилась позиция местной немецкой печати в вопросе о германо-польских взаимоотношениях. Если до 26 января 1934 г. на ее страницах нередко появлялись сообщения о "притеснении" немецкого меньшинства в Польше и т.п. [29; 30], то позднее (вплоть до весны 1939 г.) основной темой немецких газет в Латвии стало изложение благотворного влияния декларации от 26 января на развитие польско-германских отношений [31; 32; 33]. Отметим также, что и пресса Германии прекратила антипольскую пропаганду, выдвинув лозунг о наступлении "новой эры" в польско-германских отношениях [34, 51].

Лозунг "новой эры" в отношениях между обеими странами включал миф о миролюбивых усилиях рейха и его намерениях мирным путем, без применения силы урегулировать все спорные вопросы, равно как и пропаганду идеи "единства взглядов" обеих стран по различным вопросам международной жизни.

"Единство взглядов" Германии и Польши подчеркивалось прибалтийско-немецкой прессой уже летом 1934 г., когда обсуждался проект так называемого Восточного пакта, который, как известно, в существовавших условиях был лучшим средством обеспечения мира в Европе. Так, например, сообщая о резко отрицательном отношении Германии к этому пакту, "Rigasche Rundschau" отмечала, что Польша также не изъявляет "ни малейшего стремления к нему" [36]. Аналогичные взгляды высказывались и в статье "Пакт между Востоком и Западом", в которой говорилось, что нельзя считать реальным присоединение Германии и Польши к запланированной Францией системе пакта [37].

Иное содержание пропаганда "единства взглядов" Германии и Польши приобрела в период сулецкого кризиса.

На страницах немецких газет в Латвии, и в особенности на страницах "Rigasche Rundschau", стала появляться информация о польских территориальных претензиях к Чехословакии. По этому поводу газета в первую очередь обращала внимание на парал-

тельный характер германской и польской политики в чехословацком вопросе, одновременно подчеркивая поддержку, которую Германия оказывала этим требованиям Польши [38; 39]. Тем самым "Rigasche Rundschau" акцентировала "единство взглядов" Германии и Польши на разрешение территориальных вопросов в Европе.

Положение коренным образом изменилось после захвата Германией Чехословакии. Польша теперь фактически становится очередным объектом германской агрессии. Немецко-польские отношения обострились, что незамедлительно нашло отражение в немецкой прессе в Латвии. Больше уже никто не писал о позитивном развитии германо-польских отношений, не рекламировал "сотрудничество" обоих государств. В сущность этих перемен посвящала статья варшавского корреспондента "Rigasche Rundschau", называвшаяся "Новая внешняя политика Польши". Автор этой статьи упрекал польское правительство в изменении внешнеполитического курса: "... сегодня внешняя политика Польши стала ... иной, чем она была еще несколько месяцев или даже недель тому назад" [40]. Основанием для таких упреков послужило оживление англо-польских отношений. Англо-польское соглашение о гарантиях^ж было воспринято "Rigasche Rundschau" как присоединение Польши к так называемой политике "окружения" Германии.

Импульсом для настоящей антипольской кампании послужила речь Гитлера от 28 апреля^{жж}. Уже в мае и июне как "Rigasche Rundschau", так и "Rigasche Post" много писали о положении немецкого меньшинства в Польше, указывали на учашение "эксцессов", направленных против немцев [41], а также повели речь о Гданьске. "Немецкий Данциг", "навекі немецкий Данциг", "Данциг немецкий" - такими заголовками пестрели страницы названных газет [42; 43; 44]. В июле и августе почти в каждом номере немецких газет, выходивших в Латвии, освещался один из этих вопросов.

ж 31 марта 1939 г. премьер-министр Н. Чемберлен сообщил о предоставлении гарантий Польше, 6 апреля было опубликовано англо-польское коммюнике, в котором указывалось, что между обеими странами достигнуто соглашение о взаимопомощи.

жж 28 апреля 1939 г. Гитлер объявил об аннулировании германо-польского договора от 26 января 1934 г.

Однако этим прибалтийско-немецкая пресса уже не удовлетворилась. Все чаще на ее страницах стали появляться сообщения, "разоблачавшие" агрессивные устремления Польши. Так, например, 9 августа "Rigasche Rundschau" цитировала слова одного польского генерала, заявившего якобы, что человечество находится накануне войны, которая приведет к образованию "большой Польши" [45].

Одновременно немецкие газеты в Латвии стали позволять себе открытые нападки на Польшу. 30 июля на страницах "Rigasche Post" появились две статьи - "Присоединение к Европе" и "Рейды в Восточную Европу". В них Польша называлась страной бескультурья и неграмотности, подвергалась сомнению достоверность данных ее официальной статистики, делались недвусмысленные намеки на участь Чехословакии [46]. Ввиду того что публикация подобных статей угрожала осложнением отношений между Польшей и буржуазной Латвией, газета была оштрафована на сумму в 300 латов [2]. Однако ее редакция даже не сочла необходимым представить министерству общественных дел буржуазной Латвии соответствующие разъяснения [2], как это было принято в подобных случаях.

Упомянутые факты позволяют сделать вывод, что "Rigasche Rundschau" и "Rigasche Post" играли отнюдь не пассивную роль в пропагандистской кампании нацистов, направленной против Польши.

Следуя образцам геббельсовской пропаганды, немецкая пресса в Латвии обратилась к восхвалению "миролюбия" фашистской Германии. В первые годы после "национал-социалистской революции" отрицание агрессивности рейха стало как будто бы одной из важнейших задач газет немецкого меньшинства. Актуальность ее определялась прежде всего тем, что определенные круги буржуазной Латвии восприняли установление фашистской диктатуры в Германии как эвентуальную угрозу независимости Латвии. Немецкая печать в Латвии всячески старалась рассеять эти сомнения, пытаясь создать выгодное для рейха представление о внешней политике правительства Гитлера. С этой целью "Rigasche Rundschau" и "Rigasche Post" опубликовали несколько статей, имевших целью убедить читателей в том, что "немецкая опасность" - не более чем "призрак".

В качестве основных аргументов обычно приводились утверждения фашистских вожаков о том, что Германия намерена уважать интересы всех народов и стремиться продолжать политику мира. "Нет никаких оснований, - писала "Riga am Sonntag", - сомневаться в правдивости этих разъяснений" [47]. Белая успокоить "встрешенные умы", газета подчеркивала, кроме того, невозможность агрессивных действий со стороны Германии ввиду существующего соотношения сил. Однако перечисленные функции прибалтийско-немецкие газеты выполняли весьма непоследовательно. Стремясь не выражать своего отношения к планам фашистов в целом, они в то же время не отмежевывались от них. Поэтому приходится согласиться с точкой зрения газеты "Brīvā Zeme", писавшей: "До сих пор из уст местных немцев мы не слышали твердых заверений, которые четко и ясно подтвердили бы тот факт, что наши сограждане отмежевываются от тех зарубежных фантастов, которые твердят, что границы будущей Германии должны включать все те страны, в которых встречаются островки немецкого языка" [48]. Эта непоследовательность подтверждалась и другими фактами. Так, например, в октябре 1933 г. "Riga am Sonntag" писала: "Германская политика по-прежнему направлена на сохранение мира. Германия осталась членом Лиги Наций" [47]. Однако всего через неделю третий рейх объявил о своем выходе из этой организации и газета в очередной раз лишилась "доказательства" "миролюбия" Германии.

Несмотря на то, что такой шаг Германии, свидетельствовавший об открытом игнорировании международных обязательств, не повлек за собой общей переоценки политики нацистского правительства ("политика Гитлера - политика мира") в немецкой прессе Латвии, тем не менее на ее страницах появились сообщения, в которых выражалось удивление новыми возможностями. "... после ухода Германии из Лиги Наций, - указывалось в статье "Примат внешней политики", - стало возможным разрушение (Auflockerung) версальской системы и ... возобновление большой политики". "Разрушение" версальской системы, говорилось далее, "... должно привести к новому распределению влияния европейских стран и народов, которое будет соответствовать их величи-

не и значению". При этом, по мнению автора статьи, малые государства (в том числе и Латвия. - И.Ф.) должны "своевременно отойти в сторону" [49]. Тем самым газета косвенным образом подчеркивала, что ослабление Лиги Наций увеличивает надежды фашистской Германии на осуществление ее агрессивных целей. Недаром даже правая газета "Latvis", анализируя упомянутую статью, писала: "Германикус (Г. фон Римпа. - И.Ф.) предлагает нам сдержанный и стыдливый нейтралитет, так как в этом случае его соплеменникам легче было бы претворить в жизнь свои далеко идущие планы" [50].

Несмотря на то, что после марта 1935 г.* центральной темой становится уже восхваление мощи рейха, немецкая печать в Латвии продолжает параллельно рекламировать "миролюбие" фашистской Германии. Действия правительства Гитлера - быстрое всестороннее вооружение и восстановление вермахта, - писала "Rigasche Rundschau", - ничего не меняет, так как вооружение немцев является "лучшей гарантией мира" [51].

Однако по мере усиления агрессивности германской внешней политики, прибалтийско-немецкие газеты все чаще вынуждены были вступать в полемику с мировым общественным мнением. В качестве примера можно указать на проблему германо-чехословацких отношений весной 1938 г. Причиной полемики являлись, по словам "Rigasche Rundschau", попытки общественного мнения рассматривать германский рейх "в качестве поджигателя войны" [52]. В этой связи газета не жалела "пороха", пытаясь "опровергнуть" эти взгляды. На ее страницах публиковались материалы, имевшие целью доказать "миролюбие" фашистской Германии, "разоблачавшие" утверждения, что Чехословакии уготована роль следующей жертвы "третьего рейха", убеждавшие читателей в необоснованности слухов о концентрации германских войск на германо-чехословацкой границе [52, 53, 54].

Эту роль "разоблачителя" неблагоприятной для фашистской Германии информации немецкая печать в Латвии выполняла вплоть до 13 марта 1935 г. Германия объявила, что больше не будет соблюдать тех статей Версальского договора, которые запрещали ей создавать военную авиацию, 16 марта германское правительство опубликовало декрет о введении всеобщей воинской повинности,

до начала второй мировой войны. Как "Rigasche Rundschau", так и "Rigasche Post" всегда подчеркивали "готовность" рейха мирным путем урегулировать "спорные вопросы" с Польшей. Вина за обострение международной ситуации и в конечном итоге за возникновение войны возлагалась на противников гитлеровской Германии. Это своеобразно проявилось в статье "Как это было", опубликованной в "Rigasche Rundschau" 9 сентября 1939 г., которая была замечена даже отделом печати министерства иностранных дел буржуазной Латвии. Последнее снабдило ее весьма лаконичным и однозначным примечанием: "Подобную статью могла опубликовать Германия в качестве "Белой книги", но не газета какого-либо нейтрального государства" [2].

Рекламируя "стремление к миру" фашистской Германии, особенно в публикациях полемического характера, немецкая пресса в Латвии не менее ярко восхваляла прочность и мощь третьего рейха. Хотя это направление обозначилось еще в 1933 г., отчетливый характер оно приобрело после марта 1935 г., когда прославление могущества и силы Германии превратилось в одну из центральных тем на страницах как "Rigasche Rundschau", так и "Rigasche Post". Обе газеты были единодушны в том, что только сила позволит фашистской Германии укрепить свои международные позиции. "Вне зависимости от того, идет ли речь об Англии, Франции или ... Германии, - писала "Rigasche Post", - ... значение имеют не отдельные мероприятия, но ... принцип. И принципом сегодня является сила. Под сенью этого принципа будет происходить дальнейшее развитие" [55].

Заключенное 18 июня 1935 г. англо-германское морское соглашение предоставило фашистскому рейху возможность наращивать свои силы. Вследствие того немецкая печать в Латвии реагировала на соглашение весьма положительно. Этот первый акт, направленный на легализацию вооружения Германии, ликвидировал по мнению члена редакции "Rigasche Post" Г. фон Римши, "далеко идущую изоляцию, в которой Германия оказалась ... В окружении, в котором Германия находилась, пробита брешь" [56]. "Rigasche Rundschau" поместила на своих страницах, правда, без комментариев, выдержки из статей в зарубежных газетах, в которых речь шла об

открывшейся возможности укрепления Германии на Балтийском море [57] .

Угрожающий тон местная немецкая печать приобрела в связи с оценкой создания оси Рим-Берлин: Германия, дескать, готова " снова исполнять свою партию в европейском концерте " [58] . Чувство удовлетворения в связи с ростом международного влияния и укреплением " авторитета " третьего рейха , в связи с возможностью " делать большую политику " , проходит сквозь многочисленные публикации " Rigasche Rundschau " и " Rigasche Post " , посвященные подписанию антикоминтерновского пакта, дальнейшему укреплению германо-итальянских отношений [59, 60, 61, 62, 63] .

Еще более явный характер восхваление мощи фашистской Германии названными газетами приобрело в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса. Третьему рейху больше нет необходимости соблюдать интересы других государств. " Она (великогерманская нация. - И.Ф.) достаточно сильна, - писал Э. фон Мензенкампф, - чтобы не склоняться перед чужой волей " [64] . Весьма характерно прозвучала оценка, данная " Rigasche Rundschau " году 1938-му: "... для людей нашей крови 1938 г. - год великой Германии " [65] .

Восхваление могущества фашистской Германии и роста ее политического влияния в газетах немецкого меньшинства достигло кульминации накануне второй мировой войны. Ярким доказательством этого являются материалы " Rigasche Rundschau " , в которых обсуждаются достижения немецкой политики " жизненного пространства " [66; 67] .

Рассматривая внешнюю политику фашистской Германии, немецкая печать Латвии отводила на своих страницах заметное место отражению деятельности немецкой " пятой колонны " . На протяжении весны и лета 1938 г. в центре внимания находился " вопрос " о судетских немцах. Как " Rigasche Rundschau " , так и " Rigasche Post " считали возможным выступать в поддержку различных претензий К. Генлейна (вожака партии судетских немцев), выдвигавшихся по указанию Гитлера. Так, например, ведущая прибалтийско-немецкая газета считала вполне естественным требование генлейновцев о присоединении Судетской области к Германии. Более того, 20 сентября газета выступила за немедленное удовлетворение

этого требования: "А теперь необходимо действовать быстро, ибо этого настоятельно требуют немецкие жертвы в Судетах" [68].

"Стремление" судетских немцев влиться в "германский рейх" "Rigasche Rundschau" не воспринимала как "нечто необычное". В этой связи в газете появились статьи по "истории" Чехословацкой республики. В одной из них утверждалось, что президент Бенеш представил на парижскую конференцию произвольные данные о концентрации и плотности немецкого населения Богемии и Моравии и т.п. [69]. Цель таких статей была очевидной - показать, что речь идет всего лишь об исправлении "исторической несправедливости, об обеспечении "справедливого мира". В этом-то якобы и заключается миссия германского народа. "...мы должны осознать, что немецкий народ, - писала "Rigasche Rundschau" является инструментом в руках высшей справедливости (höheren Gerechtigkeit), призванным вернуть миру мир, не ... иллюзорный мир, провозглашенный версальским диктатом 20 лет тому назад, но мир, который является результатом победы новой политической морали" [70].

Анализируя политику гитлеровского правительства в отношении Чехословакии, немецкие газеты в Латвии даже не пытались скрыть "тесную связь" между судетскими немцами и фашистским "рейхом". "... судетские немцы на протяжении всего конфликта, - указывал Г. фон Римша в статье "Роль материнской нации", - действовали в теснейшем контакте с германской материнской нацией" [71]. По словам этого автора, даже чехи воспринимают активную заинтересованность "германской материнской нации" как "нечто само собой разумеющееся... и, во всяком случае ... неизменное". В этом, по его словам, проявляется новый элемент "в попытках решения национальных проблем" [71]. Такая постановка вопроса воспринималась уже как косвенный призыв к остальным "национальным группам" немцев следовать примеру генлейновцев. Не случайно, вероятно, что именно в октябре 1938 г. "Rigasche Rundschau" пыталась привлечь внимание третьего рейха к положению прибалтийских немцев в буржуазной Латвии. С позиции оскорбленного национализма автор статьи "Долой нарушителей спокойствия" писал о враждебном отношении к немцам, говорящим на родном языке, и об угрозах и грубых оскорблениях, которым они подвергаются.

[72]. Недаром упомянутая статья была замечена государственными органами буржуазной Латвии. В материалах отдела печати департамента печати и общества министерства общественных дел хранится перевод этой статьи, однако без каких-либо примечаний [2].

Ободренная новыми успехами фашистской Германии, "Rigasche Rundschau" решила обратиться к немецкому меньшинству с прямым призывом к подрывной деятельности. На ее страницах в июле 1939 года была опубликована статья "Новые пути политики национальной группы", в которой сообщалось о создании партии карпатских немцев и о ее нелегальной деятельности. Цель статьи становилось ясной из редакционного примечания, которым нелегальная деятельность партии карпатских немцев связывалась с решением вопроса о немецких национальных меньшинствах в целом [73]. Столь открытый призыв к выступлению не мог остаться незамеченным со стороны государственных органов буржуазной Латвии, классифицировавших статью как возможную причину "нарушения порядка и общественного спокойствия". В связи с этим на редактора газеты был наложен самый высокий штраф, предусмотренный законом о печати от 14 февраля 1938 г., - 1000 латов [2].

Таким образом, анализ материалов по вопросам внешней политики фашистской Германии до начала второй мировой войны, публиковавшихся газетами "Rigasche Rundschau" и "Rigasche Post", свидетельствует о том, что обе газеты обсуждали его тенденциозно, голословно восхваляя политику третьего рейха. Они открыто приветствовали агрессивные действия Гитлера, выдвигали лживые обоснования захватнической внешней политики Германии, занимались пропагандой нацистских целей в буржуазной Латвии. Как "Rigasche Post", так и "Rigasche Rundschau" поддерживали деятельность германской "пятой колонны", пытаясь тем самым смоделировать своего рода образец понимания "долга" для прибалтийских немцев.

Готовность прибалтийско-немецкого национального меньшинства действовать в интересах третьего рейха определялась его стремлением вернуть себе прежнее привилегированное положение. Последнее обстоятельство вынуждены признать, хотя и косвенно, даже некоторые прибалтийско-немецкие историки [74, .10].

Л и т е р а т у р а

1. Rimscha H. von. Zur Gleichhaltung der deutschen Volksgruppen durch das Dritte Reich. Am Beispiel der deutsch-baltischen Volksgruppe in Lettland. - Historische Zeitschrift, 1956, Bd. 182, H. 1.
2. Центральний державний архів Латвійської ССР.
3. Latvijas Republikas sasīmas stenogrammas. Ārkārtējā un VII sesija. Rīga, 1933.
4. Rigasche Rundschau, 1933, 8. April.
5. Kause H. Paul Schiemann (1876-1944), die Balten und ihre Zeitgeschichte. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1976. Lüneburg, 1975.
6. Фельдманис И. "Ригаше Рундшау" и приход к власти фашистов в Германии. - Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки, 1976, т. 260. Германия и Прибалтика. 4.
7. Jaunākās Ziņas, 1933, 7. jūlijā.
8. Rigasche Rundschau, 1933, 8. Juli.
9. Jaunākās Ziņas, 1933, 15. augustā.
10. Rigasche Rundschau, 1933, 14. August.
11. Rigasche Rundschau, 1933, 28. November.
12. Rigasche Rundschau, 1933, 30. November.
13. Fēdējā Brīdī, 1933, 3. decembrī.
14. Rigasche Rundschau, 1933, 1. Dezember.
15. Sociāldemokrāts, 1933, 10. decembrī.
16. Kause H. Die Jahre 1930 bis 1933 als Wende im Leben der deutschen Volksgruppe in Lettland. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1971. Lüneburg, 1970.
17. Глужков А.Е. Социально-психологические основы нацистской пропаганды. - В кн.: Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. Вып. 5.
18. Rigasche Rundschau, 1933, 27. Mai.
19. Rigasche Rundschau, 1933, 15. Mai.
20. Rigasche Rundschau, 1933, 16. Oktober.
21. Riga am Sonntag, 1933, 15. Oktober.
22. Rigasche Rundschau, 1936, 14. März.

23. Rigasche Rundschau, 1936, 12. März.
24. Глушков А.Е. Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении захвата Австрии (1936-1938). - В кн.: Вопросы истории международных отношений. Томск, 1972. Вып. 4.
25. Rigasche Rundschau, 1938, 11. April.
26. Rigasche Post, 1939, 19. März.
27. Rigasche Post, 1939, 2. April.
28. Riga am Sonntag, 1934, 28. Januar.
29. Rigasche Rundschau, 1933, 1. Juli.
30. Rigasche Rundschau, 1933, 4. November.
31. Rigasche Rundschau, 1934, 31. Januar.
32. Rigasche Rundschau, 1934, 14. März.
33. Rigasche Rundschau, 1935, 12. November.
34. Глушков А.Е. Роль нацистской прессы в подготовке и осуществлении германской агрессии против Польши. - В кн.: Вопросы истории международных отношений. Томск, 1970. Вып. 3.
35. Latvijas Republikas Saeimas stenogrammas. IV-V sesija. Rīga, 1933.
36. Rigasche Rundschau, 1934, 8. Juni.
37. Rigasche Rundschau, 1934, 13. Juli.
38. Rigasche Rundschau, 1938, 28. September.
39. Rigasche Rundschau, 1938, 10. Oktober.
40. Rigasche Rundschau, 1939, 15. April.
41. Rigasche Rundschau, 1939, 25. Mai.
42. Rigasche Rundschau, 1939, 3. Mai.
43. Rigasche Rundschau, 1939, 1. Juni.
44. Rigasche Rundschau, 1939, 16. Juni.
45. Rigasche Rundschau, 1939, 9. August.
46. Rigasche Post, 1939, 30. Juli.
47. Riga am Sonntag, 1933, 8. Oktober.
48. Brīvā Zeme, 1935, 11. februāri.
49. Riga am Sonntag, 1933, 10. Dezember.
50. Latvis, 1933, 14. decembrī.
51. Rigasche Rundschau, 1935, 29. November.
52. Rigasche Rundschau, 1938, 2. Juni.
53. Rigasche Rundschau, 1938, 28. Mai.

54. Rigasche Rundschau, 1938, 4. Juni.
55. Rigasche Post, 1935, 17. März.
56. Rigasche Post, 1935, 23. Juni.
57. Rigasche Rundschau, 1935, 21. Juni.
58. Rigasche Rundschau, 1936, 24. Oktober.
59. Rigasche Rundschau, 1936, 26. Oktober.
60. Rigasche Rundschau, 1936, 27. Oktober.
61. Rigasche Rundschau, 1937, 17. September.
62. Rigasche Rundschau, 1937, 25. September.
63. Rigasche Rundschau, 1937, 2. Oktober.
64. Rigasche Rundschau, 1938, 17. September.
65. Rigasche Rundschau, 1938, 31. Dezember.
66. Rigasche Rundschau, 1939, 1. Mai.
67. Rigasche Rundschau, 1939, 26. Mai.
68. Rigasche Rundschau, 1938, 20. September.
69. Rigasche Rundschau, 1938, 21. September.
70. Rigasche Rundschau, 1938, 29. September.
71. Rigasche Post, 1938, 14. September.
72. Rigasche Rundschau, 1938, 24. Oktober.
73. Rigasche Rundschau, 1939, 26. Juli.
74. Baltische Briefe, 1969, N 6.

Я. Райд

Тартуский государственный университет

ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ
И НЕМЕЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО В ЭСТОНИИ

Приход фашистов к власти в Германии в начале 1933 г. привел к активизации захватнической политики германского империализма против прибалтийских государств и других стран Восточной Европы. В борьбе за осуществление своих аннексионистских планов Германия стремилась всячески использовать проживающие в этих странах немецкие национальные меньшинства.

Выступая летом 1934 г. перед представителями зарубежного немецчества Гитлер говорил: "Вы взяли на себя одну из важнейших задач. Вы должны не только, как прежде, беречь и сохранять немецчество, вы должны высколотить его в боевую группу... В качестве форпостов Германии на переднем фронте нашей германской борьбы вы сделаете возможным осуществить наше выступление и начать боевые действия... Вы должны подготовить почву" [1, 138].

Для руководства немецкими национальными меньшинствами за рубежом в гитлеровской Германии существовали различные организации, подчинявшиеся высшим инстанциям нацистской партии. Большое внимание Берлин уделял прибалтийским немцам, в том числе - немцам Эстонии. К началу 30-х гг. немцы, проживавшие в Эстонии, представляли из себя неоднородную в политическом отношении национальную группу, в которой главную роль играли представители старшего поколения. Положение национального меньшинства в стране, в которой они ранее занимали господствующие позиции, не устраивало правящие круги немцев Эстонии, и они боролись за постепенное усиление своего экономического и политического влияния. Понимая, что своими силами многого не добьешься, они все чаще обращали взоры к тем реакционным кругам Германии, которые намеревались продолжить,

политику "Дранг нах Остен". Это привело сперва к установлению контактов, а затем и к тесному сотрудничеству, в ходе которого немцы Эстонии в целом превратились в весьма активную агентуру гитлеровской Германии.

Весной 1929 г. по инициативе О. фон Курселля в Берлине была создана нацистская организация, названная "Прибалтийским братством" [2]. Эта организация объединила как бывших прибалтийских немцев, проживавших теперь на территории Германии, так и представителей немецкой части населения Эстонии и Латвии, где в том же году были созданы местные организации "братства". Деятельность "Прибалтийского братства" была особенно активна в Эстонии. Из-за закрытого характера и жесткой внутренней дисциплины эта организация не стала массовой, хотя и провела большую работу в деле пропаганды нацистских идей среди местных немцев.

Значительно более эффективную деятельность среди прибалтийских немцев в конце 20-х - начале 30-х гг. развила другая нацистская организация - национал-социалистское движение или, как его обычно официально называли, "движение за обновление". Как и "Прибалтийское братство", эта организация носила нелегальный характер. "Фюрером" движения был В. фон цур Мюлен, который в 1929 и в 1930 гг. побывал в Германии, где встречался с Гитлером и Розенбергом.

Главными задачами нацистского движения немцев Эстонии на этом этапе была борьба за руководство в немецко-прибалтийской партии и культурном самоуправлении. Позже они повели борьбу за право быть представленными в правительстве республики. Отметим, что в методах решения этих задач немцы Эстонии не были едины. В качестве противников нацистов выступали, главным образом, консервативно настроенные представители старшего поколения, которые видели в экстремистских действиях нацистов угрозу своеобразию и традиционному аристократизму прибалтийского немецчества. Под контролем консерваторов находились главные политические организации немцев Эстонии и они стремились добиться изменения статуса национального меньшинства с помощью

Лиги Наций и других международных организаций, занимавшихся вопросами национальных меньшинств в многонациональных государствах.

В борьбе за достижение своих целей сторонники нацизма широко использовали легальные формы деятельности. С марта 1932 г. в Таллине стала выходить новая немецкая газета "Der Aufstieg" [4], ставившая своей задачей информировать читателей "о немецком движении за обновление, в том числе о национал-социализме" [3, 627-628]. Газета восторженно приветствовала назначение Гитлера главой правительства Германии [4]. Главной легальной организацией нацистов среди немцев Эстонии был "Немецкий клуб", начавший свою деятельность в марте 1932 г. в Таллине. В правлении клуба были представлены руководители всех нацистских организаций, что позволяло направлять и координировать всю немецкую национал-социалистскую деятельность в Эстонии. Помимо лекций, докладов и прочих пропагандистских мероприятий "Немецкий клуб" организовал в 1933 г. первый трудовой лагерь для молодежи. По примеру Германии его участники занимались там физическим трудом и слушали лекции о германском национал социализме [5]. Берлин внимательно следил за деятельностью немецкого национального меньшинства в Эстонии и направлял в республику для оказания помощи нацистским организациям своих представителей. Так, в начале 30-х гг. Эстонию посетил один из ответственных работников гитлеровской партии К. Мотц, который имел встречи с В. фон цур Мюленом и другими местными "фюрерами".

Деятельность нацистского движения оказалась весьма результативной. На чрезвычайном съезде немецко-прибалтийской партии в ноябре 1933 г. в новое правление партии было избрано большинство сторонников нацистского движения, которое в свою очередь избрало председателем партии В. фон цур Мюлена. Таким образом, перед нацистами открылась возможность подчинить своему влиянию и другие немецкие организации и возглавить политическое руководство немецкой национальной группой в Эстонии.

Однако осуществить нацистам это в данный момент не уда-

лось. Напуганное переменами, происшедшими в рядах прибалтийских немцев, а также связями немецких нацистов с эстонскими вансами (фашистская партия ветеранов "освободительной войны"), правящие круги буржуазной Эстонии арестовали в начале декабря 1933 г. руководителей нацистских организаций, распустили их легальные организации, в том числе - культурный совет немецкого национального меньшинства [6]. Это вызвало протест германской печати, которая высказывала резкие обвинения в адрес эстонских властей и призывала германское правительство выступить в "защиту" немцев Эстонии. Продолжительный и острый характер этих нападков вынудил в 1935 г. министра иностранных дел Эстонии Ю.Сельямаа обратиться за разъяснением в МИД Германии. Однако это обращение не дало желаемых результатов. Министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат отказался, по существу, принять какие-либо меры для прекращения антиэстонской кампании, заявив, что "ничего не поделаешь, коли у некоторых людей имеются литературные наклонности и они используют их для написания книг или же публикации своих мыслей в печати" [7].

Застой в немецком нацистском движении продолжался не долго. Руководители нацистского движения решили создать для продолжения своей деятельности новые легальные организации и обратить больше внимания на идеологическую работу внутри национальной группы, а также на подготовку кадров. В связи с тем, что В. фон цур Мюлен находился под постоянным наблюдением полиции, новым "фюрером" немцев Эстонии был выдвинут таллинский адвокат О.Лутц. К началу 1935 г. в нацистском движении насчитывалось уже около 900 активных членов, что создавало благоприятные предпосылки для его дальнейшего развития.

О.Лутц неоднократно посещал Германию, где его инструктировали по вопросам тактики и методов работы. Как отмечалось в секретной информации министерства иностранных дел Эстонии, направленной главе государства, О.Лутцу разъяснили в Берлине, что в будущем Эстония должна стать частью Германии и что это произойдет путем принятия населением республики национал-социалистского мировоззрения при сохранении некото-

рых местных особенностей. Поэтому немецким нацистам не следует соострять отношения с эстонцами. В ходе сотрудничества между ними вскоре проявится "фактическое преимущество немцев, субъективно лучше подготовленных и стоящих в духовном отношении выше эстонцев", что позволит перейти к "большой политике" [8].

Основными легальными организациями немецких нацистов в Эстонии стали теперь "Самопомощь", которую возглавил О. Лутц и, несколько позже, "Народно-национальное объединение", переименованное впоследствии в "Объединение фольксдейче". Главное внимание члены "Самопомощи" уделяли вопросам пропаганды среди немецкого национального меньшинства. Целью этой пропаганды было создание немецкой "национальной общности", объединяющей на основе нацистского мировоззрения всех немцев Эстонии независимо от их классовой принадлежности и их приобщение к "германскому образу жизни". Наряду с обычными формами идеологического воздействия "Самопомощь" стала внедрять в жизнь немцев Таллина, Тарту, Пярну и некоторых других городов так называемые "обеды из общего котла", которые должны были также содействовать надклассовому объединению немецкого населения.

Во второй половине 30-х гг. большую помощь нацистскому движению среди прибалтийских немцев продолжали оказывать различные берлинские организации. Они не только помогали готовить кадры нацистских руководителей в так называемой школе фюреров в Бад-Тельце, но и выделяли значительные средства для финансирования нацистской деятельности в Эстонии. Эти деньги переправлялись в Эстонию через различных подставных лиц. Одним из таких был некий католический священник, про которого говорили, что у него польское имя, но немецкое сердце [9].

Активизация политической деятельности нацистских организаций прибалтийских немцев происходила на фоне постепенного сближения Эстонии и гитлеровского рейха. Этот процесс стал особенно интенсивно развиваться после подписания в 1935 г. англо-германского морского соглашения, по которому Балтийское море стало сферой влияния гитлеровской Германии. Основой тако-

го сближения являлись антикоммунистические и антисоветские цели обоих государств. Разумеется, в этом альянсе Эстония по-прежнему рассматривалась Германией как объект предстоящей аннексии.

Отмечая готовность правителей Эстонии во многом идти навстречу требованиям гитлеровской Германии, следует отметить одну сферу, в которой эстонское правительство упорно стремилось отстоять свою линию, даже рискуя вызвать недовольство Берлина. Это было отношение к немцам Эстонии.

После установления диктатуры правящие круги Эстонии стали постепенно ущемлять некоторые права, предоставленные местным немцам на основании культурной автономии. Особенно отчетливо такая политика прослеживается на примере отношения к немецким школам. С 1934 г. правительство Эстонии стало их все больше выводить из ведения культурного управления и подчинять министерству просвещения. Это вызвало оставшиеся без внимания правительства протесты местных немецких организаций. Когда же в 1937 г. на основании новой конституции было предусмотрено ввести в школах национальных меньшинств преподавание ряда предметов на эстонском языке, вмешалось и правительство Германии. 23 июля 1937 г., за несколько дней до окончательного принятия конституции, посольству Эстонии в Берлине было вручено секретное письмо министерства иностранных дел Германии, в котором указывалось, что намеченные изменения в деятельности немецких школ могут вызвать в Германии плохое впечатление и бросить тень на развивающиеся пока удовлетворительно отношения между обоими странами [10].

Однако это предупреждение не повлияло на позицию правящих кругов Эстонии и намеченное нововведение в положение о школах национальных меньшинств было закреплено конституцией. Тогда правительство Германии предприняло новые шаги. 10 декабря 1937 г. начальник отдела МИДа Германии Б. фон Грундхерр заявил эстонскому посланнику в Берлине, что преподавание некоторых предметов на эстонском языке в немецких школах может ухудшить отношения между Германией и Эстонией

и что министерству удавалось пока сдерживать прессу, готовую выступить с нападками на эстонское правительство, но в дальнейшем это будет сделать трудно. Грундхерр рекомендовал найти пути для того, чтобы полностью или частично освободить немецкие школы от преподавания на эстонском языке [11]. В результате намеченные изменения в немецких школах так и не были осуществлены до переселения прибалтийских немцев в 1939 г.

Во второй половине 30-х годов значительно активизировали деятельность организации прибалтийских немцев, постоянно проживавших в Германии. Их головной организацией являлось "Прибалтийское деловое содружество" с центром в Берлине и с отделениями в 25-ти городах. Члены содружества были настроены весьма воинственно и неоднократно выражали уверенность в том, что немецким национальным группам в Прибалтике удастся скоро восстановить руководящее положение в политической жизни Эстонии и Латвии. Являясь неправительственными организациями союзы и общества прибалтийских немцев Германии вели активную и в большинстве случаев клеветническую пропаганду в поддержку немецких национальных меньшинств в Прибалтике.

Так, например, 11 декабря 1938 г. руководитель дрезденским отделением "Прибалтийского делового содружества" К. Буш выступил с предложением начать в германской печати поход против правительств Эстонии и Латвии в связи с насилием, якобы творимым в этих республиках над немецкими национальными меньшинствами. Он писал: "Теперь действительно наступило последнее время открыть глаза цивилизованным государствам Европы на борьбу за уничтожение прибалтийского немецчества, проводящую латвийским и эстонским правительствами" [12].

В создание отрицательного общественного мнения в отношении политики республик Прибалтики и в защиту интересов проживавших там немцев выступил и империалистический "остфоршунг". Так, некий В. Эссен призвал правительства Эстонии и Латвии вспомнить о немецких орденских традициях и предоставить возможность прибалтийским немцам принять участие в управлении государством [13, 226-227]. В 1939 г. другой "остфоршер" Ф. Эртцен обвинил правительства Прибалтийских го-

сударств в притеснении местных немцев и восхвалял заслуги прибалтийского немецчества в историческом развитии Прибалтики. Отметив "заслуги прибалтийского немецчества в защите германских интересов, Ф.Эртцен подчеркнул, что немецкое население Эстонии и Латвии "понимает свою большую миссию, простирающуюся далеко за пределы Прибалтики" [14, 337-338].

Таким образом, к концу 30-х гг. гитлеровская Германия стала через правительственные, партийные и прочие инстанции оказывать все больше влияния на политическую деятельность немецкого национального меньшинства в Эстонии, считая, что наступило время выдвигать прибалтийских немцев на первую линию борьбы за Прибалтику. Об этом писали откровенно некоторые периодические издания Германии. В частности, "Deutsche Arbeit" в ноябре 1938 г. утверждал, что события в Чехословакии показали необходимость восстания немцев с целью предотвратить "вторжение большевиков в Европу" и что такая же задача стоит перед немцами Прибалтики [15].

Экспансионистская политика германского империализма не находила решительного отпора со стороны других великих держав капиталистического мира, что создало у фашистских правителей Германии чувство безнаказанности и толкало их на новые международные авантюры. В марте 1939 г. гитлеровцы принудили правительство Литвы отказаться в пользу Германии от города и района Клайпеды, сделав, таким образом, первый практический шаг к осуществлению своих аннексионистских планов в Прибалтике. Это обстоятельство не осталось незамеченным со стороны мировой общественности. Комментируя захват Клайпеды, обозреватели ряда стран выражали серьезную озабоченность созданным положением и предсказывали, что Гитлер не удовлетворится достигнутым и постарается уже в ближайшее время овладеть республиками Прибалтики. Так, французская буржуазная газета "Le Soir" писала весной 1939 г., что после Клайпеды следующей жертвой Германии будет, по-видимому, Данциг, а затем "Рижский порт в Латвии и Таллин в Эстонии, после чего Балтийское море станет озером Германии" [16]. К такому же

выводу пришла и шведская газета "Arbetsagen", которая предсказывала, что после Клайпеды Гитлер рассчитывает захватить Эстонию и Латвию" [17, 364].

Какое же было положение немецкого национального меньшинства Эстонии в последние месяцы перед началом второй мировой войны? Усиление экспансии германского империализма в Восточной Европе с весны 1939 г. укрепило надежды правящих кругов немцев Эстонии. Как отмечал в одном донесении посланник Германии в Эстонии Г. Фровейн, присоединение Клайпеды к германскому рейху создало у местных немцев впечатление, что "аннексия Германией Прибалтийских государств является лишь делом времени" и что "тогда немцы вновь станут козлами Эстонии и Латвии" [18, 273]. Не произошло изменений в настроениях прибалтийских немцев и после заключения договоров о ненападении между Германией и Эстонией и Германией и Латвией. Во всяком случае посланник Италии в Эстонии В. Чикконарди указывал в одной информации, что немецкое национальное меньшинство Эстонии не видело в этих договорах угрозы своему стремлению добиться доминирования Германии в прибалтийских странах [19].

Для успешного выполнения роли "пятой колонии" рейха в Эстонии и предъявления сколько-либо весомых требований эстонскому правительству, позволяющих вмешательство Германии, нацистскому движению немцев Эстонии было необходимо сплотить свои ряды, а затем объединить вокруг себя и всю национальную группу. К весне 1939 г. намеченные задачи были в основном уже решены. 1 мая состоялось объединение нацистских организаций. В результате единственной организацией прибалтийско-немецких нацистов стало "Объединение" во главе с ландеслейтером В. фон цур Мюленом, который незадолго до того вернулся к активной политической жизни.

Объединение нацистских организаций немцев Эстонии значительно повысило их боеспособность и готовность перейти от слов к делу. Эта готовность нашла отражение в ряде документов того времени. В одном из них указывалось, что к весне 1939 г. все, кто занимался политической работой в рядах не-

мецкого национального меньшинства почувствовали, что "время подготовки, накопления опыта и материала, а также принятия требований, поставленных заграничными друзьями, завершено и теперь следует ожидать неуклонной и предвещающей успех работы [20]. К такому же выводу пришли организации прибалтийских немцев в Германии. На годичном собрании "Прибалтийского делового содружества" было высказано убеждение, что "в 1939 г. наши земляки выступят на родине с национальными требованиями. Мы смеем надеяться, что требования будут поддержаны германским рейхом" [21].

Но события развернулись в ином направлении. 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Известное количество немцев выехали разными путями в Германию. В войне против Польши в качестве офицеров вермахта участвовало около 500 немцев Эстонии и Латвии [22]. Основная масса прибалтийских немцев первоначально продолжала собирать свои ряды и готовиться к решающему выступлению в поддержку аннексионистских планов гитлеровской Германии в Прибалтике.

Однако выступление Гитлера 6 октября 1939 г. в рейхстаге в корне изменило судьбу прибалтийского немецчества. Захватив Польшу, Гитлер решил поселить прибалтийских немцев на польских западных землях, поставив перед ними задачу германизировать эти территории.

Это было концом существования немецкого национального меньшинства в Эстонии, так как большинство немцев Эстонии в результате многолетней нацистской пропаганды послушно последовало "зову фюрера". Переселение прибалтийских немцев в "имперский край Вартеланд" завершилось их бегством на Запад в начале 1945 г. в результате наступления советских войск.

Л и т е р а т у р а

1. Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Wien, 1973, S.138.
2. ЦГИА ЛатвССР, ф.5921с, оп.2, ед.хр.326, л.5.
3. Baltische Monatshefte, 1933.
4. Der Aufstieg, 1933, 5. Februar.
5. ЦГАОР ЭССР, ф.1357, оп.3, ед.хр.321, л.5.
6. Waba Maa, 1933, 7. detsembril.
7. ЦГАОР ЭССР, ф.857, оп.14, ед.хр.181, л.49.
8. Там же, лл.4-5.
9. ЦГАОР ЭССР, ф.957, оп.14, ед.хр.324, л.75.
10. ЦГАОР, ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед.хр.441, л.19.
11. Там же, л.28.
12. ЦГИА ЛатвССР, ф.5921, оп.2, ед.хр.18, л.48.
13. Essen W. Litauen. - In: Zeitschrift für Politik, 1939.
14. Oertzen W.F. Baltenland. München, 1939.
15. Deutsche Arbeit, 1938, No 11, November.
16. Le Soir, 1939, 14. Avril.
17. История Эстонской ССР. Таллин, 1975, т.3.
18. Смполс В.Я. Тайная война. Рига, 1968.
19. Oigusteaduslik ajakiri. Lund, 1965, No 8, lk.45.
20. ЦГИА ЭССР, ф.1850, оп.1, ед.хр.III13, л.210.
21. ЦГИА ЛатвССР, ф.5921с, оп.2, ед.хр.18, л.1.
22. Völkischer Beobachter, 1939, 2. Dezember.

Р. Чоллек
Центральный институт истории
Академии наук ГДР

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ СССР
ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Перевод П. Крупникова

Демонстративный выход Японии и Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. еще раз продемонстрировал решимость этих стран приступить к активной подготовке новой мировой войны.

К этому времени Советский Союз на основе успешного развития значительно укрепил свой международный авторитет. 1933 год являлся переломным во взаимоотношениях советского государства и государствами капиталистической системы [I , 285]. В конце 1933 г. СССР предпринял шаги, направленные на создание системы коллективной безопасности в Европе.

В декабре 1933 г. советский полпред во Франции передал французскому министру иностранных дел Полью Бонкуру предложение, которое, между прочим, предусматривало, что Советский Союз готов при определенных условиях вступить в Лигу Наций, что СССР согласен в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимопомощи против агрессии нацистской Германии, и, наконец, СССР за то, чтобы в таком соглашении приняли участие Бельгия, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия или только некоторые из этих стран — но обязательно Франция и Польша.

Это были первые усилия, направленные на заключение многостороннего регионального пакта о взаимопомощи, который в последующем получил название Восточного пакта.

Важность включения Прибалтики в предусматриваемый пакт взаимопомощи вытекала из того обстоятельства, что страны этого региона были объектами не только традиционного "Дранг нах Остен" германского империализма, но и экспансионистских устремлений правящих кругов Польши.

Борьба советской дипломатии за стабилизацию положения и за укрепление мира в восточной и северо-восточной Европе отвечала не только целям защиты СССР, но и жизненным, национальным интересам народов всех стран этого региона. В декабре 1933 г. СССР предложил Польше опубликовать совместную декларацию, в которой обе стороны заявили бы о необходимости сохранения политической независимости и неприкосновенности Прибалтийских государств [2, 746-747].

Однако польское правительство за спиной Советского Союза информировало нацистское правительство о советской инициативе. Польский посланник в Берлине Липский 14 декабря вел дружественную беседу с Гитлером, Геббельсом и нацистским министром иностранных дел Нейратом. В результате было подготовлено соглашение между Германией и Польшей на основе совместного антикоммунизма.

В ходе переговоров Гитлер подчеркнул "ответственную роль Польши", которую он характеризовал как "последнюю баррикаду цивилизации на Востоке" [3]. 26 января 1934 г. была опубликована немецко-польская декларация о дружбе и ненападении. 3 февраля польское правительство сообщило Советскому Союзу, что проект советско-польской декларации отпадает.

Декларация нужна были гитлеровской Германии для того, чтобы не допустить сплочения стран, намеченных нацистской верхушкой в качестве объекта агрессии и "показать" на этом примере, что Европе нужна не коллективная безопасность, а двусторонние соглашения.

После беседы М.М. Литвинова с польским послом Лукасевичем (3 февраля 1934 г.), который информировал наркома об отказе Польши от предложенной Советским Союзом советско-польской декларации о независимости Прибалтики, член коллегии наркоминдела Б. Стомяков в письме от 4 февраля 1934 г. советскому полпреду в Варшаве В.А. Антонову-Овсеенко оценил сложившуюся "совершенно новую ... ситуацию в Прибалтике" [4, 107-109]. "Отказ Польши от прибалтийской акции" - писал он, - "свидетельствует о далеко идущем характере польско-германского сближения". Дальше в письме сообщалось, что

немецко-польский договор "вызвал в Литве, Латвии и Эстонии нечто вроде паники, и она, конечно, усилится, когда прибалты узнают об отказе Польши от предложенного нами опубликования декларации об их независимости". Далее в письме говорится о том, что латвийские и литовские посланники "не скрывали вызванного у них волнения в связи с заключением польско-германского договора"; они запрашивали в наркоминделе по поручению своих правительств об отношении Советского Союза к этому событию.

По словам Г.Стомонякова, сложившаяся ситуация стала предметом обсуждения для определения линии, "которую следует вести СССР в отношении Прибалтики". По этой линии советская дипломатия приняла новую инициативу: 28 марта 1934 г. нарком иностранных дел М.М.Литвинов передал германскому послу в Москве Надольному предложение заключить советско-германский протокол, по которому обе стороны должны были взять на себя обязательство не предпринимать никаких действий, которые прямо или косвенно могли бы нанести вред интересам безопасности Прибалтийских стран. К этому могли бы присоединиться и другие страны [4, 214-215, 787].

Надольный высказал различные мысли, в том числе, между прочим, специально коснулся Клайпедского вопроса. В тот же день во время беседы с народным комиссаром по военно-морским делам СССР К.Е.Ворошиловым и рядом других видных деятелей Советского Союза [4, 215-220], нацистский посол заметил, что по меньшей мере следовало бы исключить понятие "неприкосновенность", говоря о Литве, если вообще его (германское - Р.Ч.) правительство сможет решиться на подписание такой декларации. Но до этого дело не дошло.

9 апреля 1934 г. Надольный получил от министра иностранных дел В.Нейрата указание возвратить советское предложение. Как было указано в сообщении, нацистское правительство отклонит всякое соглашение с Советским Союзом относительно восточных соседей Германии, чтобы оставить для себя свободу рук [5].

Во время вышеупомянутой встречи 28 марта 1934 г. Советские представители со всей серьезностью заявили германскому

послу, что "отрицательный ответ на наше предложение будет понят общественным мнением всего мира как доказательство об агрессивных намерениях германского правительства против Прибалтийских государств. Прежде всего так будет воспринят отрицательный ответ общественным мнением Прибалтики и Советского Союза" [4, 216].

Это предупреждение оправдалось. Во время информирования правительств Прибалтийских стран об отказе Германией заключить предложенный советско-германский протокол немецкие посланники в Каунасе, Риге и Таллине смогли в этом убедиться. Их донесения министерству иностранных дел в Берлин чрезвычайно показательны. Так, министр иностранных дел Латвии В.Мунтерс сообщил, что он "тепло приветствовал бы" возможность истолковать немецкую информацию в том духе, что Германия готова иным, более подходящим способом гарантировать мир в Восточной Европе [5, 746-747].

В тот же день германский посол был в связи с этим вопросом принят президентом Латвии. В беседе принял участие также министр иностранных дел, который подробнее пояснил, что отклонение Германией предложения о совместных мероприятиях по гарантии безопасности Балтийских государств будет воспринято Советским Союзом как попытка Германии не допустить укрепления мира в Восточной Европе.

В этой связи, сказал министр, правительство Латвии опасается, что в парламенте и в широких кругах общественности будут заданы вопросы об "истинных намерениях" Германии. Учитывая сложившиеся внутривнутриполитические обстоятельства, а также "в интересах укрепления германо-латвийских отношений", В.Мунтерс настоятельно просил дать ему возможность публично ответить на эти вопросы [5, 748-749].

Два дня спустя, 25 апреля 1934 г. германская миссия в Риге получила от министра иностранных дел фон Кейрата энергичное указание предотвратить любую информацию латвийской общественности по данному вопросу. Латвийским политикам следует указать на абсолютную секретность переданной им информации. Кейрат предлагал германским представителям в Латвии ни в коем

случае не пускаться "в какие-либо обсуждения других возможностей" обеспечения мира договорным путем [5, 758-759].

Особенно показательными в этом отношении являются донесения германской миссии в Эстонии, направленные в Берлин 23 и 28 апреля 1934 г. [5, 749-750, 769-770], в которых четко отражается озабоченность, охватившая широкие массы Прибалтийских стран в условиях растущей угрозы их государственному существованию со стороны нацистской Германии.

23 апреля германский посланник сообщил, что министр иностранных дел Эстонии выразил благодарность за "лояльную информацию", но одновременно заявил, что намерен подробнее высказаться по этому вопросу лишь после того, как спокойно изучит отрицательный ответ Германии Советскому Союзу. Однако уже в первой беседе министр обратил внимание германского посланника на внутривнутриполитическую проблему, с которой его правительство столкнулось в результате колебаний внешнеполитической ориентации. Он подчеркнул: "Вопрос защиты независимости Эстонии живо интересует местную общественность. Министерству иностранных дел зачастую высказываются упреки в недостаточной активности". В результате все это дело "является столь серьезным и одновременно столь сложным, что настоятельно требуются основательные размышления и осторожные обращения". В конце беседы министр выразил желание вернуться к этому вопросу после заседания кабинета министров.

Содержание второй беседы излагается в донесении от 28 апреля. Посланник писал, что само правительство Эстонии высказывает полное понимание позиции Германии и доверяет многократным германским заверениям о "мирных целях германской внешней политики". Однако на замечания посланника о том, что в таком случае наверное можно "подвести черту под всем этим делом", министр указал на необходимость принять во внимание обеспокоенность эстонской общественности, которая несмотря ни на что, ожидает от правительства серьезных шагов, так как официальным заверениям о миролюбии Германии противоречит пропаганда германской печати, дающая пищу подобным опасениям. Посланник далее сообщил о своих

попытках "не допустить продолжение разбора" этого вопроса, однако министр "упорно подчеркивал, что вопрос гарантий, который уже в течение нескольких месяцев занимает общественность, подлежит дальнейшему обсуждению". Более того, он сообщил, что его правительство немедленно установит контакты с правительством Латвии с целью обсуждения возможности "принятия конкретных мер для успокоения общественного мнения".

В заключение посланник сообщал, что заверил министра в том, что для нас немислима лучшая гарантия, чем торжественные заявления рейхсканцлера о внешней политике национал-социалистической Германии". Однако, отмечал посланник, это не произвело на его собеседника достаточно большого впечатления.

После этих донесений из Прибалтики министерство иностранных дел Германии направило 4 мая 1934 г. германскому послу в Москве сообщение о том, что Германия, после того как соответствующие правительства были проинформированы, вообще больше не имеет намерения "выступить с новыми заявлениями" [5, 777-778].

Только в Варшаве отклонение нацистской Германией советской инициативы встретило широкое одобрение: министр иностранных дел Бек заявил 25 апреля 1934 г. германскому послу фон Мольтке (речь шла о состоявшемся до этого отклонении предложения о советско-польском заявлении о гарантиях для стран Прибалтики), что "он вообще не считает создание группировок подходящим методом умиротворения". Однако германо-польскую (от 26 января 1934 г.) декларацию Бек считал "важнейшим прогрессом, который был достигнут в интересах мира" [5, 756-757].

В такой международной обстановке существование договора о ненападении между Советским Союзом и его западными соседями приобрело еще большее значение для стабилизации мира в Восточной Европе.

Уже 13 февраля 1934 г. Советский Союз предложил Польше продлить срок действия заключенного между ними договора о ненападении, который был подписан сроком на три года, -

международным, как польско-германская декларация о дружбе и ненападении - на 10 лет.

20 марта 1934 г. Советский Союз предложил также Балтийским странам продлить существующие договоры о ненападении. Хотя польское правительство пыталось оказать давление на Прибалтийские страны, чтобы воспрепятствовать принятию ими предложенного продления договоров, новая советская мирная инициатива была принята.

4 апреля 1934 г. в Москве были подписаны протоколы о продлении договоров о ненападении между Советским Союзом, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой, с другой.

Что касается польского правительства, то несмотря на прерывания с ответом оно, наконец, решило принять советское предложение, и 5 мая 1934 г. был подписан протокол о продлении срока действия советско-польского пакта о ненападении.

Когда 28 апреля 1934 г. генеральный секретарь французского министерства иностранных дел А. Леж информировал советское посольство во Франции о новом, им самим разработанном проекте Восточного пакта, Советская дипломатия в исключительно сложных условиях по собственной инициативе уже пыталась найти конкретные пути обеспечения мира в Восточной Европе.

Это были важные шаги для развития той обширной системы коллективной безопасности в Европе, создание которой предлагалось в Восточном пакте. Осуществление этих предложений имело бы решающее значение для спасения народов всего мира от ужасов второй мировой войны.

Л и т е р а т у р а

1. История внешней политики СССР. М., 1976, т. I. 1917 - 1945.
2. Документы внешней политики СССР, М., 1970, т. 16.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945. Serie C. Göttingen, 1973, Bd. II.1.
4. Документы внешней политики СССР, т. 17.
5. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Bd. II.2.

Латвийский государственный университет
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ И РОСТ
ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ГЕРМАНИИ
В БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ (1929-1933)

С началом мирового экономического кризиса в ведущих капиталистических странах усилилась тенденция к поиску выхода из экономических затруднений и международных осложнений в подталкивании возрождающегося германского милитаризма на восток, против Советского Союза. В этом важную роль играла Великобритания. Руководители буржуазной Латвии хорошо знали об экспансионистских устремлениях Германии, но, следуя в фарватере внешней политики Лондона, всячески стремились сохранить хорошие отношения с ней. Один из лидеров Крестьянского союза министр иностранных дел Х.Целминь в феврале 1930 г. заявил о предстоящем развитии еще более тесных экономических и политических связей со странами Западной Европы и, в частности, с Германией. Он приветствовал постановления Гаагской конференции по репарациям, которые были выгодны для Германии [1, 13.02; 2, 13.-14.02].

Однако переход Германии в условиях кризиса к политике усиленного протекционизма осложнил германо-латвийские отношения. Латвийские газеты констатировали: "...перспективы наших взаимоотношений с Германией оказались весьма мрачными", и указывали, что попытки достичь соглашения с германским правительством о снижении таможенной пошлины на ввоз масла оказались безуспешными [1, 6.02; 2, 17.01].

Дело касалось не только торговли. В ноябре 1930 г. нацистская фракция в рейхстаге выдвинула требование о предоставлении земельных участков и права гражданства в Латвии бывшим ландесверовцам [2, 30.11]. С ростом политического влияния фашизма в Германии тенденции к ревизии существующих соглашений и границ становились все более выраженными.

Руководители внешней политики буржуазной Латвии в 1931 г. наблюдали, зачастую с недоумением, за возрастающим проявлением британской поддержки Германии. В мае посланник Латвии

в Лондоне Ф.Весманис писал, что британское правительство пригласило германских руководителей на переговоры. В последующих сообщениях он подчеркивал, что "Германия все сильнее выдвигается в качестве центрального события дня", а во взаимоотношениях между Великобританией и Германией, "которые до визита были официальными, теперь вносится теплота" [3]. Буржуазная латвийская пресса в эти месяцы пристально следила за признаками англо-германского сближения. В целом она отражала растерянность и неуверенность латвийских правителей в европейской политике Лондона.

Летом в официозе британских экономических кругов "Economist" появилась статья, открыто защищавшая "права немецкого меньшинства" в Латвии и критиковавшая даже результаты аграрной реформы 20-х годов. Статья содержала открытые указания на недопустимость подобной политики и на вытекающие из этого серьезные последствия для взаимоотношений Латвии с великими державами Запада [4].

Появление подобных статей встревожило дипломатические круги буржуазной Латвии. Руководитель Западного отдела МИДа Латвии Л.Экис поручил Ф.Весманису проверить, представляют ли мысли, высказанные автором статьи, позицию британских правительственных кругов и верно ли, что "официальное настроение целиком благоприятствует Германии" [3]. Сколько-нибудь успокоительной информации министерство иностранных дел Латвии из Лондона не получило. В то же время латвийский генеральный консул в Берлине Э.Кривинь 20 августа 1931 г. писал о наблюдающейся "активизации германской внешней политики в сторону ревизии восточных границ Германии" [3]. Об опасности со стороны Германии писали тогда даже правые газеты Латвии [5].

В ноябре Ф.Весманис констатировал, что политические тенденции в Восточной Европе, отраженные официальной британской печатью, не сулят Латвии ничего радужного. Посланник упоминал выдержки из журнала "Economist", в которых открыто высказывалась мысль, что "гарантия нынешних восточных границ

Германии была бы уголовным преступлением", а также то, что "вмешательство в вопросы Восточной Европы более не является делом Великобритании [3].

Латвийские дипломаты старались найти какое-либо оправдание "неверности" Великобритании и по-прежнему видели в ней гаранта "независимости" своей страны. Так, в конце декабря Ф.Весманис объяснял внешнеполитическую позицию Великобритании "существующими финансовыми и экономическими трудностями, концентрацией своей энергии на тесном сплочении составных частей Британской империи, поэтому вопросы европейского континента отодвинуты на второй план" [3].

В начале 1932 г. экономические отношения между Германией и Латвией осложнились. С января Германия не только удвоила таможенную пошлину на масло, но и сократила контингент импорта латвийского масла с 14 тыс. т до 5 тыс. т. В политической области основные противоречия между Германией и Латвией в это время сводились к недоразумениям между властями и немецким меньшинством.

Активизация фашизма в Германии еще более обострила внутр-риполитическую ситуацию в Латвии, в особенности в связи с нерешенными вопросами немецкого меньшинства. Латвийский посланник в Берлине Э.Кривинь 23 июля сообщал об активизации фашизма в Германии: "...я убежден в том, что у нас совершенно нет оснований радоваться по поводу последних событий в Германии. Они сулят нам трудности и осложнения...". Далее он подчеркивал: "В наших взаимоотношениях с Германией мы до сих пор почти всегда опирались на благожелательно настроенные к нам левые демократические немецкие круги. В этом отношении нам придется переориентироваться, и переориентация будет не легкой" [3].

Приход гитлеровцев к власти еще более обострил вопрос о ревизии существующих мирных договоров и границ. Говоря о положении буржуазной Латвии после установления фашистского режима в Германии, делегат КПЛ на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 г. Я.Круминь (Пилат) сказал:

"Народы Прибалтики острее, чем когда бы то ни было, чувствуют возрастающую угрозу их национальной независимости со стороны разбойничьего гитлеровского империализма" [6].

Буржуазная Латвия в этих условиях решила идти на дипломатические уступки Германии. Когда в начале 1933 г. в Ригу прибыл новый германский посланник Г.Мартуус, министр иностранных дел Латвии К.Заринь подчеркнул во время церемонии аккредитации то, что его правительство "придает важное значение нормальному и базирующемуся на доверии экономическому и политическому сотрудничеству с Германией" [7, 13,01]. По-

Попытки латвийского правительства изменить свою политико-дипломатическую ориентацию в направлении Германии были тесно связаны с внутривнутриполитической ситуацией. Кабинеты К.Ульманиса, М.Скуениека и А.Бльдниека в 1931, 1932 и 1933 гг. представляли собой место, где осуществлялись этапы подготовки фашизма в Латвии. В 1933 г. развернулась особенно острая внутривнутриполитическая борьба в связи с попытками приспособить латвийскую конституцию к условиям фашистского режима.

О стремлении буржуазного правительства Латвии встать на путь прогерманской ориентации в начале 1933 г. свидетельствовали многочисленные факты уступок открытому экспорту фашистской идеологии из Германии и неопределенная позиция в отношении доморожденных фашистских организаций [7, 6,15,18,03; 8; 9]. Л.Экис в своем мартовском письме посланникам за границей указывал, что "посредством умеренности, придерживаясь миролюбивой политики и не подвергая чересчур острым нападениям господствующий в настоящее время в Германии режим и личности, удастся и впредь избегать крупных неприятностей и осложнений с Германией" [3]. По его мнению, важнейшими вопросами германо-латвийских отношений в этот период были так называемый "скандал гитлеровцев" на рижском вокзале и дебаты в сейме о запрете фашистских организаций [3].

Взаимосвязь между уступками буржуазной Латвии в пользу Германии и британской политикой в Европе усматривал посланник в Париже В.Шуман, писавший 23 марта 1933 г.: "События

последних лет свидетельствуют о том, что Англия по-прежнему проявляет в отношении Германии чрезвычайную услужливость и покорность, как только та поднимает голос" [3].

Для Риги не было секретом и активизация действий остзейских баронов в Великобритании, находившая, по данным миссии посольства в Лондоне "поддержку в кругах английской аристократии и двора" [3]. Уступчивость Латвии в отношении Германии еще более возросла весной 1933 г. в результате визита неофициального министра иностранных дел Германии А. Розенберга в Лондон. 6 мая новый посланник Л. Сея писал о цели визита Розенберга: "Добиться нейтралитета англичан в отношении германской политики в Восточной Европе". Он прямо указывал, что "не удивился бы, если б Розенберг в переговорах с англичанами упомянул и нас" [3]. Прибалтийско-немецкая газета "Rigasche Rundschau", давая оценку этому визиту писала, что "он был очень плодотворным и удачным" [10]. Хотя переговоры А. Розенберга в Лондоне завершились без конкретных результатов, они, тем не менее, послужили для Латвии напоминанием о том, что Великобритания не помышляет принять на себя гарантии ее существования.

Германия, стремясь укрепить свое политическое влияние, использовала в отношении Латвии и экономический шантаж. Посланник в Берлине Э. Криевинь писал 30 марта министру В. Салнаису, что в германских деловых кругах циркулируют слухи о денонсации торгового договора с Латвией [3]. О попытках Германии оказать давление на прибалтийские страны сообщал в это время также латвийский посланник в Эстонии К. Фрейманис [3]. Буржуазная латвийская пресса также называла ближайшей внешнеполитической целью фашистов - "полное подчинение Литвы, Латвии, Эстонии экономическому и политическому влиянию Германии, что служит средством достижения крупной и главной цели - подчинению великой России" [7, 25.04].

Латвия наряду с тенденцией к уступкам стала проявлять нескрываемый страх перед возможностью германской агрессии. Буржуазная Латвия не имела официальных гарантий со стороны

западных держав в отношении своего "независимого" существования. 24 апреля в секретной информации министерства посланникам за границей говорилось: "Принимая во внимание намерения германских политических вождей и режима в отношении Восточной Европы и Прибалтийских стран, ни при каких условиях политическое сотрудничество либо сближение (с Германией. - А.З.) нельзя считать возможными. Нервозность нашей прессы и общественности объясняется заинтересованностью в том, чтобы в Европе появились силы, которые не позволят Германии вооружиться и приступить к ревизии границ" [3]. Посланник Э.Кривинь в мае 1933 г. с беспокойством сообщал из Берлина: "Нам необходимо внимательно следить за германскими настроениями в вопросах восточной политики и каждый раз, оценивая внешнеполитическое положение, серьезно взвешивать, в какой мере оно может быть выгодным национал-социалистам" [3].

В июне германско-латвийские отношения ухудшились. Это было связано с бойкотом германских товаров в Латвии, организованным ЦК социал-демократической партией Латвии и еврейскими организациями в знак протеста против террора в Германии. С целью осуществления прямого нажима на Латвию германское правительство 12 июня запретило ввоз латвийского масла [7, 12.06], что фактически представляло собой объявление экономической войны Латвии, прямое вмешательство в ее внутренние дела и попытку силой изменить ее внешнюю политику. Действия германского правительства вызвали оживленные дебаты в латвийском сейме. Ряд депутатов подвергли острой критике правительственную политику в отношении Германии. Лидер правящего Крестьянского союза Х.Целминь высказался о неопозволительности нападков "на одну дружественную нам соседнюю великую державу, ее государственный строй и правительство" [II, 526].

В ответ на многократные заверения министра иностранных дел Латвии В.Салнаиса, обещавшего впредь придерживаться дружественной политики в отношении Германии, последняя

все же отменила запрет на ввоз масла [7, 14., 17.0.6]. По сообщению Э.Криевиня, депутат рейхстага прибалтийский немец Лорингховен отметил, что "за последнее время Германии в двух случаях с успехом удалось перевести борьбу из политической плоскости в экономическую (Латвия, Венгрия). Это-де обозначает новое направление германской внешней политики, в соответствии с которым путем уступок в экономической области удастся укрепить политическую дружбу" [3].

Страх буржуазной Латвии перед Германией и уступки ей являлись бесспорным свидетельством укрепления германских позиций. На это указывало также назначение Х.Целмина в июле председателем комиссии по иностранным делам сейма. Х.Целминь был человек, активно выступающий "против борьбы, которая ведется с гитлеризмом в Латвии" [12].

Усиление экспансионистской тенденции Германии в Прибалтийских странах отметил Э.Криевинь в своем донесении от 13 июля, где приводились слова директора Рейхобанка Я.Шахта о том, что в Латвии "предвидится усиление экономической активности Германии", то же подтвердил генеральный директор концерна "И.Г.Фарбениндустри" М.Ильгнер, готовившийся к "познавательной поездке в Скандинавию, Эстонию и Латвию". Один из гитлеровских главарей А.Розенберг придерживался идентичного мнения и декларировал необходимость "более тесного сотрудничества Прибалтийских стран с Германией". Розенберг, известный своей враждебностью к Латвии и Эстонии, цинично заявил, что "независимость Прибалтийских государств может гарантировать лишь их тесная связь с Германией" [3].

Представители крестьянского союза Латвии зачастую пытались изобразить это подчеркнутое внимание, проявленное Германией летом 1933 г., как подтверждение миролюбия последней. Так, например, министр иностранных дел В.Салнайс заявил представителям печати, что "в последнее время в Германии стали звучать миролюбивые речи и проявляется стремление к поддержанию мира и уважению прав других народов" [7, 20.07]. Нелегальная газета Коммунистической партии Латвии "Сіра" обоснов-

ванно писала в это время: "Гитлеровская Германия стремится укрепить свое влияние в Прибалтийских государствах и подготовить условия для их колонизации и оккупации" [13].

О дальнейшем укреплении германского влияния в Латвии во второй половине 1933 г. свидетельствовали многочисленные факты. В конце июля министр внутренних дел А. Милберг разрешил въезд в Латвию гитлеровской экскурсии из Мюнхена, носившей явно пропагандистский характер [7, 2.08]. 3 августа в рижский порт прибыла эскадра германских военных кораблей. В то же время откровенно фашистский характер приобрела крупнейшая газета прибалтийских немцев в Латвии - "Rigasche Rundschau".

Английская газета "Saturday Review" в августе отмечала усиление германского влияния в странах Восточной Европы и подчеркивала намерение Германии не только отнять у Польши выход к морю, но и аннексировать Латвию, Литву и Эстонию [14].

Великобритания в сложившихся условиях была готова оставить Латвию без поддержки. Заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт в августе 1933 г. указывал на необходимость выполнения Лондоном Локарнского соглашения [15, 547-559], которое, как известно, гарантировало лишь западные границы Германии.

Одновременно министр иностранных дел Дж. Саймон в беседе с К. Зариным цинично заявил, что Германия не угрожает независимости Латвии [3].

В октябре 1933 г. после ухода Германии с конференции по разоружению и выхода ее из Лиги Наций англо-германские отношения ухудшились. Латвийская дипломатия наивно надеялась использовать это в собственных интересах и заручиться британскими гарантиями своей "независимости". 16 октября в сообщении из Лондона К. Заринь писал: "Ухудшение англо-германских отношений в настоящий момент, по-моему, не вредит интересам Латвии, и сейчас, более чем когда-либо, нам следует стремиться к установлению тесных связей с Англией" [3]. Однако латвийское внешнеполитическое ведомство постигло разочарование, так как интерес Великобритании к его стране осенью 1933 г.

не повысился. Скорее наоборот - газета "Financial News" в это время писала, что Англии не следует связывать себя какими-либо союзами, налагающими на нее обязательства в делах европейской политики [3]. В январе К.Заринем сообщалось из Лондона: "Руководители внешней политики Англии хотят теперь направить общественную мысль в благожелательное для Германии русло. Р.Макдональд якобы подчеркнул необходимость сотрудничества с Германией" [3]. Э.Криевинь писал 22 ноября: "Европа как будто бы капитулирует перед Германией. На это указывает настроение и в Англии и Франции, не говоря уже об Италии" [3].

Опасения вновь не получить долгожданные английские гарантии "независимости" малых Прибалтийских стран заставили латвийского и эстонского посланников в Лондоне предпринять 12 декабря общий "демарш" против последствий польско-германского соглашения, угрожающего Прибалтийским странам. Однако попытка окончилась очередной неудачей, а британский посланник в Риге И.М.Нетчбулл-Хьюджесен 19 декабря выразил генеральному секретарю министерства иностранных дел Латвии В.Мунтерсу свое недовольство этой "излишней смелостью" [3].

В возникшей ситуации в дипломатических кругах Латвии появились признаки замешательства, сопровождавшиеся попытками вновь сблизиться с Германией. Э.Криевинь писал из Берлина: "Нам следует использовать, насколько это возможно, приемлемые для нас немецкие предложения, проявив, однако, осторожность в подходе к ним". Он рекомендовал латвийской прессе "воздерживаться от всего, что могло бы быть истолковано как негативное отношение к внутренним событиям в Германии" [3]. Подобные тенденции отмечались и в печати, а также во время дебатов в сейме [7, 16, 18, 20, 12; 16, 912].

В конце 1933 г. со всей очевидностью выяснилось намерение Великобритании решительно отказаться от гарантирования неизменности восточных границ Германии. К.Заринь в годичном обзоре англо-латвийских отношений отметил этот явный факт. Для него не прошли незамеченными распространявшиеся в Лон-

доне призывы открыть Германии путь на восток. Тем не менее латвийская дипломатия безосновательно продолжала рассчитывать на благожелательное отношение со стороны Англии. Единственный залог такого отношения она видела в установлении более тесных экономических связей между Латвией и Англией. К.Заринь рекомендовал: "Вполне понятно, что общих политических интересов с Англией у нас мало, но если у нас будут более тесные связи в экономической области, то политические интересы также появятся" [13].

Говоря о положении Прибалтийских стран, народный комиссар иностранных дел М.Литвинов 29 октября 1933 г. заявил: "Мы следим не только за явлениями, представляющими для этих стран угрозу, но и за развитием внутренних политических процессов, которые могут способствовать потере или ослаблению независимости" [17, 789]. В декабре 1933 г. Советский Союз направил Польше меморандум, в котором говорилось о необходимости в существующих сложных международных условиях высказаться за гарантии независимого существования Прибалтийских государств. Польша в ответ применила тактику проволочек [17, 747, 755-756]. Латвия же отнеслась к этой единственной реальной возможности гарантировать свое существование весьма сдержанно, опасаясь проявлений недовольства со стороны Германии и Великобритании.

В годы мирового экономического кризиса правящие круги буржуазной Латвии перед лицом упорного нежелания Великобритании и Франции гарантировать ее существование постепенно уступали возрастающему германскому нажиму. Этому способствовали также тенденции фашизации, проявлявшиеся в стране. Буржуазное правительство Латвии, сохраняя британскую ориентацию в экономической области, в политико-дипломатическом отношении все активнее включалось в германскую орбиту.

Л и т е р а т у р а

1. Jaunākās Zinas, 1930.
2. Pēdējā Briedī, 1930.
3. Центральный государственный исторический архив ЛатвССР.
4. Economist, 1931, June 27.
5. Brīvā Zeme, 1931, 19. oktobris
6. Krūmiņš (Pilāts) J. Baltijas valstu neatkarība un hitlerisms. Spartaks, 1935.
7. Jaunākās Zinas, 1933.
8. Pēdējā Briedī, 1933.
9. Brīvā Zeme, 1933, 7. marts.
10. Rigasche Rundschau, 1933, 16. Mai.
11. Latvija. 4. Saeima 6. sesija. Rīga, 1933.
12. Sociāldemokrāts, 1933, 8. jūlijs.
13. Cīņa, 1933, augusts, Nr. 1.
14. Saturday Review, 1933, August 12.
15. Documents on British foreign policy. 1919-1939. Second Series, vol. 5. London, 1956.
16. Latvija. 4. Saeima, 7. sesija. Rīga, 1933.
17. Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16.

А.Зунда

Латвийский государственный университет

АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И ОРИЕНТАЦИЯ
БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(1929 - 1933)

В годы частичной стабилизации капитализма влияние двух ведущих капиталистических держав - Великобритании и Германии - на экономику Латвии было наиболее выраженным. Вопреки национальным и в угоду классовым интересам, под давлением капиталистических держав правительство буржуазной Латвии не развивало выгодные для страны экономические связи с Советским Союзом, а ориентировалось на Запад.

Борьба между Великобританией и Германией за решающую роль в некоторых важнейших отраслях экономики буржуазной Латвии, развернувшаяся на протяжении 1924-1929 гг., завершилась успешно для Германии. Великобритания была вынуждена признать ее превосходство в латвийском импорте и в области капиталовложений в акционерные общества [1, 140, 167, 216; 2, 320]. В предкризисные годы она не считала Германию чересчур опасным для себя конкурентом в Латвии и проводила не особенно активную экономическую политику [2, 320]. Укреплению экономических позиций Германии в Латвии способствовали многолетней давности связи, сравнительно низкие цены на германские товары, активность немецкого меньшинства в Латвии, равно как и географические условия близости обоих государств [3, 98, 100; 2, 320].

С началом мирового экономического кризиса вопрос о борьбе с Германией за экономическое влияние в Латвии, а также об экономической ориентации последней стал приобретать в Англии заметную актуальность, как об этом свидетельствует британская публицистика того времени [4, 96]. В декабре 1931 г. британский посланник в Риге И.М.Нетчбулл-Хьюджессен в ноте, врученной министерству иностранных дел Латвии, указал, что торговый баланс между обеими странами имеет значительный перевес в пользу Латвии, и потребовал увеличить ввоз из Англии [5, ф.2574, оп.4, д.4591, л.9-10]. В феврале 1932 г. он снова обратил внимание на то, что латвийский экспорт в Великобританию в три раза пре-

восходит импорт оттуда [5, ф.2574, оп.8, д.18, л.66].

Официальную позицию деловых кругов Латвии, заинтересованных в смене внешнеторговой ориентации, отразил журнал "Economists" писавший: "Для того, чтобы и впредь поддерживать хорошие отношения с крупнейшим покупателем товаров - Англией, которая начала интересоваться экспортом своей продукции в Прибалтийские страны, прежде остававшиеся в тени последним следует сменить ориентацию в импортной торговле и больше ввозить из Англии" [2, 320]. Импорту из Англии способствовал отказ Великобритании от золотого стандарта. Германия, сохранившая золотой паритет своей валюты, таких преимуществ не имела. Это явилось одним из факторов, обусловившим в годы кризиса постепенное ее вытеснение с доминирующих позиций на латышском и прибалтийском рынке в целом [6, 90].

Вследствие того, что Германия оказалась потесненной на прибалтийском рынке, торговый баланс Прибалтийских государств с Великобританией стал менее активным. Выравнился также торговый баланс с Германией: выраженная в предкризисные годы пассивность уменьшилась [2, 322]. В отчете о деятельности экономического и информационного отдела департамента промышленности и торговли министерства финансов Латвии за 1932 г. констатируется, что в латвийской внешней торговле отмечаются важные, принципиальные изменения в пользу Англии [5, ф.4595, оп.1, д.6598, л.371]. Английская пресса отмечала то же: в мае 1932 г. "The Times" писала, что примерно 2/3 экспорта Прибалтийских стран направлены в Англию [7], газета "Yorkshire Post" в октябре 1933 г. отмечала, что "рынок Прибалтийских стран имеет существенное значение для некоторых товаров британского экспорта" [8]. Часть буржуазной печати Латвии также стремилась популяризовать и поддерживать подобного рода идеи. В августе 1932 г. газета "Jaunākās Ziņas" излагая содержание английской газеты "Financial Times" писала, что "Великобритания превратилась в основного поставщика для Латвии, она заняла место Германии на латвийском рынке [9, 2.08].

Порой отдельные буржуазные газеты начинали проявлять "беспокойство", вопрошая, не приведет ли подобная экономическая политика к чересчур большой зависимости от одного государства. Это инспирировалось кругами, известными своей прогерманской ориентацией. Газета "Latvis" в нескольких статьях обращала внимание на необходимость сохранять в экономике ориентацию на Германию и указывала, что даже ничтожный экспорт в Германию в условиях кризиса имеет важное значение [10]

Опираясь на политику протекционизма и на тот факт, что в годы кризиса потребность буржуазной Латвии в стабильных рынках сбыта возросла, Великобритания проводила такую экономическую политику, которая способствовала вытеснению Германии с латвийского рынка. Внешняя торговля буржуазной Латвии, носившая в докризисные годы разнонаправленный характер, в условиях кризиса постепенно утрачивала это свое качество, что приводило к значительному укреплению позиций Великобритании. В 1933 г. на долю Великобритании приходилось 42,5% всего экспорта и 21,8% импорта Латвии, что составляло примерно 31% общего оборота внешней торговли Латвии (на долю Германии приходилось только 25%)*.

Прослеживая вопрос о влиянии германских и британских капиталов на латвийские акционерные общества, мы обнаруживаем, что в 1929-1933 гг. Англия увеличила свои капиталовложения в эти предприятия на 3,1 млн. латов, а Германия - на 8,4 млн. латов. Рост германских капиталов в акционерных промышленных предприятиях оказался более значительным, чем британских. В банковской системе Латвии на исходе кризиса британские капиталы не играли решающей роли по сравнению с другими иностранными капиталами и находились на третьем месте вслед за капиталами США и Германии**.

В конкурентной борьбе с Германией за влияние в промышленности и банках буржуазной

* Рассчитано по: Latvijas statistiskā gada grāmata. 1933. Rīga, 1934., 164.-165. lpp.

** Рассчитано по: Latvijas statistiskā gada grāmata. 1929-1933. Rīga, 1934.

Латвии в годы кризиса Англии лишь удалось сохранить свои прежние позиции. Ее успехи в сфере экономического влияния по существу ограничились в основном принудительным изменением курса латвийской внешней торговли в сторону Англии.

Эта принудительная ориентация способствовала созданию различных организаций по "сближению Англии и Латвии. Такие организации были призваны реализовать экономико-политическое и культурное сближение обеих стран [9, I.10]. Однако создание Англо-латвийского общества затянулось до июля 1933 г. и было образовано только после подписания нового англо-латвийского временного торгового соглашения [10, 12.07; 3.10]. Буржуазная пресса Латвии преувеличивала значение мероприятий такого рода, как и всех других, имеющих касательство к великим державам. В то же время в английской печати этого периода не было статей, в которых особо акцентировалась бы необходимость создания Англо-латвийского общества. Все это демонстрировало зависимость буржуазной Латвии от британского империализма и ее стремление выделиться и завоевать популярность.

В октябре 1933 г. в Латвии находилась английская парламентская делегация под руководством А. Боссома. Газета "The Times" в этой связи писала, что "Латвия, Эстония, Литва могут служить широким рынком для наших (британских - А.З.) машин, угля соленой рыбы, хлопка" [11, 17.10]. Заключение временного торгового соглашения между Великобританией и Латвией, переговоры о новом торговом договоре в 1933 г., создание Англо-латвийского общества дружбы, визиты английских парламентариев в Латвию - все это являлось свидетельством ориентации буржуазной Латвии в направлении Великобритании в последний период экономического кризиса и сопровождалось активизацией экономической политики последней в Прибалтике. Латвийские деловые круги связывали это с расширением своих экономических возможностей, необоснованно рассчитывая на быстрое увеличение своего экспорта в Англию, в особенности за счет уменьшения в Англию экспорта из Советского Союза. Так, например, весной 1933 г., когда обострилась англо-советские отношения, буржуазная латвийская пресса стала

строить предположения, что данная ситуация может быть использована для увеличения экспорта в Великобританию [10, 22.04]. Тем не менее в июне того же года журнал "Ekonomists" с разочарованием вынужден был констатировать: "Первоначальные надежды на резкие перемены на рынке (английском - А.З.) не оправдались, запрет (ввоза советских товаров в Англию - А.З.) не привел ни к заметному повышению цен, ни к более активному заключению сделок" [12, 433].

В годы экономического кризиса буржуазная Латвия в поисках выхода из затруднений пыталась развивать тесные экономические связи с соседями - Прибалтийскими государствами [13, 409]. 15 января 1931 г. был подписан торговый договор с Литвой, а 3 июня 1931 г. - с Эстонией [13, 409]. Начиная с 1927 г. между Эстонией и Латвией велись переговоры о заключении таможенного союза. Этот вопрос регулярно обсуждался в ходе своих совещаниях министры иностранных дел обеих стран [10, 7.09].

В июле 1933 г. в Риге собрались представители хозяйственных организаций Латвии, Эстонии и Литвы, для того чтобы подготовить созыв экономической конференции Прибалтийских государств [10, 25.07].

Укрепление экономических связей между тремя малыми Прибалтийскими государствами в годы кризиса в какой-то мере могло задержать становление британской экономической монополии в Латвии. Однако для широкого экономического сотрудничества трех малых буржуазных Прибалтийских республик не существовало основы, ибо они представляли собой аграрные страны с одинаково развитыми отраслями хозяйства [14, 44].

Трудности сбыта товаров, вызванные кризисом, привели к активизации экономической политики Великобритании, что ослабило разнонаправленность внешнеторговой ориентации буржуазной Латвии, усилив тенденции к однонаправленности на Великобританию как на монопольного партнера. Это, в свою очередь, определило падение удельного веса Германии в латвийской внешней торговле в годы экономического кризиса.

Л и т е р а т у р а

1. Варславан А.Я. Английский капитал в буржуазной Латвии. 1920-1929 гг. Рига, 1972.
2. Ekonomist, 1934, No 8.
3. Мировое хозяйство и мировая политика, 1934, №4.
4. Newman E.W.T. Britain and the Baltic. London, 1930, p.96.
5. Центральный государственный исторический архив ЛатвССР.
6. Gazel A. Baltic countries. Torun, 1936; Baltic countries, 1935, vol. 1, No 1.
7. The Times, 1932, May 10.
8. Yorkshire Post, 1933, October 25.
9. Jaunākās ziņas, 1932.
10. Latvis, 1935, 25. nov.
11. The Times, 1933, October 17.
12. Ekonomists, 1933, No 11.
13. Ekonomists, 1931, No 11.
14. Ekonomists, 1932, No 2.

В. Дацерас

Вильнюсский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ
В ОТНОШЕНИИ ЛИТВЫ (1924-1928)

Экономические мотивы политики Германии в отношении Литвы переплетались с политическими; при этом последние играли более важную роль, чем первые.

Ярче всего экономическая политика Германии в отношении Литвы в 1924-1928 гг. проявилась в германской политике аграрного протекционизма, а также в разных запретах и ограничениях, касающихся внешней торговли и транспорта.

Особенно пагубным для экспорта литовских сельскохозяйственных товаров в Германию и транзита через нее оказались различные запреты и ограничения, которые Германия с начала 1925 г. применяла к Литве, за исключением Клайпедского края,* под предлогом болезни скота, плохой работы ветеринарной службы, а также по другим мотивам. При помощи запретов и ограничений Германия стремилась к осуществлению своих экономических и политических целей, в том числе к подготовке почвы для захвата Клайпедского края.

Прежде всего Германия запретила импорт литовского мяса с 1 февраля 1925 г., [I, 23.07] и мотивировала это тем, что в Литве, за исключением Клайпедского края, бойни и ветеринарная служба якобы не соответствуют законам Германии [I, I, 31, 12]. То, что это был только предлог, показывает письмо временно исполнявшего обязанности директора юридическо-административного департамента МИДа Литвы И. Нонинаса министру финансов от 3 августа 1925 г., в котором запрет импорта мяса Германией объясняется другими причинами, а именно тем, что "... с подобными просьбами будут обращаться Эстония,

* Клайпедский край после I-й мировой войны был отделен от Германии, а в 1923 г. присоединен к Литве. Однако Германия продолжала рассматривать его как немецкую землю и всегда предоставляла ему различные льготы.

Латвия, Финляндия" [2, л.5]. Запрет ввоза литовского мяса в Германию был сильным ударом по экономике Литвы, так как большая часть экспортируемого из Литвы мяса до этого вывозилась в Германию [1, 31.12].

В начале 1925 г. государственные органы Пруссии запретили транзит литовского мяса через Германию. Исключение составлял опять-таки только Клайпедский край, но при условии, что директория края не будет брать товарных животных из других областей Литвы. Запреты транзита Пруссия также пыталась объяснить болезнью скота в Литве. Однако не в состоянии доказать это Германия стала утверждать, что транзит литовского мяса через Германию запрещен потому, что Прибалтийские страны очень много товарного скота и мяса якобы получают из Советского Союза, где санитарное состояние скота, по утверждению Германии, плохое, и поэтому существует опасность разных заболеваний [2, л.22].

Германская политика аграрного протекционизма вызвала большое недовольство среди крестьян и других общественных слоев Литвы. Германии пришлось как-то реагировать. Отвечая на вопросы работников печати, германский посланник в Литве Е. Шретер заявил, что существующие запреты являются каким-то недоразумением. Компетентные представители властей ему якобы сообщили, что транзит литовского мяса и консервов никогда не был запрещен. Ввоз в Германию свинины и телятины также разрешен. Запрет, по его словам, в последнее время наложен только на говядину [3, 6.07].

После длительных переговоров выяснилось, что транзит через Германию формально разрешен, только Литва обязана обменяться грамотами о ратификации литовско-германского торгового договора от 1925 г., который был заключен на тяжелых для Литвы условиях, и подписать предусмотренное этим же договором соглашение о так называемом пограничном сообщении, т.е. сообщении между гражданами Литвы и Германии в строго определенной пограничной зоне. Подписать соглашение о малом пограничном сообщении правительство Литвы не решалось пото-

му, что оно не соответствовало ни экономическим, ни политическим интересам страны. Кроме того, выяснилось, что и ввоз телятины в Германию также формально разрешен, но к вывозимому товару предъявлялись такие требования, выполнить которые предприниматели Литвы тогда не могли [3, 8.07.]

Положение Литвы еще более ухудшилось в связи с решением правительства Германии в 1925 г. проводить политику аграрного протекционизма, которая в значительной степени была применена и по отношению к Литве.

Эта политика выражалась главным образом в резком повышении таможенных пошлин на ввозимые в Германию сельскохозяйственные товары и весьма затрудняла экспорт товаров из Литвы. Повышенные таможенные пошлины были впервые введены с 1 октября 1925 г. [1, 9.05.]

Как же реагировало на создавшееся положение буржуазное правительство Литвы? Прежде всего, наблюдалось разочарование и сожаление, что Германия приравнивает Литву как торгового партнера к второстепенным государствам. С другой стороны, литовский сейм 31 декабря 1925 г. принял закон о повышении таможенных пошлин на ввозимые предметы роскоши и промышленные товары, изготавливаемые и в Литве [4, № 2, 33]. Но даже буржуазная печать признала, что этот закон был принят только тогда, когда литовский рынок уже был "наводнен никому ненужными товарами, которых стало больше, чем можно было израсходовать в стране..." [4, №2, 35]. Кроме того, противостоять германской политике аграрного протекционизма Литва не могла уже потому, что Германия абсолютно доминировала во внешней торговле Литвы, между тем как доля Литвы в товарном обороте Германии, была весьма незначительной и не составляла даже 1%.

Чтобы выйти из создавшегося положения, Литва, прежде всего, стремилась найти новые рынки сбыта для своих сельскохозяйственных продуктов, в частности, в Англии. Одновременно Литва старательно зондировала почву для дальнейших переговоров с Германией и была крайне заинтересована в понижении таможенных пошлин на мясо, птицу, лошадей и на молочные

продукты [2, л.193]. В одной из бесед германская сторона заявила, что правительство Германии конкретные экономические переговоры с Литвой начнет только тогда, когда Литва согласится ратифицировать уже упомянутый литовско-германский торговый договор от 1923 г. [2, л.194], а также что решение экономических вопросов возможно только в "рамках больших политических переговоров" [2, л.187].

Акцентировалось это не случайно. После того, как 5-16 октября 1925 г. состоялась Локарнская конференция и был подписан Рейнский гарантийный пакт, Германия еще более открыто стала распространять реваншистские идеи, подчеркивая, что "Восточного Локарно не будет", что она возвратит "свои" земли, которые после первой мировой войны перешли к Польше, Литве, Чехословакии [5], что Германия "никогда не признавала оккупации Литвой Клайпедского края", подобно тому, как Литва не признает принадлежности Вильнюса к Польше.

При таких обстоятельствах; под нажимом Германии Литва была вынуждена 5 мая 1926 г. обменяться грамотами о ратификации торгового договора 1923 г. [6, 200].

Вскоре после этого, 2 июля 1926 г. Германия вновь повисила таможенные пошлины, но к странам, с которыми были заключены торговые договоры, с применением принципа наибольшего благоприятствования, Германия решила применять конвенционные таможенные пошлины, т. е. наименьшие таможенные пошлины, установленные по торговому договору с любым государством [4, №8, 261]. Конвенционный тариф стали применять и по отношению к Литве, хотя при возникновении каких-либо неясностей Германия применяла наивысшие тарифы [7].

Все же теперь условия экспорта в Германию несколько улучшились. Тем не менее ввозные пошлины на сельскохозяйственные продукты оставались очень высокими. Кроме того, обмен ратификационными грамотами не защитил от разных запретов и ограничений, которые и в дальнейшем применялись по отношению к литовским товарам. Все это не позволяло Литве выравнивать торговый баланс с Германией, который оставался пассивным вплоть до 1928 г. [8; 9].

Определенные изменения в отношениях между Литвой и Германией произошли после фашистского переворота в Литве 17 декабря 1926 г. Уже 20 декабря глава правительства А. Вольдемарас заявил, что отношения с Германией впредь могут только улучшаться [1, 21, 12]. Заблаговременное решение улучшить отношения с Германией означало готовность пойти на уступки, соглашаясь с ее требованиями. По такому пути и пошло правительство Литвы. Не случайно с начала 1927 г. Литва стала интенсивно готовиться к всеобъемлющим новым экономическим переговорам с Германией.

Дальнейшую подготовку к переговорам значительно затруднило новое изменение правительством Германии таможенных пошлин на ввозимые товары. 9 июля 1927 г. рейхстаг принял решение продлить срок действия закона о таможенных пошлинах от 1925 г. еще на 2 года, т.е. до августа 1929 г. Вместе с тем были повышены пошлины на мясо, картсфель и на сахар. Если повышение пошлин на картофель и сахар не имело большого значения для Литвы, то повышение на 33% пошлины на мясо резко сократило экспорт этого продукта в Германию [10, 253-254]. В течение 1927 и 1928 гг. на практике применялся старый тариф таможенных пошлин, который после изменений 1927 г. стал еще более невыгодным для Литвы.

Новое повышение таможенных пошлин заставило Литву приложить все усилия для заключения нового торгового договора с Германией. Затянувшиеся переговоры закончились тем, что фашистское правительство Литвы в конце 1928 г. подписало ряд договоров с Германией. Главным из них был договор о торговле и судоходстве, подписанный 30 октября 1928 г. * [6, 625-646].

Договор формально был заключен по принципу наибольшего благоприятствования и взаимной выгоды, но на практике ряд его статей предоставляли привилегии германской стороне. Так,

* Договор о торговле и судоходстве вступил в силу февраля 1929 г. [6, 625].

например, с первого взгляда равноправной выглядит I-я статья договора, дающая возможность гражданам договаривающихся стран путешествовать, поселяться на территории другого государства, заниматься там торговлей, ремеслом и другими видами промысловой деятельности [6, 625-626]. На самом деле воспользоваться предоставленными этой статьей возможностями Литва не смогла по той простой причине, что будучи сельскохозяйственной страной, она ни своих торговых фирм, ни представителей других деловых кругов тогда в Германии не имела и иметь не могла. Между тем Германия имела в Литве не мало разных фирм, здесь также находилось довольно много германских граждан. Если еще учесть то обстоятельство, что договор освобождал их от различных обязанностей в Литве [6, 267-268], станет ясно, что мнимый принцип общодосторонности на самом деле был "односторонним не в пользу Литвы" [II, 30.04].

Используя отсутствие конкретных положений в договоре, Германия добилаась права на так называемую свободную закупку товаров в Литве [6, 628-630]. Она скупала свиней и других торговых животных прежде всего в Клайпедском крае и только через немецкие торговые организации [II, 30.04]. Кроме того, Литва была вынуждена содержать за свой счет высокооплачиваемых немецких ветеринаров [II, 30.04].

В договоре было отмечено, что договаривающиеся стороны в области торговли не будут применять запретов и предоставят друг другу свободу транзита через свою территорию. Но в тех же статьях было предусмотрено столько исключений [6, 630-631], что Германия всегда могла применить и в дальнейшем применяла разные запреты и ограничения.

В договор были включены такие положения [6, 637], согласно которым позднее установленные транспортные тарифы, предоставили Кенигсбергскому порту преимущество по сравнению с Клайпедоком.

Особенно отрицательной оценки заслуживает 23-я статья договора, по которой Германии предоставлялось право без со-

гласия Литвы вести переговоры с третьим государством в целях установления железнодорожных тарифов между Кенигсбергом и железнодорожными пунктами стран "по ту сторону Литвы" [6, 637-638]. Это означало, что Германия по договоренности, например, с Польшей могла устанавливать обязательные для Литвы тарифы на перевозки польских товаров через территорию Литвы. Литве было предоставлено лишь право "требовать компенсации за эти перевозки" [6, 637-638]. Недаром даже буржуазная газета "Lietuvos žinios" 30 апреля 1936 г. констатировала, что соответствующие статьи договора настолько односторонни "не в пользу Литвы", что их "существенная ревизия является обязательной".

Односторонним оказался договор и о судоходстве. Германским торговым судам были предоставлены на морях и во внутренних водах такие же права, какие и литовским [6, 637-638], но ввиду малочисленности литовского торгового флота эксплуатация реки Нямунаса (Немана), особенно в полосе от Каунаса до Клайпеды, практически перешла в руки Германии. Например, по данным 1935 г., из общего количества курсирующих по Неману барж 200 принадлежало Германии и только 50 - Литве [2, л.155]. Разумеется, что и значительная доля прибыли доставалась Германии. По данным МИДа Литвы в период с 1928 по 1934 гг. Германия получила 70% всех доходов от фрахта [2, л.193].

Эти положения договора значительно препятствовали росту торгового флота Литвы. Кроме того, на основании договора Германии предоставлялось право требовать, чтобы транзитный лесосплав по Неману, предназначенный для Германии, начиная от гор. Смалиниевкай обслуживали германские сплавщики [6, 637-638]. Разумеется, и это положение было выгодно только для Германии.

Таким образом, договор о торговле и судоходстве 1928 г., как и торговый договор 1923 г., оказался невыгодным для Литвы как в экономическом, так и в политическом отношениях.

С договором о торговле и судоходстве 1928 г. неразрывно связан и вопрос об упомянутом выше малом пограничном сообщении, которое в рассматриваемый период занимало важное

место в системе сложных политико-экономических отношений между Литвой и Германией. Соглашение относительно пограничного сообщения между Литвой и Германией было заключено еще в 1919 г. Однако после присоединения в 1923 г. Клайпедского края к Литве правящие круги Германии, стремясь усилить свое влияние в Клайпедском крае и во всей Литве, стали поднимать вопрос о заключении нового, более выгодного соглашения. Литовская буржуазия, будучи экономически зависимой от Германии, была вынуждена пойти на уступки и в 1925 г. подписала новое соглашение о малом пограничном сообщении или так называемую Прилагаемую конвенцию к статье 20-й литовско-германского торгового договора от 1923 г., которая оказалась крайне невыгодной для Литвы. Ввиду этого конвенция не была ратифицирована буржуазной Литвой до 2 декабря 1928 г., хотя по договоренности на практике она применялась со дня подписания, т.е. с 16 июля 1925 г. [6, 377; 2, л.28]. Ратифицировало конвенцию буржуазное правительство Литвы только после того, как германская сторона согласилась на частичные уступки и 1 ноября 1928 г. подписала Протокол об осуществлении Прилагаемой конвенции к статье 20-й литовско-германского торгового договора от 1923 г. [6, 670-674]. Несмотря на то, что протокол, содержащий незначительные поправки, не изменил сути невыгодной для Литвы конвенции, она была ратифицирована правительством Литвы и 20 декабря 1928 г. вступила в силу.

Таким образом, политика Германии серьезно затрудняла развитие экономики Литвы. Реальным выходом из создавшегося положения было расширение экономических отношений с Советским Союзом; но буржуазное правительство Литвы по политическим причинам избегало более тесных экономических связей с СССР.

Л и т е р а т у р а

1. Lietuva, 1926.
2. Центральный государственный исторический архив
Литовской ССР, ф.383, оп.9, ед.хр.32.
3. Lietuva, 1925.
4. Lietuvos ūkis, 1926.
5. Lietuva, 1927.
6. Lietuvos nutartys su svetimomis valstybėmis, 1919-1929.
Kaunas, 1930, t. 1, p. 200.
7. Центральный государственный исторический архив
Литовской ССР, ф.987, оп.1, ед.хр.33, л.140.
8. LSM, 1927-1928, priedas, p. 2,4.
9. Lietuvos užsienio prekyba 1929 m. Kaunas, 1930, p. 4-6.
10. Lietuvos ūkis, 1927, No 8.
11. Lietuvos žinios, 1936.

Р. Дюгда
Вильнюсский государственный
университет

КЛАЙПЕДСКИЙ ВОПРОС В ГЕРМАНО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1923-1928)

Данный вопрос до сих пор мало исследован. Немецкие буржуазные авторы обычно огульно оправдывают политику правительства Германии того времени, умалчивая о ее грубом давлении на Литву. В свою очередь в литовской буржуазной исторической литературе ответственность за осложнения в отношениях между этими двумя странами сваливается на одну лишь Германию.

В советской историографии значение клайпедского вопроса в литовско-германских отношениях в 1923-1928 гг. мало освещены. Отдельные аспекты этой проблемы коротко затрагиваются в академических изданиях истории Литовской ССР [1; 2], в Очерках истории Коммунистической партии Литвы [3].

После присоединения Клайпедского края к Литве (в начале 1923 г.) немецкие организации усилили в крае пропаганду, направленную против Литвы. В апреле 1923 г. была прекращена деятельность немецкой националистической организации хайматбунда (Союз отечества). Вместо нее в ноябре 1923 г. был создан культурбунд (культурный союз) Клайпедского края [4], который под прикрытием защиты культурных интересов немцев, в этом крае стремился продолжать политику его германизации. В декабре 1923 г. в Клайпедском крае была создана еще одна немецкая националистическая организация - Автономический союз; после подготовки Клайпедской конвенции, установившей широкую автономию края в составе Литвы, в марте 1924 г. союз прекратил свою деятельность.

Заработная плата чиновников в Клайпедском крае была значительно ниже, чем ранее, когда он входил в состав Германии. С целью усиления влияния Германии она стала с осени 1924 г. тайно выплачивать чиновникам автономных учреждений края, преданным Германии, разницу в зарплате в виде "беспроцентного

займа".

Летом 1924 г. в Клайпедском крае подготавливалось вооруженное восстание с целью присоединения края к Германии. Органы власти Литвы раскрыли готовившееся восстание и арестовали руководителей. Девять из них были осуждены на разные сроки тюремного заключения. Однако уже в конце июля 1926 г. они были освобождены по амнистии [5].

Пользуясь попустительством буржуазного правительства Литвы сторонники Германии проводили политику германизации края. Летом 1927 г. губернатор края К. Далкаускас констатировал, что только в пяти школах края преподавание ведется на литовском языке, что только 15 учителей хорошо знают литовский язык и еще около ста могут кое-как договориться по-литовски; около ста учителей были германскими гражданами [6]. В судебных учреждениях также игнорировался литовский язык.

Евангелическая церковь Клайпедского края и после присоединения его к Литве входила в церковную провинцию Пруссии. Из более 30 пасторов там были только 3 литовца, остальные — немцы, более трети из них — германские граждане. Значительная часть пасторов-немцев не знали литовского языка [7]. Литовское правительство пыталось изменить такое положение, однако это ему не удалось.

31 июля 1925 г. правительство Литвы и директория Клайпедского края заключили с Верховным советом евангелической церкви в Берлине договор о евангелической церкви в Клайпедском крае [8, 399-412]. Было установлено, что евангелические приходы края выйдут из церковной провинции Восточной Пруссии. Однако фактически евангелическая церковь края продолжала входить в церковную провинцию Восточной Пруссии, составляя в ней отдельный район.

Берлинские правящие круги всячески использовали, в том числе в клайпедском вопросе, большую экономическую и финансовую зависимость Литвы от Германии, ярко отражавшуюся во внешней торговле Литвы (в 1929 г. на долю Германии приходилось 43,3% литовского экспорта и 80,9% ее импорта [9, 126]).

Так, например, литовско-германским договором, заключенным в мае 1925 г., было решено аннулировать взаимные претензии в связи с событиями первой мировой войны [8, 199]. Таким образом буржуазное правительство Литвы, вначале требовавшее 873,6 млн. золотых марок, удовлетворилось аннулированием займов, полученных от Германии в 1918 г., сумма которых с процентами теперь достигла около 130 млн. марок [10, 45].

В июле 1925 г. был подписан договор о малом пограничном сообщении [8, 377-386]. Он дал право проживавшим в пограничной зоне (10 км по обе стороны границы) ремесленникам и промышленникам заниматься своей профессией в пограничной зоне второй стороны, что нанесло серьезный удар по ремесленникам и торговцам пограничных литовских городов.

Особые льготы были установлены для сообщения между Германией и Клайпедским краем. Карточки для перехода границы могли получать, не прожив 6-ти месяцев в пограничной зоне, чиновники находившихся там учреждений и их домохозяева (т.е. не только члены семьи), а также рабочие и служащие предприятий, владельцы которых имели право получения такой карточки. Договор был явно не выгоден для Литвы.

Пользуясь экономическими трудностями Литвы, германское правительство стремилось заставить литовское правительство делать новые уступки деятельности немецких организаций Клайпедского края. После заключения Клайпедской конвенции в мае 1924 г., по которой Великобритания, Франция, Италия и Япония передали Литве суверенные права на Клайпедский край, Литва подписала с Германией несколько договоров, регулировавших возникшие в связи с этим вопросы во взаимоотношениях между обеими странами.

Одним из наиболее важных был литовско-германский договор об оптации в Клайпедском крае, подписанный 10 февраля 1925 г., [8, 324-332]. По этому договору лица, родившиеся в Клайпедском крае и жившие там более 10 лет, которым в день ратификации Литвой Клайпедской конвенции (Литва ратифицировала ее 30 июля 1924 г.) было более 18 лет, и лица того же возраста, которым администрация союзников предоставила право

постоянного жительства в крае, если они поселились там не позднее 1 января 1922 г., могли до 31 марта 1926 г. оптировать литовское гражданство. Лица, поселившиеся в крае как государственные чиновники и вследствие этого поселения получившие литовское гражданство, могли до той же даты оптировать германское. Бывшие граждане Германии, которым в день ратификации конвенции Литвой было более 18 лет, проживавшие в крае не менее чем с 10 января 1920 г. и тем самым получившие литовское гражданство, могли оптировать германское гражданство до 31 марта 1926 г. Таким образом, германское правительство добилось продления срока оптации на два месяца по сравнению с установленным Клайпедской конвенцией. Кроме того, оно добилось, чтобы лица, которые во время назначения на службу жили в Клайпедском крае, и те, кто в момент назначения сами или их жены имели там недвижимое имущество, а также чиновники, родственники которых до третьего поколения жили в крае в то время, когда они были назначены туда на службу, и лица, родившиеся в крае у проживавших там родителей, а также те, кто после исполнения 18 лет еще 10 лет жили в крае до назначения на государственную службу, могли оптировать гражданство не через 6, а через 18 месяцев. Литовскому правительству удалось добиться только того, что лица, подавшие заявления об оптации германского гражданства, со дня подачи заявления теряли политические права, т.е. и избирательные права.

После заключения договора об оптации немало немцев в Клайпедском крае подало заявление об оптировании германского гражданства. По данным Э.Плига, за Германию оптировало около 15 тысяч человек или 10% населения края [II, 34]. Это не соответствовало планам германского правительства. Генеральное консульство Германии в Клайпедке рекомендовало немецкому населению края оптировать литовское гражданство для поддержания немецкой культуры в крае.

8 сентября 1925 г. в Каунасе было получено известие о том, что 25 августа в Париже были деонированы документы о ратификации Клайпедской конвенции и тем самым конвенция всту-

пила в силу. В связи с этим 9 сентября литовское правительство приняло решение о проведении 19 октября выборов в первый сеймик Клайпедского края.

Немецкие организации края создали для этих выборов так называемый фронт единства. 31 сентября городской совет города Клайпеды, большинство в котором имели представители немецких организаций, вопреки избирательному закону исключили из списков избирателей значительную часть граждан Литвы, проживавших в городе [12]. В то же время в списки избирателей были включены оптанты, которые не имели права голосования. По данным печати, в выборах участвовало 8000 немецких оптантов [13].

В таких условиях на выборах в сеймик немецкий фронт единства получил 27 мест, литовские партии - 2.

Поскольку губернатор Клайпедского края не хотел поручить создание новой директории представителям немецких организаций, 11 декабря 1925 г. они направили жалобу Лиге Наций. Литовское правительство, не желая обострения отношений с Германией, искало компромисса. 12 января 1926 г. председателем новой директории был назначен Э.Симонайтис. Он пригласил членами директории в большинстве представителей немецких организаций. Тогда немецкие фракции сеймика выразили директории Симонайтиса доверие.

Еще 26 июня 1925 г. немецкие организации Клайпедского края, поддерживаемые германским правительством, послали генеральному секретарю Лиги Наций жалобу по поводу введения литовского языка в почтовых учреждениях края, недопущения судей из Германии и некоторых других действий литовского правительства в Клайпедском крае.

Несмотря на то, что по Клайпедской конвенции они не имели права петиций, Совет Лиги Наций на заседании 28 сентября 1925 г. принял предложенную английским представителем Сесилем резолюцию, по которой генеральный секретарь Лиги Наций, получив жалобы по поводу нарушений или мнимых нарушений Клайпедской конвенции, имеет право рассылать их в целях информа-

ции членам Совета Лиги Наций [14, 271]. Немецкие организации Клайпедского края не замедлили воспользоваться этой резолюцией.

По статье 35-й статута Клайпедского края этот край должен был получать определенную часть денег, поступивших от пошлин, акциза и других доходов. В соответствии с этим литовское правительство ежемесячно переводило на нужды Клайпедского края 400 тыс. литов. Партии большинства сеймика потребовали увеличить эту сумму до 1 млн. литов в месяц, а поскольку литовское правительство с этим не согласилось, направили генеральному секретарю Лиги Наций новую жалобу.

Совет Лиги Наций приступил к обсуждению этой жалобы 3 сентября 1926 г. К тому времени Германия уже была принята в Лигу Наций и получила место постоянного члена Совета Лиги. На заседании Совета от 20 сентября, на котором рассматривалось дело о Клайпедке, впервые участвовал и представитель германского правительства. Совет единогласно признал, что, как это утверждало правительство Литвы, Клайпедская конвенция не предоставляет сеймику или его членам права петиций. Тем самым была отменена резолюция Совета от 1925 г. С этого времени жалобы немецких организаций Клайпедского края Лиге Наций шли через правительство Германии.

Между тем 6 ноября 1926 г. председатель директории Клайпедского края Э.Симонайтис приказал освободить от работы ряд немецких чиновников и учителей; на их место назначались литовцы. Поэтому большинство сеймика выразило ему недоверие. В период продолжавшегося кризиса директории в Литве произошел, 17 декабря 1926 г., фашистский переворот. Сразу же после переворота в Клайпедском крае, как и во всей Литве, было введено военное положение.

Премьер-министр нового правительства А.Вольдемарас заявил представителям печати, что взаимоотношения Литвы и Германии "могут только улучшаться" [15]. 28 декабря посетив Клайпеду, он обещал, что в ближайшие дни будет создана директория края на парламентских началах.

4 января 1927 г. губернатор назначил председателем ди-

ректории представителя литовских организаций Швельнуса, который включил в состав директории еще двух литовцев и предложил фракциям большинства сеймика дать двух своих представителей. На таких условиях они отказались от всякого сотрудничества с Швельнусом. На заседание сеймика 22 января, на котором должна была зачитана декларация новой директории, явилось только 11 представителей из 29. Поэтому вследствие обструкции фракций большинства заседание сеймика не состоялось. В тот же день губернатор распустил сеймик и назначил новые выборы на 4 марта.

Органы местной власти Клайпедского края, находившиеся в руках сторонников Германии, не хотели допустить к участию на выборах литовских граждан, родившихся в других районах Литвы. Не была включена в списки избирателей значительная часть лиц, имевших право участия в выборах, и включено много лиц, не имевших этого права. Поэтому губернатор перенес выборы на 8 апреля, а затем отложил их на неопределенное время. В связи с этим германская печать и радио вновь обрушились с нападками на действия правительства Литвы и губернатора Клайпедского края. 24 мая 1927 г. правительство Германии направило генеральному секретарю Лиги Наций телеграмму с требованием рассмотреть этот вопрос на июньской сессии Совета Лиги.

На этой сессии, начавшейся 13 июня, Литву представлял А. Вольдемарас. Накануне рассмотрения Советом германской жалобы он целый час беседовал с Г. Штреземаном. На заседании Совета 14 июня А. Вольдемарас заявил, что у него создалось впечатление о возможности решения вопроса, не обсуждая его на Совете. Тогда по предложению Г. Штреземана было решено отложить рассмотрение этого вопроса на следующее заседание Совета. Затем Вольдемарас вновь встретился с Штреземаном. В результате обсуждения Штреземан согласился, что правительство Литвы имело основание отложить выборы в сеймик, что все граждане Литвы, постоянно проживающие в Клайпедском крае, имеют право участия в выборах в сеймик [16, 23.06].

В связи с этим на заседании Совета 15 июня А. Вольдемарас отметил, что правительство Литвы никогда не думало ограничивать автономию Клайпедского края, что спор шел только по поводу того, кто имеет право участия в выборах в сеймик. Поскольку во время бесед с министром иностранных дел Германии Г. Штреземаном выяснилось, что право на участие в выборах в сеймик литовских граждан, постоянно проживающих в Клайпедском крае, не оспаривается, правительство Литвы согласно провести выборы в сеймик не позднее сентября. После этого Г. Штреземан заявил, что берет свою жалобу обратно [17].

Губернатор Клайпедского края К. Жалкаускас назначил выборы в сеймик на 30 августа. В ходе избирательной кампании руководители немецких организаций края запугивали крестьян что если они не будут голосовать за немецкие списки, граница Германии будет закрыта для их продуктов [16, 9.09]. Это не могло не сказаться на результатах голосования. На выборах в сеймик немецкие партии получили 25 мест, литовские организации - 4.

В это время А. Вольдемарас подробно обсудил в Берлине с Г. Штреземаном все основные вопросы литовско-германских отношений.

Переговоры губернатора Клайпедского края с партиями большинства сеймика затянулись почти на два месяца. Наконец, 2 декабря 1927 г. председателем директории был назначен клайпедский литовец О. Кадгинас, который включил в состав директории двух представителей фракций большинства и одного от литовских организаций. По совету германского посланника в Каунасе Мората [II, 42] фракции большинства сеймика выразили вотум доверия директории Кадгина.

29 января 1928 г. А. Вольдемарас и Г. Штреземан подписали литовско-германский договор об урегулировании вопроса о границе [8, 499-512]. В договоре не было записано, что Германия признает Клайпедский край территорией Литвы, а прямо была констатирована граница, существовавшая в момент подписания договора. В тот же день подписанным секретным протоколом А. Вольдемарас от имени литовского правительства принял обязательство, что вопрос об иностранных чиновниках будет

урегулирован путем издания особого закона или декрета и что до этого они не будут ставиться в худшее положение, чем чиновники- литовские граждане [6]. Это явилось серьезной уступкой давлению правящих кругов Германии.

Правительство Германии, осуществляя экономическое давление на Литву, навязало ей ряд неравноправных договоров и соглашений, создавших благоприятные условия для дальнейшего укрепления своего влияния в Клайпедском крае и во всей Литве.

Л и т е р а т у р а

1. Lietuvos TSR istorija nuo seniausiu iki 1957 metu. Vilnius, 1958.
2. Lietuvos TSR istorija. Vilnius, 1965, t. 3.
3. Очерки Коммунистической партии Литвы (1920-1940). - Вильнюс, 1976-1977, т.2.
4. Zentrales Staatsarchiv DDR. Potsdam, Deutsche Stiftung 31, 248.
5. Zentrales Staatsarchiv DDR. Potsdam, Präsidialkanzlei
6. Центральный государственный исторический архив Литовской ССР.
7. Lietuva, 1923, 9.09.
8. Lietuvos sutartys su svetimomis valstybemis. Kaunas, 1930, t. 1.
9. The Baltic States. London, 1938.
10. Dašioras B. Lietuvos ir Vokietijos ekonomines derubos 1922-1923 metais. - LTSR aukštųjų mokslų darbai. Istorija, 12. Vilnius, 1971.
11. Pliég Ernst-Albrecht. Das Memelland 1920-1939. Deutsche Autonomiebestrebungen im litauischen Gesamtstaat. Würzburg, 1962.
12. Lietuva, 1925, 5.10.
13. Lietuva, 1927, 7.11.
14. Robinzonas J. Klaipėdos krašto konvencijos komentaras. Kaunas, 1934, t. 3.
15. Lietuva, 1926, 21.12.
16. Trimitas, 1927, 23.06.
17. Lietuva, 1927, 17.06.

М. Ротбарт
Ростокский университет
(ГДР)

ЭВАЛЬД АММЕНДЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО КОНГРЕССА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Перевод С. Левитана

В результате I мировой войны и Версальского договора Германия претерпела значительные территориальные потери как на Западе, так и на Востоке. Правящие круги Германии старались добиться пересмотра Версальского договора и вернуть потерянные в 1918-1919 гг. территории. Во внешней политике Берлина уделялось особое значение немцам, проживающим на территориях, перешедших к другим государствам.

В январе 1925 г. министр иностранных дел Германии Г. Штреземан в секретном меморандуме требовал создания при помощи зарубежных немцев опорных точек рейха у "границ Германии и на Балканах". Целью немецкой надежды Штреземан считал "создание государства, политические границы которого охватывали бы все части немецкого народа, проживающего внутри границ территории немецкого расселения" [1, 508]. В этой связи следует оценить происходившее в 1925 г. по инициативе Германии основание Европейского конгресса национальных меньшинств. Правда, первые попытки совместного съезда европейских национальных меньшинств имели место несколько ранее. Так, в 1925 г. была предпринята безуспешная попытка создания "Союза угнетенных народов Европы" [2, 517]. Более реальные обоснования идея сближения различных национальных меньшинств приобрела в работах прибалтийско-немецкого журналиста Э. Амменде. Уже в 1922 г. он подчеркивал в меморандуме, написанном в связи с совещанием руководителей немецких национальных групп, что одна из главных задач для учреждаемого союза немецких национальных меньшинств должна быть работа на международной арене

урегулирован путем издания особого закона или декрета и что до этого они не будут ставиться в худшее положение, чем чиновники- литовские граждане [6]. Это явилось серьезной уступкой давлению правящих кругов Германии.

Правительство Германии, осуществляя экономическое давление на Литву, навязало ей ряд неравноправных договоров и соглашений, создавших благоприятные условия для дальнейшего укрепления своего влияния в Клайпедском крае и во всей Литве.

Л и т е р а т у р а

1. Lietuvos TSR istorija nuo seniausiu iki 1957 metu. Vilnius, 1958.
2. Lietuvos TSR istorija. Vilnius, 1965, t. 3.
3. Очерки Коммунистической партии Литвы (1920-1940). - Вильнюс, 1976-1977, т.2.
4. Zentrales Staatsarchiv DDR. Potsdam, Deutsche Stiftung 31, 248.
5. Zentrales Staatsarchiv DDR. Potsdam, Präsidialkanzlei
6. Центральный государственный исторический архив Литовской ССР.
7. Lietuva, 1923, 9.09.
8. Lietuvos sutartys su svetimomis valstybemis. Kaunas, 1930, t. 1.
9. The Baltic States. London, 1938.
10. Dašioras B. Lietuvos ir Vokietijos ekonomines derubos 1922-1923 metais. - LTSR aukštųjų mokslų darbai. Istorija, 12. Vilnius, 1971.
11. Plieg Ernst-Albrecht. Das Memelland 1920-1939. Deutsche Autonomiebestrebungen im litauischen Gesamtstaat. Würzburg, 1962.
12. Lietuva, 1925, 5.10.
13. Lietuva, 1927, 7.11.
14. Robinzonas J. Klaipėdos krašto konvencijos komentaras. Kaunas, 1934, t. 3.
15. Lietuva, 1926, 21.12.
16. Trimitas, 1927, 23.06.
17. Lietuva, 1927, 17.06.

М. Ротбарт
Ростокский университет
(ГДР)

ЭВАЛЬД АММЕНДЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО КОНГРЕССА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Перевод С. Левитана

В результате I мировой войны и Версальского договора Германия претерпела значительные территориальные потери как на Западе, так и на Востоке. Правящие круги Германии старались добиться пересмотра Версальского договора и вернуть потерянные в 1918-1919 гг. территории. Во внешней политике Берлина уделялось особое значение немцам, проживающим на территориях, перешедших к другим государствам.

В январе 1925 г. министр иностранных дел Германии Г. Штресеман в секретном меморандуме требовал создания при помощи зарубежных немцев опорных точек рейха у "границ Германии и на Балканах". Целью немецкой надежды Штресеман считал "создание государства, политические границы которого охватывали бы все части немецкого народа, проживающего внутри границ территории немецкого расселения" [1, 508]. В этой связи следует оценить происходившее в 1925 г. по инициативе Германии основание Европейского конгресса национальных меньшинств. Правда, первые попытки совместного съезда европейских национальных меньшинств имели место несколько ранее. Так, в 1925 г. была предпринята безуспешная попытка создания "Союза угнетенных народов Европы" [2, 517]. Более реальные обоснования идея сближения различных национальных меньшинств приобрела в работах прибалтийско-немецкого журналиста Э. Амменде. Уже в 1922 г. он подчеркивал в меморандуме, написанном в связи с совещанием руководителей немецких национальных групп, что одна из главных задач для учреждаемого союза немецких национальных меньшинств должна быть работа на международной арене

не [3, 45].

Обоснование своей идеи создания европейского движения национальных меньшинств Амменде, по всей видимости, почерпнул из аналогичных предложений других политических деятелей национальных меньшинств. Так, еще в 1921 г. Клейн, редактор немецкой газеты в Трансильвании (Румыния) требовал создания организации по защите прав национальных меньшинств. Югославский немец К.Морокутти опубликовал в 1924 г. "Проект совместной защитной акции национальных меньшинств", в котором излагаются обоснования и задачи координации совместных действий европейских "национальных групп" с конечной целью основания наднационального союза защиты всех национальных меньшинств Европы [3, 47].

В августе 1924 г. прибалтийский барон Гейкинг писал в журнале "Der Auslandsdeutsche" о необходимости создания центра национальных меньшинств. Гейкинг предлагал аналогично постоянным делегациям государств - членов Лиги Наций учредить в Женеве совместное представительство и информационный пункт национальных меньшинств, которое на первых порах должно было давать заключения экспертов по правовым вопросам, относящимся к национальным меньшинствам, и защищать по этим вопросам интересы последних. Он представлял себе этот центр как противовес отделу национальных меньшинств при Лиге Наций, который работал без штатных служащих из кругов национальных меньшинств. Гейкинг (перед первой мировой войной - генеральный консул России в Лондоне) действительно создал в 1923 г. в Женеве такой информационный пункт, но он не получил одобрения национальных меньшинств и секретариата Лиги Наций.

Эти предложения, идущие исключительно из кругов руководителей немецких национальных меньшинств, показывают, что идея известного объединения национальных меньшинств уже ранее приобрела некоторую популярность [3, 47].

Замыслы Амменде по организации национальных меньшинств вначале не шли так далеко, как предложение Гейкинга. Амменде стремился (точно так же, как Морокутти), на первых порах

к совместной встрече представителей национальных меньшинств, на базе которой впоследствии должна была развиваться работа по созданию постоянной организации.

Предварительные работы по организации такой встречи начались осенью 1924 г, после беседы Амменде в Берлине с швейцарским федеральным советником Мотта, который одобрил эти планы. Важным фактором деятельности Амменде по объединению национальных меньшинств являлась существовавшая в Латвии школьная автономия и принятие в феврале 1925 г. эстонским парламентом так называемого закона о культурном управлении национальных меньшинств, в составлении которого активно участвовал и сам Амменде [3, 47].

Вскоре после принятия в Эстонии закона об автономии Амменде составил меморандум "Принципы, директивы и программа для конференции представителей всех национальных меньшинств в Европе, который был разослан руководителям национальных меньшинств.

В мае 1925 г. Амменде в ходе большой поездки по Европе встретился с руководителями ряда национальных меньшинств. В переговорах с ними было установлено совпадение взглядов по принципиальным вопросам. После этого в связи со съездом "Союза обществ содействия Лиги Наций" в Варшаве 8 июля 1925 г. по инициативе Амменде состоялось совещание буржуазных представителей немецких, венгерских, украинских и литовских национальных меньшинств. В результате этого совещания было вынесено решение организовать задуманную встречу осенью текущего года. Наметки и предложения меморандума Амменде должны были стать основой для ее работы. За варшавским совещанием в августе последовала предварительная конференция в Дрездене, на которой Вильфан, представитель словен и хорватов в итальянском парламенте, Шиманн, представителей немцев в латвийском парламенте и Г. фон Сцюзло, председатель венгерского "Общества содействия Лиге Наций" в Чехословакии составили пригласительное письмо на международную конференцию национальных меньшинств в Женеве. Проведение всех подготови-

тельных и организационных работ было поручено Амменде.

Конференция в Женеве должна была состоять из подготовительного совещания и конгресса [3, 55]. В совещаниях не предусматривалось обсуждение вопросов, которые касались конкретного положения отдельных национальных меньшинств. Приглашение далее исключало, в противовес меморандуму Амменде обсуждение вопросов об изменении границ. Отказ от рассмотрения проблемы ревизии границ следует, по-видимому, наряду с определенными тактическими внешнеполитическими соображениями, отнести за счет влияния организованных с 1924 г. в "Союзе национальных меньшинств Германии" поляков, сербов, датчан и фризгов, которые в противном случае вряд ли участвовали бы в I Европейском конгрессе национальных меньшинств.

На основании упомянутого приглашительного письма 14 октября 1925 г. в Женеве под руководством Вильфана состоялась предварительная конференция к конгрессу, а 15-16 октября состоялся I Европейский конгресс национальных меньшинств. Конгресс был открыт речами трех лиц, создавшими его. Вильфан был избран президентом, в дальнейшем председательствующий и на последующих конгрессах. Вице-президентами были избраны представители более крупных национальных меньшинств, участвовавшие в конгрессе: Гринбаум как представитель евреев Польши, Шиманн как представитель немцев Латвии, Сераковский как представитель поляков Германии и Г. фон Сцолло как представитель венгров Чехословакии. Генеральным секретарем стал Амменде [3, 58]. В его обязанности входила предварительная работа по подготовке к конгрессам, поддержание контактов между национальными группами - участниками конгресса, информация и оказание влияния на печать и общественность, исходя из направлений и целей конгресса. Кроме того, он должен был заботиться о сохранении и углублении контактов с существующими международными организациями, занимающимися вопросами национальных меньшинств "Мировым союзом обществ содействия Лиге Наций" и "Межпарламентским союзом".

В течение более чем 10-летней деятельности в качестве генерального секретаря конгресса Амменде был в известной

мере "мотором" этого движения. Сила его заключалась не столько в выдвижении идей, сколько в их умелой пропаганде. Он являлся сотрудником многочисленных немецких и иностранных газет. Амменде будучи прибалтийским немцем окружил себя своими земляками, распределив между ними руководящие посты. Они же являлись проводниками его идей и помощниками в подготовке конгрессов. Если Амменде можно назвать "сердцем" конгресса, то П. Пиманна, политического руководителя немецкого национального меньшинства в Латвии, можно считать его "головой".

Политическая позиция Амменде прослеживается уже по вышеупомянутому меморандуму и по его выступлениям на конгрессах. На II конгрессе в 1926 г. Амменде заявил, что на конгрессах следует рассматривать исключительно вопрос об урегулировании национальной проблемы в рамках существующих государств [2, 391]. Это звучало как отказ от любого ирредентизма. То, что эти заявления, пожалуй, в первую очередь объяснялись внешнеполитическими соображениями, доказывает статья Амменде в сентябре 1926 г., в которой он менее завуалированно раскрывает свои действительные намерения: "Компромиссное соглашение по подлежащим впредь изменению границам в Средней и Восточной Европе будет значительно легче достигнуто, если и та и другая сторона займется урегулированием вопроса мирной жизнью народа посредством введения культурного самоуправления [2, 391].

Уже первые ежегодные (до 1938 г.) конгрессы подтвердили, что скептическое отношение (особенно "Союза национальных меньшинств Германии") к такой трактовке проблемы европейских национальных меньшинств и в возможности практических успехов было более чем оправдано. Очень скоро стало ясно, что движение имело своим источником нужды и устремления более развитых национальных меньшинств, в первую очередь - немецких и венгерских. Без немецкой инициативы и без предварительных работ руководителей немецких зарубежных политиков конгресс вообще не состоялся бы. Они и участвовали определяющим образом в работах отдельных конгрессов. Таким образом, конгресс

в целом следует рассматривать как немецкое начинание. Первоначальная передача президентства не немцу (оно было вначале предложено руководителю национального меньшинства в Латвии П.Шиманну, который отказался в пользу Вильфана) была в действительности лишь тактическим ходом. Не случайно и то, что многие видные работники конгресса были из Прибалтики, ведь германский империализм видел существенную задачу в том, чтобы, политически организовав немецкое национальное меньшинство в странах Прибалтики (которое он так же, как в годы первой мировой войны, рассматривал в качестве "трамплина" против России), создать выгодную исходную позицию для будущего проведения своих реваншистских планов [4].

Ход и результаты конгрессов доказывают, что они главным образом действовали в интересах Германии, хотя это было более или менее ловко замаскировано. Это подтверждает также Скала, принадлежавший к национальному меньшинству сорбов в Германии, в статье в журнале "Kulturwehr" (орган "Союза национальных меньшинств Германии"), посвященной истории конгрессов национальных меньшинств. Он показал, что идеей совместной работы национальных меньшинств занимались гораздо в меньшей степени сами руководители и политики немецких меньшинств, чем политические деятели и ученые самой Германии. От этих лиц, ориентировавшихся на единую великогерманскую политику и от некоторых специальных учреждений, как, например, от "немецкого фонда" ("Deutsche Stiftung") исходили первые инициативы к организационному охвату всех живущих в Европе немецких национальных меньшинств [5, 398].

На конгрессах на передний план выдвигались лишь такие вопросы, которые касались более сильных национальных меньшинств. В отношении к менее защищенным национальным меньшинствам не была выдвинута даже минимальная программа, которая касалась бы всех национальных меньшинств. Это следовало в первую очередь из меморандума Амменде, характер которого может быть определен следующим образом: следует обсудить возможности создания такого положения, чтобы национальные меньшинства выступали в качестве представителей народов большин-

ства", т.е. государств-метрополий. Далее следовало определить принципы, которые в отдельных случаях имели своей целью ревизию границ.

Через все конгрессы проходит требование руководителей немецких национальных меньшинств о "культурной автономии". Прежде всего по этой проблеме много писал П.Шимани [6]. Смысл такой "автономии" состоял в том, чтобы немецкие национальные меньшинства организовывали свою культурную жизнь без контроля данного государства, т.е. создали бы своего рода государство в государстве. Это дало бы Германии возможность впрямь немецкие национальные меньшинства без особых затруднений в реализацию своих внешнеполитических планов.

На II Европейском конгрессе национальных меньшинств открыто проявилась тенденция, существовавшая между немецкими и другими европейскими меньшинствами. Конгресс пришлось преждевременно закрыть, так как "Союз национальных меньшинств Германии" объявил о своем выходе. Непосредственным поводом для этого послужило то, что национальные меньшинства фризлов Германии не были допущены к конгрессу. Качмарек обосновал выход тем, что конгресс в одностороннем порядке поддерживает преимущественно так называемые сильные национальные меньшинства, которые требуют, не считаясь ни с чем, "культурную автономию" как единственную возможность для решения проблем национальных меньшинств. Союз правильно понимал, что с этим требованием связаны великодержавные цели, что "культурная автономия" не является самоцелью и не выражает стремления к справедливому статусу национальных меньшинств, а задумано как средство для достижения далеко идущих целей, а именно: для изменения принадлежности к тому или иному государству" [7, 49]. За этим процессом стояло еще другое обстоятельство: несмотря на обещания Штреземана [8, 49], Германия не заботилась о своих собственных национальных меньшинствах, а ориентировалась полностью на немцев за границей. Еще более: для национальных меньшинств в Германии существовали незначительные, только временные возможности защищать свою нацио-

нальность парламентским или каким-либо другим легальным путем. Различные заявления национальных меньшинств Германии в адрес правительства, которые могли служить основой переговоров для упорядочения прав национальных меньшинств, оставались без ответа.

Съезды национальных меньшинств показали неспособность Европы решить данную проблему. Представленные на конгрессах более чем 50 национальных меньшинств стояли на различных ступенях политического, хозяйственного, культурного и социального развития. Они отличались своим историческим развитием и способом расселения. Чрезвычайно различны были также государства, к которым они принадлежали. Некоторые из них взяли на себя в специальных договорах обязательства по защите национальных меньшинств, причем Лиге Наций было предоставлено право надзора над реализацией этих обещаний. Другие же, как, например, Германия объявили лишь о своем "моральном обязательстве" охранять права национальных меньшинств.

При таких обстоятельствах не удивительно, что конгресс уже одним своим существованием мог направить внимание европейской общественности на этот важный вопрос в международной жизни, но не был способен к настоящей работе. В первую очередь "болезни" конгресса объяснялись тем, что он пытался оперировать в действительности несуществующим понятием "единого национального меньшинства" и не учитывал классовую структуру национальных меньшинств. Идея национального гражданского мира должна была сплотить национальные меньшинства против наций большинства.

Конгресс должен был потерпеть крушение из-за нереальности этой идеи. Борьба за национальные права меньшинств - социальная борьба. Для доказательства достаточно привести лишь несколько примеров по сей день не решенных проблем - это вопрос о басках в Испании, проблема Ольстера, события на Кипре и вокруг него.

В этой связи приобретает особый интерес пути решения данной проблемы в социалистических странах.

Л и т е р а т у р а

1. Ruge W. Deutschland 1917-1933. Berlin, 1967.
2. Kulturwehr, 1926/2.
3. Kelmes E. Der Europäische Nationalitätenkongress 1925 - 1938. Köln, 1958.
4. Birke G. Das Herder-Institut Riga und die Expansionspolitik des deutschen Imperialismus gegenüber dem bürgerlichen lettischen Staat (1921-1939). Phil. Diss. Rostock, 1973.
5. Skala J. Zur Entwicklungsgeschichte des Europäischen Nationalitätenkongresses. - In: Kulturwehr 1927/28, Bd.3.
6. Zentrales Staatsarchiv Merseburg. Rep. 77, Tit. 4032, Nr. 1, Bd. 1.
7. Kulturwehr, 1926/1.
8. Kulturwehr, 1925/2.

И.Кезберо

Латвийский комитет по культурным связям
с соотечественниками за рубежом

ОБ ОСТЗЕЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ШВЕЦИИ
(1914-1919)

В годы первой мировой войны нейтральная Швеция поддерживала регулярные дипломатические отношения со всеми воюющими странами и практически не препятствовала проезду граждан других стран через свою территорию, переправке материальных ценностей и литературы [1, 420-422]. По этим причинам, а также в силу своего географического расположения Швеция стала важным центром политической деятельности воюющих держав. Особую активность при этом проявляла кайзеровская Германия, чему в значительной мере способствовали прогерманские настроения правящих кругов Швеции, особенно в окружении короля, в министерстве иностранных дел, среди генералитета и дворянства. На последнее указывают такие видные исследователи истории внешней политики Швеции, как Т.Гиль [2, 93-96] и Е.Белквист [3, 256-257, 260-261].

Определенная роль пропагандистских акций Германии в Швеции была отведена также представителям остзейцев, которые в годы войны в целом действовали в общем русле прогерманской пропаганды. Представители остзейцев поддерживали тесные контакты с германским посольством, которое возглавлял барон Л. фон Штеттен.

Об этом пишет известный финский ученый Х.Гуммерус, автор книги "Егерн и активисти", в которой много говорится о деятельности германских дипломатов в Швеции в годы войны [4, 173]. На основании личных впечатлений об этом свидетельствует в своих воспоминаниях шведский дипломат Альстрёмер [5, 39, 45, 52-53].

Остзейцы не без успеха пытались найти поддержку в правительственных кругах Стокгольма, особенно среди дворянства, чему не мало способствовали близкие родственные связи многих видных дворянских семей Швеции и остзейского края [4, 191-192; 6, 174-175, 178-179].

Кроме того, они пользовались поддержкой прогерманских средств массовой информации. Это была весьма солидная поддержка, так как под полным контролем германских служб находилась такая влиятельная газета как "Aftonbladet" прогерманскую позицию занимала газета "Nya dagligt Allehanda" телеграфные агентства "Свенск телеграмбиро" и "Билдцентрален".

В этих условиях в годы войны представление весьма широких кругов шведской общественности о Прибалтике формировалось в интересах Германии и остзейского дворянства.

Об этом, кроме вышеупомянутого историка внешней политики Швеции Т.Гиля [2, 105-106], говорит также видный журналист, автор книги "Дагенс Нихетер и прорыв демократии" Л.Килберг [7, 103, 120-121, 126].

Сотрудничество остзейцев с германскими представителями в Швеции, поддержка пропагандистских и прочих действий Берлина в этой стране (причем остзейцами преследовались также узко "балтийские" интересы) проявились, в частности, на примере такой германской внешнеполитической акции, как попытка создания так называемой "Лиги поработенных народов России".

Лига была задумана в начале 1916 г. германскими военными и дипломатическими руководителями с целью использования в интересах Германии национально-освободительных устремлений национальных меньшинств России, с чем связывалась надежда на ослабление военной силы России.

Основные задачи Лиги заключались в широкой пропаганде "освободительной" роли Германии по отношению к национальным меньшинствам России. Но одновременно пропагандистские акции Лиги по замыслу ее организаторов должны были оказать влияние также на общественное мнение нейтральных стран, главным образом Соединенных Штатов Америки, в которых успешно действо-

вала антантовская пропаганда и усилилось настроение в пользу вступления в войну против Германии.

Об этом говорит упомянутый Х. Гуммерус [4, 210], который сам принимал участие в деятельности Лиги. Это подтверждается также современными авторами [8, 216].

Лигу возглавил немецкий барон из Литвы Ф. фон дер Ропп, который был тесно связан с остзейским дворянством. Важнейшим центром деятельности Лиги стал Стокгольм. Активную роль в Лиге играла группа остзейских помещиков, в том числе пресловутый участник карательных экспедиций 1906 г. и активный пропагандист аннексии и колонизации Курляндии Сильвио Бредерих, Б. фон Икскуль и др. [8, 216-217; 4, 211].

В самом начале деятельности Лиги в мае 1916 г. в Стокгольме был опубликован так называемый призыв поработенных наций России. Текст призыва был направлен телеграммой президенту США Вильсону и свыше 200 редакциям газет и телеграфных агенств. От имени Лиги телеграмму подписали упомянутый С. Бредерих и финн К. Цилякус.

По заверениям руководителей Лиги данный документ был составлен от имени финнов, поляков, прибалтийских немцев, литовцев, евреев, магометан России, украинцев, грузин и "латышей, проживающих в Швейцарии".

В дальнейшем стало очевидным, что публикация призыва была пропагандистской акцией, главным образом нацеленной на дезинформацию общественного мнения. Так, к примеру, конкретных лиц, которых можно было бы выдать за мифических "латышей, проживающих в Швейцарии" ни тогда, ни позже не удалось установить [8, 218, 220; 4, 211-212].

Кроме того, к началу 1916 г. политика германских оккупантов в Курляндии, Литве и Польше в достаточной мере показала истинный характер "освободительной роли" Германии.

Публикация призыва имела в Швеции определенный успех. Текст этого документа или подробный его пересказ был опубликован во многих газетах. В какой-то мере оправдались некоторые германские надежды и на то, что призыв будет иметь поли-

тический резонанс в США. Посол США в Петрограде получил указания президента установить непосредственный контакт с представителями Лиги в целях сотрудничества [4, 212-213].

В то же время в шведской печати уже тогда были высказаны сомнения о праве Лиги выступать в роли представительницы национального движения поляков, литовцев и других народов, упомянутых в призыве. Так, например, лидер шведских социал-демократов Х.Брантинг сразу же высказал обоснованные сомнения насчет реальности существования Лиги и подчеркнул явно прогерманский характер ее выступлений [9].

В начале 1918 г. остзейские представители усилили в Швеции пропаганду "законных и исконных прав" остзейцев на господствующее положение в Прибалтике и их особых "прав на руководство" народами Прибалтики.

Они имели ряд встреч с видными политическими деятелями Швеции, в том числе с министром иностранных дел Е.Хеллнером. В беседах и выступлениях в печати выдвигались планы создания на территории Эстонии и Латвии под эгидой Германии государственного объединения, руководимого остзейским дворянством.

Эта пропаганда продолжалась до создания в начале ноября 1918 г. так называемого балтийского государства, провозглашение и одновременный крах которого по времени совпали с Ноябрьской революцией и капитуляцией Германии. Об этом свидетельствуют в своем дневнике "Беспокойное время" видный шведский дипломат Е.Палмшерн [10, 284] и ряд других авторов [11, 10-11].

После этого, в условиях установления советской власти почти на всей территории Латвии и на значительной части территории Эстонии остзейские круги Швеции усилили антибольшевистскую пропаганду. При этом, во-первых, полностью умалчивалось участие красных латышских стрелков и эстонских частей Красной Армии в боевых действиях на территории Эстонии и Латвии [12; 13].

Во-вторых, утверждалось, что против ландесвера и дру-

гих немецких частей, а также отдельных антисоветских латышских и эстонских отрядов поступают регулярные соединения Красной Армии, состоящие из русских солдат.

В-третьих, была развернута широкая пропаганда "большевистских зверств".

Следует указать, что факт освобождения Латвии преимущественно частями латышских красных стрелков умалчивается не без старания остзейцев не только в шведской печати.

В Государственном архиве Швеции в Стокгольме нами были просмотрены донесения шведского консула в Риге за этот период, хранящиеся в фондах министерства иностранных дел (Utrikes Departamentet) [14]. Эти донесения писались в спешке, они лишь частично систематизированы и не всегда имеют должной описи. Документы явно составлялись под влиянием верхов прибалтийского немецчества.

При проведении антибольшевистской пропаганды остзейцы весьма широко использовали шведский Красный Крест и особенно его "Комитет помощи военнопленным", которым руководил барон Э.К.Штернстед. При помощи комитета остзейцы и поддерживающие их шведские круги пытались перейти от слов к делу. Материалы шведского консульства содержат данные об этой активизации [15]. Об этом же писала шведская печать [16; 17].

В конце 1918 г. и начале 1919 г. были организованы поездки представителей остзейцев (например - фон Стрика) и шведских военных, в частности, с целью направления шведских добровольцев против Советской Латвии.

Остзейская пропагандистская деятельность в Швеции в годы первой мировой войны и гражданской войны в России является еще одним примером той политической активности, которой привилегированные сословия Прибалтики в этот решающий период надеялись сохранить свои исторически обреченные позиции.

Л и т е р а т у р а

1. История Швеции. Под ред А.С.Кана. М., 1974.
2. Gibl T. Den Svenska utrikes politikens historia. 1914-1919. Stockholm, 1951.
3. Bellquist E.C. Some aspects of the recent foreign policy of Sweden. Berkeley, 1920, vol. 1.
4. Gummerus H. Jägare och aktivister. Helsingki, 1927.
5. Alströmer I.M. Diplomatinnen 1908-1933. Stockholm, 1951.
6. Taube A.v. Die baltischdeutsche Führungsschicht und die Loslösung Livlands und Estlands von Russland. 1916-1918.- In: Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Republiken Estland und Lettland 1917-1918. Marburg, 1971, S. 174-175, 178-179.
7. Kihlberg L. Dagens Nyheter och demokratis genombrott. II. Saglar sin egen sjö 1911-1921. Stockholm, 1960.
8. Zetterberg S. Die Tätigkeit der Liga der Fremdvölker Russlands in Stockholm, 1916-1918. - Acta Baltica, 1970, N 10.
9. Social-Demokraten, 1916, 10.05; 12.05.
10. Palmstierna E. Orostid, 1917-1919. Stockholm, 1953.
11. Talver H. The Foreign policy of Estonia 1918-1921. Tallin, 1978
12. Svenska Dagbladet, 1918, 28.12; 30.12.
13. Dagens Nyheter, 1919, 11.01; 03.02.
14. Riksarkivet, UD, Kons. i Riga, grupp 21.1. 1918-1919.
Riksarkivet, UD, Kons. i Riga, grupp. 21.H 1914-1921.
Riksarkivet, UD, Kons i Riga, Avgående skrivelse. 1919-1923.
15. Riksarkivet, UD, Kons. i Riga. Avgående skrivelse. 22. 1918. 1919-1923.
16. Dagens Nyheter, 1919, 20.01.
17. Svenska Dagbladet, 1919, 20.01.

С. Левитан

Латвийский государственный университет
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСТЗЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Главной задачей остзейской историографии этого периода* являлась апология и защита буржуазно-помещичьего строя, а также привилегированного положения прибалтийско-немецких помещиков и крупной городской буржуазии. Монопольное положение остзейских историков почти во всех исторических учреждениях прибалтийских губерний давало им возможность разрабатывать свои концепции более профессионально, чем это могли сделать латышские и эстонские буржуазные историки. Основные архивы Прибалтики были или собственностью сословных организаций дворянства, такие как архивы рыцарства, прибалтийско-немецкой буржуазии, архивы Рижских гильдий, или же находились под их контролем как, например, городской архив Риги и даже губернские архивы.

Остзейские историки весьма настойчиво охраняли свою фактическую монополию над использованием основных письменных источников. Особенно они опасались возможности централизации архивного дела в масштабах всей Российской империи.

В 1899 году секретарь ливляндского рыцарства (впоследствии заведующий архивом рыцарства) барон Г. Бруйкинск, сообщая о том, что на XI археологическом съезде в Киеве было внесено предложение о централизации архивного дела, подчеркнул, что остзейские историки против такой централизации и "...надеются, что особые условия прибалтийского архивного дела будут учтены при возможной реформе" [2, 108]. В докладе

* Об остзейской историографии вообще и в конце XIX и начале XX вв. в особенности см. [1].

многолетнего директора Рижского городского архива А.Фейзрейзена на первом съезде прибалтийских историков в 1908 г. также выражено намерение сохранить монополию остзейцев в архивном деле [3, 251]. То же самое повторяется и на втором съезде остзейских историков в 1912 г. [4, 239].

Организационными и публикаторскими делами остзейской историографии занимались различные местные немецкие общества ("Курляндское общество литературы и искусства", "Латышское литературное общество", "Ученое эстонское общество" и др.). Главным центром остзейской историографии стало основанное в 1833-1834 гг. в Риге "Общество по изучению истории и древностей остзейских провинций России". Состав членов этого общества наглядно показывает его классовое лицо. Так, в 1905 г. общество насчитывало 514 человек, из них владельцев поместий было 204 человека, учителей, врачей, служащих - 155 человек, торговцев и предпринимателей - 59, присяжных поверенных и судей - 48, пасторов - 38, профессоров университета - 10 человек*. Кроме помещиков, которые были дворянами, значительное количество членов общества - присяжные поверенные, судьи, пасторы и другие были членами остзейских дворянских семейств. Кроме действительных членов, в обществе имелись почетные члены и члены-корреспонденты. Среди почетных членов были в основном представители русской буржуазно-дворянской историографии - председатель Русского археологического общества в Москве П.С.Уварова, консервативный профессор истории Киевского университета В.С.Иконников, крупный русский историк А.С.Лаппо-Данилевский и др. Среди членов-корреспондентов видное место занимали остзейские историки и публицисты, эмигрировавшие в свое время в Германию (Ю.Экардт, А.Серафим, Ф.Бинеманн Старший и др.), а также такие представители великодержавного немецкого шовинизма, как Д.Шефер. "Общество по изучению истории и древностей остзейских провинций России"

* Состав членов общества приведен на основании поименного списка, опубликованного в сообщениях о заседаниях общества в 1905-м году.

выпускало периодические издания "Сообщения из области истории Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, изданные Обществом по изучению истории и древностей Остзейских провинций России" ("Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv.-Est- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der russischen Ostseeprovinzen") и "Сообщения о заседаниях Общества по изучению истории и древностей остзейских провинций России" ("Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der russischen Ostseeprovinzen"). Издания этого периода в полной мере охарактеризовал Я.Зутис, писавший, что они "...главное внимание сосредоточили на изучении времен ордена и епископов; редко когда появлялись доклады или статьи на темы, относящиеся к истории XVII-XIX веков. Увлекались изучением средневековых привилегий рыцарства и городов, с изумительной осторожностью обходя все вопросы, касающиеся положения крестьянства и развития крепостного права" [1, 136]. Анализ их содержания за 1890-1914 гг. показывает, что за упомянутый период было опубликовано 48 материалов по различным вопросам истории края по XVI век включительно. О событиях периода XVI-XVIII веков мы находим лишь 20 публикаций, первой половины XIX - I, второй половины XIX века и начала XX века - ни одной. Статьи по новейшей истории края публиковались в основном в ежемесячном журнале "Baltische Monatschrift", который в конце XIX века стоял на весьма консервативных позициях. Различного рода исторические материалы появлялись регулярно также в прибалтийско-немецких газетах.

Это общество проводило довольно значительную работу по публикации исторических источников, преимущественно таких, которые якобы подкрепляли права немецких феодалов. Одной из наиболее значительных публикаций был первый том "Лифляндских мызных документов", изданный Н.Бушем и Г.Бруйнингком [5], который содержит 694 документа или фрагменты документов за 1207-1500 гг.. В этот период выходят также представляющие научный интерес "Акты и решения лифляндских ландтагов" [6]. Первый том содержит документы за 1304-1460 гг..

третий том - документы за 1494-1535 гг. Второй том был подготовлен, но остался неопубликованным. В 1895 г. вышел также I-й том курляндских мвзних хроник [7]. Продолжалось начатое в первой половине XIX века известным остзейским историком Ф.Г. фон Бунге издание лифляндских, эстляндских и курляндских актов. С 1898 по 1910 гг. вышли 10, 11 и 12-й тома этого большого издания [8].

Упомянутые публикации были археографически тщательно оформлены, они и по ныне сохранили свое научное значение. Однако представители остзейской историографии довольно слабо использовали эти публикации источников в своих работах. Еще меньше остзейская историография конца XIX и начала XX веков обращалась к крупному изданию источников, выпущенному Г.В.Форстеном [9], в котором опубликованы важные источники по довольно интенсивно изучаемой остзейской историографией "истории гибели ливонской самостоятельности".

Заметное оживление археологической исследовательской работы в России в конце XIX века повлияло также на активизацию археологических исследований на территории Латвии. В 1896 г. в Риге состоялся X всероссийский археологический съезд. В связи с этим в Риге была организована археологическая выставка, и прибалтийско-немецкий историк и археолог, профессор Дрьевского университета Р.Гаусман составил иллюстрированный каталог этой выставки, в котором был охвачен почти весь известный к концу XIX века археологический материал по Прибалтике. Этот каталог и в наше время не потерял свою научную ценность. Хотя на X съезде голос остзейской историографии звучал довольно громко, немецко-прибалтийские историки и археологи чувствовали некоторую неудовлетворенность. Материалы съезда показали все же довольно узкий их кругозор и в какой-то мере ударили по концепции культуртрегерства. Недовольство остзейцев вызвал опубликованный в связи с X съездом молодым русским археологом и этнографом Н.Н.Харузиным обзор археологической работы, проведенной до съезда в Прибалтике. В обзоре четко выделялось историческое значение коренного населения Прибалтики в ее древнейшей истории, а также под-

черкивалась необходимость проведения дальнейших исследований в тесной связи с историей соседних областей России. После X съезда усилия остзейской историографии в области древней истории Прибалтики были направлены на доказательство о якобы очень раннем заселении территории края германскими племенами (готами и др.) или, по крайней мере, признаков очень раннего культурного влияния этих племен на местное население. На первом съезде прибалтийско-немецких историков в Риге (1908 г.) Р. Гаусманн докладывал об археологических исследованиях в Прибалтике за десятилетие, прошедшее с X съезда. Р. Гаусманн пытался соблюсти нормы объективности, он признал, что латыши были древнейшим населением на своей территории [10], отметил, что о готском влиянии не известно ничего определенного [10]. Все же он без единого критического замечания доложил о работах других представителей остзейской историографии, которые утверждали, что немецкое влияние на язык и культуру финнов, латышей и литовцев объясняется якобы длительным пребыванием готов в Восточной Прибалтике [10]. Свой доклад Р. Гаусманн кончает голословным утверждением, что если вопрос о готах в Восточной Прибалтике еще и требует своего решения, то влияние, идущее от северогерманских племен в первые века нашей эры не подлежит сомнению [10]. На втором съезде прибалтийско-немецких историков в Ревеле (Таллине) в 1912 г. еще сильнее проявилась тенденция доказать якобы весьма древнее заселение Восточной Прибалтики германскими племенами. На этом съезде были заслушаны два доклада Г. фон Саблера "О национальности эстиев" и "Древнегерманские названия населенных пунктов на эстонско-ливской и латышско-литовской территории" [11]. Оба доклада пронизаны духом великодержавного шовинизма и расизма; без всякого доказательства утверждается, что упомянутые древнеримским историком Тацитом эстии (aestii) были германцами, что германские племена, таким образом, вплоть до VI века н.э. являлись древнейшими коренными жителями Восточной Прибалтики, а предки эстонцев, латышей, литовцев и пруссов позже вторглись с востока и вытеснили или ассимили-

ровали германских эстив [11]. Характерна в этих докладах не их научная сторона (ее попросту нет), а откровенно выраженная тенденция найти "историческое" оправдание привилегиям остзейцев не только "аргументами" культуртрегерства, но и "доказательствами" археологии, этнологии и топонимики. Не так откровенно, более тонко, более профессионально эта тенденция находит отражение во многих статьях сборника, подготовленного на двух языках (немецком и русском) к XVI российскому археологическому съезду в Пскове [12]. В то же время следует указать, что ряд исследований прибалтийско-немецких историков начала XX века, в которых сочетались данные археологии и исторической географии, сохранили и в наше время известную научную ценность. Это особенно касается работ К.Лэвиса оф Мэнара [13].

Таким образом, мы видим, что в статьях и монографиях преобладающего большинства прибалтийско-немецких историков конца XIX и начала XX веков господствует апологетическое направление, основная цель которого с помощью истории оправдать и защитить классовые и сословные привилегии остзейских помещиков и верхов прибалтийско-немецкой городской буржуазии. Для этого направления характерно весьма произвольное обращение с историческими источниками и фактами, а также искажение и нередко фальсификация истории. Следует указать и на попытку пропаганды концепций остзейских историков среди русских читателей. Так, например, был издан на русском языке сжатый обобщающий курс истории Прибалтики Л.Арбузова Старшего [17]. Таковы были характерные черты прибалтийско-немецкой историографии в конце XIX и начале XX веков.

Л и т е р а т у р а

1. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.
2. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russland aus dem Jahre 1899. Riga, 1900.
3. Arbeiten des ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga, 1909.
4. Arbeiten des zweiten Baltischen Historikertages zu Reval 1912. Reval, 1932.
5. Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207. bis 1500). Bd. 1. Herausgegeben von G. V. Bruiningk und N. Busch. Riga, 1908.
6. Akten und Rezesse der Livländischen Ständetage. Bd. 1 (1304.-1460); Bd. III (1494-1535). Riga, 1907-1910.
7. Kurländische Güterchroniken. Bd. 1. Mitau, 1895.
8. Liv.-Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. 10-12. Riga, 1898-1910.
9. Форстен П. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889.
10. Hausmann R. Überblick über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt.-In: Arbeiten des Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga, 1909).
11. Sabler G. v. Über die Nationalität der Aistier; Sabler G. v. Altgermanische Ortsnamen auf estnisch-livischem und lettisch-litauischen Gebiet. - In: Arbeiten des zweiten Baltischen Historikertages zu Reval 1912. Herausgegeben von der Estländischen literarischen Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. Reval, 1932.
12. Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Arbeiten des Baltischen Vorbereitenden Komitees des XVI Archäologischen Kongress in Pleskau 1914. Herausgege-

ben von der Gesellschaft für Geschichte und Altertums-
kunde der Ostseeprovinzen Russlands. Riga, 1914.

Балтийский сборник исследований по археологии и истории.
Труды Балтийского Предварительного Комитета по устрой-
ству XVI Археологического съезда 1914 г. Издание Обще-
ства истории и древностей Прибалтийского края. Рига, 1914

13. Protokolle des Ersten Baltischen Historikertages zu Ri-
ga 15/28.-17/30 - April 1908. Riga, 1909;

Loewis of Menar K. Verzeichis zu der Karte der heidni-
schen Burgberge oder Wallburgen in Altlivland.-In: Ar-
beiten des Zweiten Baltischen Historikertages zu Reval
1912. Reval, 1932.

14. Арбузов Л. Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курлян-
дии. Спб., 1912.

Ю.Егоров

Тартуский государственный университет

ВОТЧИННО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ ВЛАСТЬ

В ЛИФЛЯНДИИ И ЭСТЛЯНДИИ В XIX ВЕКЕ

Царская Россия была полицейским государством с присущим ему произволом полиции и бюрократического аппарата. Тем не менее в Лифляндской и Эстляндской губерниях правительственные органы были немногочисленными. [2, 72]. Здесь большие права имели органы местного дворянства. Сословное и государственное управление тесно переплеталось между собой [3]. Хотя общее руководство Лифляндией и Эстляндией осуществлялось царской администрацией, тем не менее местные немецкие помещики, опираясь на "особый порядок" добились того, что местные высшие правители центрального правительства оказались в зависимости от подначальных им остзейцев [4].

Важными звеньями государственного механизма являлись карательные органы - полиция, суд и т.д. В.И. Ленин отмечал, что в эксплуататорских государствах полиция является главным орудием угнетения масс и верным орудием, оплотом, защитой господствующего класса [1, 25]. Полицейские органы в Лифляндии и Эстляндии организовывались и преобразовывались в течение ряда столетий на основании многочисленных законодательных и других актов Ливонии (XIII-XVI вв.), польского (XVI в.), шведского (XVI-XVII вв.) и русского управления. Поэтому полицейские органы Лифляндии и Эстляндии, возникая в разные времена, под влиянием разных обстоятельств, имели и различное устройство: были полицейские органы для городов и для уездов. В последних была образована особая сельская полиция, которая разделялась на волостную и вотчинную или мызную полицию.

Волостная полиция в Лифляндии и Эстляндии по своей организации отличалась от волостной полиции в других губерниях Российской империи. Положение о преобразовании полиции в прибалтийских губерниях от 9 июня 1888 г. и положение о

преобразовании крестьянских присутственных мест от 9 июля 1889 г. внесло соответствующие изменения в деятельность волостной полиции [5; 6]. Хотя с 1889 г. надзор за волостными органами осуществлялся не помещиком, а назначаемым правительством комиссаром по крестьянским делам, положение по существу не изменилось, т.е. в основном эти комиссары были ставленниками тех же помещиков.

В XIX столетии в мизных (имениях) и казенных имениях полицейские функции входили в обязанность владельцев и арендаторов. Вотчинно-полицейская власть помещтных владельцев являлась пережитком средневекового рыцарского права под названием Grundherrschaft, т.е. с поместным владением соединялось не одно лишь право собственности на землю (proprietas) но и право господства (dominium potentat) над обитателями рыцарского имения, независимо от различия имущественных и личных прав последних [7, 170-171; 8, 284]. Источник этого "права" коренился в отношениях захватчиков к побежденным. Захватив в свою собственность и в свое распоряжение лучшую и большую часть завоеванной территории, они (т.е. захватчики) предоставляли остальные земли в пользование латышам и эстонцам, но при условии признания политического и экономического господства захватчиков. Такое бесконтрольное властвование ливонских рыцарей-землевладельцев над латышами и эстонцами продолжалось столетиями. Отсюда образовались два вида владения землей: поместное и подвластное. С первым из них неразрывно связывалось право владельца (Grundherrschaft) управлять принадлежащими ему заселенными землями (вотчины или лены). С леном же соединялось признание политической и экономической зависимости от поместного владения. В силу этого поселившиеся в границах поместного округа, нередко далеко выходящего за пределы вотчинных земель, - рабы ли (servi, Leibeigene) полусвободные ли оброчные поселяне (hörige Leute) или же свободные собственники (vollfreie Bauern) - все они попадали, хотя и с некоторыми различиями, под патримониальную власть поместного владельца и под-

лежали его суду и расправе.

В процессе ликвидации общинного самоуправления покоренных народов захватчики, развивая свои патримониальные права, создали особый род владчества, известный под названием *Landesherrlichkeit* и заключавший в себе некоторые элементы государственной власти. Подвластных обитателей имений и поместных округов называли их подданными (*Unterthanen*), не отрицая этим их подданства и верховной власти страны.

Такие отношения имели место также в Германии до освобождения крестьян от крепостной зависимости (т.е. до XIX столетия). Причем не только наука, но и законодательство предусматривало, что с поместным владением давалось не одно лишь право собственности на землю (*proprietas*), но и право господства (*dominium potestas*) над обитателями рыцарского имения, независимо от различия личных и имущественных прав последних.

Прибалтийское дворянское право исходило из того, что вотчинное право суда и полиции составляет реальное имущество (*Realbesitz*) поместного владельца и как таковое, может быть оценено в деньгах [9]. Отсюда же вытекал и другой вывод: что упразднение крепостного права не влечет за собой непременно прекращения вотчинно-полицейской власти помещика. Этим и объясняется особенная живучесть института вотчинной полиции.

Вотчинно-полицейская власть прибалтийского дворянства распространялась не только на крепостных и дворовых, но в какой-то степени и на всех свободных людей низшего сословия, проживавших в имении. Ремесленники, корчмари, вольнонаемные слуги и прочие наравне с крепостными подлежали вотчинному суду и расправе помещика, даже если и не находились в прямых обязательственных отношениях с ним.

Отмена крепостного права в Прибалтике во втором десятилетии XIX в. не повлекла за собой прекращения вотчинно-полицейской власти прибалтийского дворянства и этот особый вид владчества (*Grundherrlichkeit*) сохранился до второй поло-

вини шестидесятых годов XIX в. Более того, в Лифляндской губернии с отменой крепостного права этот вид владчества был поставлен законом в более выгодные для помещиков условия, доказательством чему может служить сравнение постановлений о вотчинной полиции, содержащихся в положении о Лифляндских крестьянах 1804 г., изданном за пятнадцать лет до освобождения крестьян с существующими статьями положения 1819 г. Сравнение постановлений о вотчинной власти по крестьянским положениям (Эстляндскому - 1816 г. и Лифляндскому 1819 г.) показывает, что постановления сходны между собою. Из этих узаконений явствует, что вотчинная власть прибалтийского дворянства к моменту освобождения крестьян от крепостной зависимости, проникла во все подробности их хозяйственного и общественного быта. Такой порядок сохранился до издания Положения от 19/II 1866 г. о волостном общественном управлении (несущественные изменения были внесены положением о крестьянах 1856 г. в Эстляндии и 1849 и 1860 гг. в Лифляндии) [10, 34].

19/II 1866 г. положением о волостном общественном управлении вотчинно-полицейская власть прибалтийского дворянства была формально в значительной степени ограничена. Эти ограничения главным образом касались права вотчинного владельца вмешиваться в распоряжения волостного управления по делам общественным. Однако вотчинному владельцу было предоставлено право наблюдения за действиями волостного старшины по делам общественным в тех случаях, когда они были сопряжены с правительственными интересами или касались надзора старшины за исправным состоянием содержащихся и исправляемых чинами волостного общества дорог, мостов, перевозов и т.п. В полицейском отношении вотчинная власть поместных владельцев с 1840-50 гг. была ограничена пределами мызных земель, причем при отсутствии волостного старшины и в случае явной опасности от промедления помещику предоставлялось право охранять и восстанавливать общественную безопасность и порядок в пределах крестьянских земель имения, образующих волостной округ.

Дела судебно-полицейские были предоставлены в ведение волостных судов и за вотчинными правлениями не сохранялось право подвергать крестьян так называемому домашнему наказанию. Положение 19/II 1866 г. оставило за помещиком весьма широкую полицейскую власть (в пределах мызных земель) и право надзора за правильностью и законностью действий волостного старшины и его помощников по всем делам полицейского характера. На основании положения от 19/II 1866 г. в пределах каждого имения, пастората или видмы вотчинно-полицейская власть в объеме, определенном положением, была предоставлена помещику, содержанию пастората или видмы, а в казенных имениях — лицу или учреждению, арендуемому имение. В силу этого, по праву наблюдения за полицейской деятельностью волостных должностных лиц, помещик мог призывать их к личной явке, а о замеченных в их действиях нарушениях и беспорядках мог довести до сведения уездной полиции и начальственного учреждения, по принадлежности, для взыскания с виновных.

По праву наблюдения за охраной общественного порядка и безопасности в пределах мызных земель представитель вотчинной полиции мог требовать соблюдения предписания закона от всех лиц, даже не принадлежавших к обществу, но проживающих в имении, и призывать их к себе: в случае совершения преступления или проступков в пределах мызных земель — задерживать виновных и препровождать их или в уездную полицию, или в распоряжение волостного старшины. Представитель вотчинной полиции должен был наблюдать за порядком на ярмарках и рынках, в корчмах и питейных заведениях; задерживать бродяг, распоряжаться при пожарах, наводнениях и иных общественных бедствиях, руководить местной полицией при кораблекрушениях и при спасении грузов. Волостная полиция производила непосредственные распоряжения в пределах мызных земель лишь в отношении проживающих на этих землях членов волостного общества и лишь в случае опасности, могущей возникнуть от промедления, или же по требованию помещика. К личной же явке волостная полиция могла требовать означенных выше лиц не иначе, как через

вотчинную полицию.

Сохраняя таким образом за помещиками прибалтийских губерний широкую полицейскую власть, существующее законодательство, как и все предшествующие ему узаконения, формально не признавало институт вотчинной полиции необходимым в системе местных административно-полицейских учреждений и предоставляло владельцу право не только передавать полицейскую власть доверенному лицу, но и совершенно слагать ее с себя. В последнем случае заведование вотчинной полицией по закону переходило к волостному старшине и с помещика снималась всякая ответственность за действия преемника.

Как в прибалтийских, так и в других губерниях Российской империи вотчинная полиция осуществляла надзор за охраной общественного порядка и безопасности как добровольную дворянскую повинность, которую она несет "для польз государственных", "освобождая" тем правительство от "излишних забот" и "расходов" на ее содержание. Вотчинно-полицейская власть была предоставлена владельцам или арендатором собственно помещичьих земель, поэтому и значительное большинство представителей этой власти принадлежало к местному дворянству, материальные интересы которого находились в антагонистическом противоречии с интересами крестьян. Вследствие этого вотчинные полиции, которые по точному смыслу положения о волостном общественном управлении в прибалтийских губерниях должны были, между прочим, служить исполнительными органами губернского начальства, не только не оказывали этому начальству нужного содействия, но не редко даже не выполняли его распоряжения. Во втором своде местных узаконений указывалось, что в Лифляндии подобно волостному суду в волости полицейское управление, и охрана общественного порядка целой поместной вотчины принадлежит вотчинной полиции [11]. Если помещик предоставлял свою власть другому, то он обязан был от имени своего уполномоченного уведомить приходский суд.

На вотчинное правление (в качестве вотчинной полиции) было возложено много обязанностей: охранять тишину, спокой-

ствие и порядок в округе поместья, осуществлять надзор за волостным обществом и его полицией, задерживать и отправлять в надлежащее судебное место виновных членов общества, несмотря на "лицо и должность", объявлять предписания начальства и т.д. За "нерадение" в работе, неуважение и нарушение спокойствия на мызном дворе вотчинное правление налагало "домашнее наказание". Если же оно превышало данную власть, то жалоба приносилась приходскому судье; лишать же вотчинное правление полицейской власти могло только отделение гофгерихта.

Наряду с волостной полицией в пределах каждого имения и пастората была установлена вотчинно-полицейская власть помещика и содержателя пастората, а в казенных имениях лицу или учреждению, уполномоченному управлением государственных имуществ. В ревизии Манасейна указывалось, что в Лифляндии закон от 19/II 1866 г. не допускал вне границ волостных округов самостоятельной деятельности старшин, однако обязывал их оказывать помощь мызной полиции, исполнять ее требования, лично являться к помещику по его приказу и, кроме того, признавал за представителями вотчинной власти право надзирать за всеми полицейскими распоряжениями старшин, а также наблюдать за правильностью постановлений схода выборных [12]. Таким образом, к кругу ведомства вотчинной власти относилось: с одной стороны, чисто полицейская деятельность, в которой исполнительными органами являлись большей частью те же волостные старшины, а, с другой - надзор за волостным управлением, составляющий в то же время обязанность и начальственных учреждений. Далее в ревизии указывалось, что наличие двух отдельно действующих низших полицейских органов - полиции волостной и вотчинной - вызвало ряд недоразумений [12, 129-132]. Произвольно расширялся на практике круг лиц, пользующихся преимуществами вотчинно-полицейской власти. Органы вотчинной полиции самовольно, без всякого основания, лишали свободы различных лиц. Часто соединяли вотчинную власть с должностью волостного писаря, который, таким образом, становился до известной степени пред-

ставителем помещика в волостном управлении [12]. По второму тому свода местных узаконений представителем мызной полиции являлся землевладелец или лицо им уполномоченное. Права и обязанности мызной полиции были изложены в упомянутом втором томе в нескольких пунктах. В пределах имения она охраняла порядок и безопасность, наблюдала за порядком на ярмарках и в корчмах, распоряжалась при общественных бедствиях, задерживала бродяг и преступников и т.п.

Помещиками-полицейскими в Лифляндии и Эстляндии являлись почти исключительно немцы, а объектом их полицейской власти — преимущественно латыши и эстонцы. Мызная полиция была привилегией местного немецкого дворянства. На основании свода местных узаконений к особым правам собственников Эстляндской губернии было отнесено право вотчинной полиции в имениях, которое осуществлялось или лично помещиком и содержанием пастората, или особым лицом по доверенности владельца, утвержденной приходским судом [13]. Обязанности и права вотчинной полиции изложены в положении волостного общественного управления от 19 февраля 1866 г. Указанный этим законом круг ведомств вотчинной полиции в пределах мызных земель, отчасти соответствовал полицейским обязанностям, возложенным тем же положением в пределах волостного округа на волостного старшину и его помощников, отчасти сводился к наблюдению за правильностью и законностью деятельности волостной полиции по делам полицейским и по делам общественным, сопряженным с правительственными интересами. Хотя круг деятельности волостной и вотчинной полиции разграничивался пределами волостной, крестьянской и мызной земель, тем не менее смысл закона заключался в том, что волостная и вотчинная полиция в своей деятельности должны дополнять друг друга. Волостным положением предусматривалось, что в случае явной опасности и отсутствия волостного старшины деятельность вотчинной полиции по охране и восстановлению общественного порядка и безопасности простирается и на пределы волостного округа; тем же положением устанавливалось, что в случае поджога, разбоя, грабежа,

воровства, насилия и того подобного волостная полиция обязана оказывать помощь и защиту всем лицам, проживающим в пределах мызных земель не только по требованию вотчинной полиции, но даже не ожидая особого требования.

Не предоставляя вотчинной полиции никакой особенной карательной власти, закон, однако, ставил волостную полицию в некоторое подчинение вотчинной полиции. Согласно волостному положению вотчинная полиция о замеченных неисправностях и беспорядках в деятельности волостного старшины и его помощников доводила до сведения уездной полиции, или приходского суда для взыскания с виновных, требовала все сведения по волостному округу, необходимые для представления губернскому статистическому комитету. Псмещик имел право призывать волостного старшину и его помощников к личной явке, в случае неисполнения старшиной справедливого требования вотчинной полиции или в случае неправильного решения волостного суда вотчинная полиция обращалась с жалобами к уездной полиции или в приходский суд, при исключении из общества по волостному приговору "вредных или порочных" членов вотчинная полиция в течение двух недель имела право подать соответствующий протест. Из всего этого следует, что вотчинная полиция находилась в зависимости от волостной полиции, была как бы "наблюдательной инстанцией", которая сама не могла взыскивать с виновных чинов волостной полиции, а имела только право жаловаться и доносить уездной полиции и приходскому суду. Всякое лицо, имеющее сведения о неправильных действиях волостной полиции или потерпевшее вследствие ее бездеятельности, имело законное право приносить установленным порядком жалобы.

В записке, поданной князем С.В.Шаховским министру внутренних дел 18 июня 1885 г. под названием "Заключение эстляндского губернатора по вопросам, относящимся до преобразования полиции", указывалось, что "полицейская власть здесь прежде всего сословная, а потому, так сказать, односторонняя и несправедливая; она как бы дело частных рук, захвативших часть государственных отпращлений и под их авторитетом

преследующих личные свои интересы и цели" [14, 223]. Такое положение существовало до полицейской реформы 1888 г. которая низвела вотчинное управление до степени мызной полиции, которой формально было предоставлено "право благочиния" лишь в пределах мызных земель [5, 343-347; 15, 25-26, 210, 521-522, 524; 16].

В 1913 г. государственный совет не признал возможным совершенно упразднить мызную полицию, так как она "является могущественным и даровым орудием поддержания порядка и безопасности" на мызных землях [17]. Таким образом, вотчинная (мызная) полиция фактически действовала еще в начале XX в.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32.
2. Ершкин П.Н. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской революции. Вып. 3. Государственные учреждения России в дореформенный период (1801-1861 гг.). М., 1967.
3. Егоров Ю.А. Губернские органы управления в Эстонии в XIX-начале XX вв. - Учен. зап. Тартуского ун-та, 1975, вып. 349. Труды по правоведению, 18.
4. Духанов М. Остзейцы. Рига 1970.
5. ПСЗ. Собрание 3-е, т. УШ, №5308.
6. ПСЗ. Собрание 3-е, т. 9, №6188.
7. Erdmann K. System des Privatrechts der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Curland. Riga, 1889, Bd. 1.

8. Heusler A. Institutionen des Deutschen Privatrechts. - In: Systematisches Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft. Leipzig, 1885, Bd. 1.
9. Егоров Ю. Гражданское право Эстонии в XIX в. - Учен. зап. Тартуского ун-та, 1972, вып. 298. Труды по правоведению, 14.
10. Егоров Ю.А. Общественно-политический строй Эстонии (XIX в.- октябрь 1917 г.) - Учен. зап. Тартуского ун-та, 1970, вып. 244. Труды по правоведению. 10.
11. Свод местных узаконений губерний остзейских. Ч. 2. Законы о состояниях. Спб., 1845.
12. Materiāli Latvijas PSR vēstures pētīšanai. Redīgējis A. Drīzulis. Rīga, 1949. Manaseina revīzija.
13. Свод местных узаконений губерний остзейских. Ч. 3. Законы гражданские. Спб., 1864.
14. Из архива князя С.В. Шаховского. Спб., 1909, т. 1.
15. Сборник циркуляров по административной части Лифляндской губернии за 1888-1895 гг. Сост. В. Шеншин. Рига, 1896.
16. Сборник циркуляров по административной части Лифляндской губернии за 1896-1903 гг. Рига, 1905.
17. Указ сената о мызной полиции II/ХП 1913 г. - Вестник полиции, 1914, № 7, 14 февр.

Х.Стродс
Институт истории
АН Латвийской ССР

ВЗГЛЯДЫ НЕМЕЦКИХ ПАСТОРОВ В ЛИФЛЯНДИИ ПО ВОПРОСУ О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ В ПЕРИОД КАУГУРСКОГО ВОССТАНИЯ

Для того чтобы получить сколько-нибудь полное представление о положении крестьян Прибалтики в период феодализма, необходимо изучение исторических источников, свидетельствующих об идеологии господствующих сословий, в частности, взглядов остзейских пасторов.

Если в средневековье духовенство представляло собой "единственный образованный класс" [1, 495], то на рубеже XVIII и XIX вв. пасторы являлись наиболее образованной частью привилегированных сословий. В этой связи для изучения положения крестьян в начале XIX в. значительный интерес представляют материалы опроса пасторов Лифляндии осенью 1802 г.

Следует отметить, что опрос проводился в условиях усиления борьбы крестьян (в октябре 1802 г. в имении Каугурмуя при подавлении крестьянского восстания была применена артиллерия) и роста опасений остзейских помещиков по поводу ожидаемого вмешательства правительства в аграрные отношения (так, например, Александр I требовал обсудить вопрос о положении крестьян в Лифляндском ландтаге).

Опрос был проведен по определенной программе. Метод анкетирования уже тогда был весьма популярен. Хотя розыски подлинников анкет и донесений пасторов пока и не увенчались успехом, однако в фонде врача О.Гуна в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР (ЦГИА) сохранились копии основных частей донесений, сделанные пастором Брокгузенем [2, л. 1-374].

Можно ли считать эти документы представительными для характеристики взглядов пасторов?

Так как на вопросы ответило 92% пасторов Лифляндской губернии, в том числе 89% пасторов ее латышской части. Материалы опроса следует считать вполне представительными. Кроме того, надо иметь в виду, что за редкими исключениями, пасторы были старожилами, а это придает их свидетельствам большую достоверность, тем более что их ответы составлялись без спешки в течение почти двух месяцев (со второй половины октября до декабря 1802 г.).

Сделанные пастором Брокгузенем копии основных частей ответов 107 пасторов, занявшие 374 страницы являются важным источником для характеристики пасторских взглядов, порожденных эпохой кризиса крепостнического строя. Из ответов пасторов можно почерпнуть обширную информацию о социально-экономических условиях жизни и духовных устремлениях латышского народа на рубеже XVIII и XIX вв. Эти ответы довольно глубоко освещают некоторые стороны развития сельского хозяйства, ремесла, торговли, общественных отношений, идеологии и т.д. Подробное изучение этого источника, конечно, сопоставляя его данные с данными других материалов, дает возможность всестороннего исследования ряда вопросов. В данной статье мы остановимся только на одном вопросе - на предложениях пасторов южной части Лифляндской губернии относительно улучшения состояния хозяйств и повышения благосостояния латышских крестьян.

Некоторые пасторы оказались вынужденными признать положение крестьян неудовлетворительным. В качестве основных причин этого они в большинстве своем сочли необходимым назвать действительные причины - крестьянский гнет, нехватку земли и т. д.

"Тридцать лет тому назад, - писал пастор Г. Бергман из Руены, - крестьяне были состоятельнее, здоровее, лучше питались и одевались, чем теперь. Сейчас они бедны, малодушны, ленивы, пьяницы. Их бедность происходит от возросшего гнета повинностей. Число крестьян увеличилось вдвое, а поля крестьянские остались те же самые" [2, л. 46]. "Основной причиной бедности и отсталости крестьян этого прихода, .. писал из Ра-

уни Я.Лангевиц, - является нехватка земли, лугов и лесов, тяга к несоразмерному потреблению водки" [2, л.103]. "Крестьянин в этом крае, - писал К. Шрейбер, - почти повсеместно очень беден. Причиной тому является барщина, которая не стоит ни в каком соответствии с доходом крестьянина. В результате сего у крестьянина нет охоты к работе, развивается равнодушие, пьянство" [2, л.40]. Правда, пастор из Лиенупе И.Клеман пытался утверждать, что "вся причина плохого положения крестьян и их бедности кроется в их лености, недобропорядочности и распутном образе жизни" [2, л.59], но такого рода взгляды уже не были господствующими среди пасторов. "Бедность и леность лифляндских крестьян являются следствием крепостного права", - писал дзерженский пастор Ф.Фрейтаг [2, л.106], в то же время выступая против немедленного освобождения крестьян и рекомендуя ряд половинчатых мер, которые по его мнению, могли бы послужить подготовкой к их освобождению.

В предложениях пасторов относительно улучшения социально-экономического положения крестьян можно выделить девять групп проблем.

Во-первых; пасторы рекомендовали создать хотя бы видимость права собственности крестьян на усадьбу путем повсеместного введения наследственного закрепления ее за "хорошим хозяином". С такими предложениями выступали пасторы Г.Мейер (Гауена), К.Вальтер (Ропаж) Г.Альбрехт (Мадлиена) Ф.Штолль (Яунпилс), Я.Циммерман (Мазсалаца) и др. [2, л.27, 14-15, 36, 38, 55].

Во-вторых, некоторые пасторы настаивали на том, чтобы барщинные и другие повинности крестьян были приведены в точное соответствие с количеством и качеством земли, находящейся в пользовании крестьян, и количеством людей в крестьянской усадьбе (пасторы приходоов Доле, Ропаж, Кокнесе, Мадлиена, Буртниеки, Рауна) [2, л.7-9, 14-15, 31, 36, 44, 85]. Была высказана рекомендация провести измерение полей и бонитацию почв для приведения повинностей в соответствие с доходами

крестьянских хозяйств (пасторы приходов Ропаж, Нитауре, Улб-рока) [2, л.14-15, 40, 67], поскольку совершенно неверен взгляд, что большее поле приносит больший доход (Страупе [2, л.87]). Это предложение часто дополнялось рекомендацией не увеличивать размеры сверхурочной барщины. Некоторые пасторы указывали и на такие факторы, приводящие к ухудшению положения крестьян, как чрезмерная извозная повинность в имениях, расположенных у магистральных дорог (Ропаж [2, л.20]). Что касается регулирования барщины, то этим рекомендовалось заниматься государству (Страупе [2, л.103]), так как было видно, что помещики на это не желают идти.

В-третьих, были внесены предложения ликвидировать однобокую специализацию приморских рыбаков (Слока [2, л.7]) и развивать земледелие, причем рекомендовалось, чтобы земледельцы наряду с зерноводством уделяли значительное внимание выращиванию картофеля (Улброка [2, л.69]), овощей и фруктов (Лимбажи [2, л.25]), в также пчеловодству и животноводству (Руиена [2, л.48]).

В-четвертых, почти каждый второй пастор рекомендовал ограничение, а некоторые - даже запрещение винокурения и корчмарства, видя в них главную причину бедственного положения слабовольных крестьян. Предлагалось, чтобы было запрещено продавать крестьянам в корчмах спиртные напитки в кредит (Лимбажи [2, л.63]), чтобы не допускалось винокурение из купленного зерна (Страупе [2, л.87] и др.).

В-пятых, большинство пасторов настаивало на необходимости заниматься "моральным усовершенствованием" крестьян путем обучения их закону божьему (Рауна, Калснава [2, л.103, 106]), учреждения школ (Страупе, Арайши, Калснава [2, л. 85, 93, 136] и др.). Правда, некоторые пасторы не скрывали своего убеждения, что и с изучением закона божьего в положении крестьян ничего не изменится (Руиена [2, л.49]), и подчеркивали полезность для крестьян экономических знаний (Икшкиле, Сунтажи, Дикли [2, л. 13, 21, 64-65]). Г.Бергман предлагал направлять определенное число хороших крестьянских парней и

девушек в Швецию, Англию, Германию и особенно в Моравию, где крестьяне живут весьма зажиточно, и сдавать их там на работу в качестве батраков сроком на один год. Это-де даст возможность вырастить новое поколение крестьян, которое явится основой будущего страны [26 л.49].

В-шестых, пасторы рекомендовали помещикам относиться к крестьянам "по-отечески" (Сунтажи, Ледурга, Лаздона [2, л. 20, 27, 141.]), быть более воздержанными и скромными (Дикли, Айраши [2, л. 64-65, 93]). В целях создания видимости общности интересов помещиков и крестьян пасторы предлагали поощрять хороших хозяев выдачей премий и наград, публичной похвалой (Ропажы, Сунтажи, Руиена, Страупе, Рауна [2, л. 14-15, 21, 49, 87, 103]). Для оценки ведения хозяйства рекомендовалось организовать надзор за ним и за бытом крестьян со стороны доверенных надсмотрщиков (Ропажы, Кримулда, Матиши, Лиепуе [2, л. 16, 25, 45, 45, 59]). Г.Бергман считал, что надсмотрщик должен осмотреть за крестьянином как за "шаловливым ребенком" [2, л.49. Лимбажский пастор И.Риман рекомендовал, чтобы надсмотрщик еженедельно производил ревизию в домах крестьян [2, л.24]. Указывалось на целесообразность улучшения медицинской помощи крестьянам (Салаца [2, л.61]).

В-седьмых, значительное место пасторы уделяли предложениям, направленным на совершенствование судопроизводства. Они сводились в основном к лишению помещиков судебной власти над крестьянами и недопущению положения, при котором помещик одновременно является истцом и судьей, к созданию крестьянских судов из представителей крестьян (Дзербене [2, л.114] и др.). Такие суды должны были бы заседать еженедельно в определенные дни и оперативно решать все последующие дела на латышском языке (Кокнесе [2, л.33]). Это, по мнению пасторов, избавило бы крестьян от лишней траты времени на дальние поездки в суды, предотвратило бы накопление крестьянских жалоб и возникновение по этой причине крестьянских волнений (Буртниеки, Руиена [2, л.44,49]). Следует напомнить, что эти приходы были расположены недалеко от Каугурмуя.

В-восьмых, некоторые пасторы считали желательным решение социальных проблем деревни. В целях улучшения положения

они рекомендовали увеличить площадь наделной земли (Кокнесе [2, 231-232]) путем сокращения количества крестьянских дворов и увеличения числа батраков. В то же время другие пасторы отмечали, что отношения батраков и хозяев обостряются и недовольство батраков растет. "Они не говорят теперь о хозяине ни одного хорошего слова, - писал Г.Бергман, - и часто переходят от одного хозяина к другому" [2, л.47]. Для решения проблемы батраков Г.Бергман рекомендовал допускать латышей к конфирмации не ранее чем в 20 лет, с тем чтобы батраки могли заблаговременно обзавестись лошастью, скотом и служили хозяину, как полагается. Среди положительно влияющих на положение крестьян факторов упоминаются близость городов и доступность заработков там (Доле, Кекава [2, л.9-10]).

В-девятых, в местностях поблизости от городов и с развитым сельским ремеслом рекомендовалось переводить крестьян с барщины на денежную ренту (Ропажы, Улброка, Рауна [2, л.17], 69, 105). "Необходимая забота о благосостоянии крестьян - дело города", - писал пастор О.Бакенгоф из Бикерниекы [2, л.90]. Эту мысль конкретизировал пастор из Катлакална О.Гофман, сообщая, что крестьяне его прихода из-за малоземелья занимаются сплавом леса по реке Даугаве, возят для продажи глину и камни, продают пиво и водку [2, л.91]. Вблизи городов крестьяне уже прониклись стремлением к обогащению, старались обзавестись лучшей одеждой.

Как видим, можно считать, что при принятой нами классификации более половины предложений касались решения экономических проблем, остальные - идеологических и социальных вопросов и политической жизни. При этом только одна из девяти групп проблем касалась вопроса, непосредственно относившегося к компетенции пасторов, - обучение крестьян.

Изучение позиции пасторов в отношении условий жизни латышских крестьян в Лифляндии в период Каугурского восстания показывает, что хотя определить общее направление взглядов каждого пастора и нелегко (поскольку очень часто в предложениях одного и того же пастора более или менее либеральные

рекомендации соседствуют с явно реакционными), тем не менее ясно видно, что все пасторы стояли за сохранение феодального строя, однако считали желательным его совершенствование путем некоторых реформ и усиления экономического и идеологического воздействия на крестьян. Лишь немногие пасторы предлагали внести в аграрные отношения изменения, которые могли бы привести к росту буржуазного уклада, т.е. рекомендовали мероприятия, стимулирующие социально-экономическое развитие. Предложения пасторов сводились в лучшем случае к экономическому прогрессу крестьянства. Однако экономический прогресс без социального был обречен на неудачу, а рекомендации в отношении социального прогресса в предложениях пасторов практически почти отсутствовали.

Конечно, на фоне взглядов таких реакционеров, как В.Унгерн-Штернберг, оставивший в 1803 г. соответствующий документ [3, л.18-38], и других, кто рекомендовал укреплять крепостничество, считали понятие крестьянской свободы химерой, а право крестьян на владение имуществом - якобинством, -- на фоне всего этого предложения пасторов выглядели либеральными. Но на фоне требований самих крестьян, так, например, проекта, составленного в 1811 г. курляндскими казенными крестьянами, "либеральность" позиций пасторов очень сильно блекнет [4, 213-223]. Хотя среди пасторов, видимо, либеральные взгляды по экономическим вопросам и были распространены в большей степени, чем среди помещиков (все пасторы имели высшее образование, многими полученное на Западе), в целом пасторы отстаивали политику дворянства и существовавший в прибалтийских губерниях "особый порядок".

Даже если и встречались пасторы с более гуманными взглядами, то в целом, как писал глава лифляндского лютеранского духовенства генерал-суперинтендент К.Зонтаг (1765-1827), "интересы духовенства тесно переплелись с интересами помещиков, для того чтобы пастор как гражданин сумел осуществить то, что ему следовало делать как человеку" [5, 245]. Поэтому если у пасторов в то время и зарождались какие-либо идеи,

касавшиеся социальных реформ, то эти идеи находили проявление лишь в разговорах о желательности "строить отношения между помещиками и крестьянством на основе гуманности". Все это убедительно доказывает беспочвенность утверждений реакционных остфоршеров, будто в Прибалтике немецкие пасторы, в отличие от помещиков, всегда стояли на стороне народа и выступали носителями просвещения и человеколюбия.

В целом данные материалы опроса пасторов помогают не только лучше понять положение латышских крестьян в Лифляндии в начале прошлого века, но также способствуют опровержению взглядов таких представителей современной апологетической остзейской литературы, как автора истории прибалтийского дворянства В. фон Унгерн-Штернберга, пытавшегося уверить читателей, что крестьяне и остзейские бароны дружно сожительствовали к взаимному удовлетворению в обстановке общего доверия вплоть до 80-х годов I XIX века [6, 38].

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21
2. Topographisch-statistische Beitræge Livlands. Bd.13, welcher Vorschlaege zur Verbesserung der Industrie, Wohlhabenheit und Moralitat der Lievlandischen Bauern enthaltet, von saemtlichen Predigern Livlands im Jahr 1802 eingesendet. Riga, 1822 (ЦГА ЛатвССР, ф.6810, оп.1, д.25).
3. Ungern-Sternberg W.v. Ist die von einigen des Adels projektirte Einfuhrung der Freiheit unter dem Bauernstande in Livland dem Staatsrechte Russlands conform? St.Petersburg, 1803.(ЦГА ЛатвССР, ф.214, оп.4, д.426).
4. Стродс Х.П. Проект латышских крестьян об отмене крепостного права и барщины в казенных имениях Курляндской губернии. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л., 1972.
5. Adamovičs L. Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks 1710-1740. Rīga, 1934.
6. Ungern-Sternberg W.v. Geschichte der baltischen Ritterschavten. Limburg a.d. Lahn, 1960.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПРОТЕСТАНТСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА В ЛАТВИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И В НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Литеранство, сыгравшее начиная с реформации роль идеологической опоры власти остзейского дворянства, к концу XVIII века в своем первоначальном виде уже в какой-то степени устарело и теологи искали новую формулу религии, чтобы стать вровень с веком, в идейном активе которого значились уже Вэкон и Спиноза, Декарт и Локк, Лейбниц и Кант. Подкрепление авторитета протестантизма имело большое значение для господствующей верхушки, так как с наступлением кризиса феодализма явно пошатнулось влияние протестантской ортодоксии как среди латышского и эстонского крестьянства, так и среди остзейской буржуазной интеллигенции. Характеризуя отношения "образованного общества" к официальной религии в остзейских провинциях к концу "философского" века, один из современников писал: "Публика вообще по отношению к религии довольно равнодушна..." [13, 329]. Протестантский рационалист Г. Стендер изображал положение официальной религии в Прибалтике еще в более темных красках: "Храмы пустуют, религия и любовь к ближнему теряют свое значение, божья благодать исчезает" [21, 3]. "Распад христианства явно усиливается" [21, 450].

По образцу германских протестантских рационалистов С. Землера, В. Теллера и других остзейские литеранские теологи для модернизации протестантских доктрин черпали идеи из буржуазного либерализма, деизма, библейской критики, педигиански-социалистической рационалистической традиции, философского рационализма — особенно из концепций Лейбница-Вольфа, немецкой классической философии и т. д. "Под влиянием науки и философии, — писал протестантский рационалист суперинтендент Э. Окель, — мы стали в религии больше пользоваться разумом" [12, 217].

Чтобы поднять авторитет протестантизма, литеранские теологи решили перенести его акцент с религиозной догматики на нравственную практику. Они пытались таким образом

освободить социальную доктрину протестантизма от средневекового догматически иррационального и раннелютерански мистического мусора. Они подчеркивали, что религия "существует для нравственности, а не нравственность для религии" [II, 87], что человек "первым делом должен быть человеком, а потом христианином" [IO, 53] и т. д.

По-иному лютеранские теологи теперь стали толковать и сущность самой нравственности. Если с точки зрения ортодоксии человек, будучи по своей природе грешным и безнадежно испорченным, не в состоянии самостоятельно подняться до подлинной нравственности и вся его деятельность перед богом является "пустым лицемерием" [2, 153], то по мнению рационалистов человек в силу своей разумности вполне сумеет отличить хорошее от плохого, сделать добрые дела и в нравственном отношении "стать похожим на бога" [9, 62].

Общественные явления протестантские рационалисты стали в той или иной мере "растворять" в этике. Положительными при этом они считали явления, способствующие укреплению феодально-сословного строя, а отрицательными, наоборот, явления, ведущие к разложению, ослаблению этого строя. Этим идейная направленность протестантского рационализма отличалась от взглядов буржуазных просветителей, считавших "нравственное возрождение предпосылкой прогрессивного развития человеческого общества" [26, 238].

Предполагая, что не пассивная вера в божью милость, а нравственная деятельность в состоянии "осчастливить" человека, протестантские рационалисты вместе с тем учили, что в нравственности, так же как в религии, все зависит от ясных представлений. Неясные, смутные представления, по их мнению, "не в состоянии повлиять на нашу нравственность" [12, 130]. Таким образом они пытались приспособить этическую социальную доктрину протестантизма к концепции философского рационализма, утверждающего, что люди, не имеющие ясных представлений, "действуют, как животные" [I, 345].

Объясняя местные явления классовой борьбы низким уровнем нравственности латышского народа и отсутствием у кре-

стьян ясных представлений о божестве, морали и т. д., протестантские рационалисты видели выход из этого в улучшении крестьянского образования и в "усовершенствовании" немецкими пасторами латышского языка. "Вместо старых латышских выражений, — писал Г. Стендер, — основанных на суеверии, на предрассудках, на фальшивых и темных представлениях, на испорченных нравах и деревенской грубости, одним словом — на неясных представлениях, следует ввести в употребление ясные, целесообразные и соответствующие строению латышского языка обороты. Это представляет собой кратчайший путь к преобразованию мышления у латышей" [20, Vorrede].

Борясь на вооружение социальной доктрины протестантизма идею буржуазного прогресса, социальные рационалисты понимали как нравственное усовершенствование отдельных членов общества и приближение их к богу как идеалу нравственного совершенства. В отличие от буржуазных просветителей они считали, что нравственное развитие общества уже в пределах феодально-сословного строя сумеет привести к установлению, по словам рационалиста К. Эльверфельда, "золотого века", "царства разума" или "рая на земле" [5, 7]. Крестьяне в условиях этого иллюзорного феодально-крепостнического "рая" будут служить своим господам не по принуждению какого-то внешнего авторитета, а по побуждению собственного разума. Что касается господ, то они будут жить среди крестьян, словно родители среди своих добрых и послушных детей [см. 4, 187].

Одна из центральных идей протестантского рационализма — теодицея Лейбница. Ее автор, пытаясь примирить людей с существующим социальным злом, утверждает, что наш мир является наилучшим миром из всех, который бог мог бы создать посредством своей неограниченной мудрости, что в этом мире "зло является ничтожным по сравнению с добром" [6, 129] и т. д. Остзейские приверженцы теодицеи, отказавшись от концепции ортодоксии, согласно которой наш мир является местом одних лишь страданий, стали доказывать, что "мир этот является воплощением совершенства" и все человеческие стра-

дания будут рано или поздно "обращены богом в святое счастье" [19, 303, 311].

Чтобы как-то оправдать беспросветную жизнь крестьян, исходя из доктрины протестантского рационализма, лютеранские пасторы всю вину пытались свалить на плечи самих же крестьян. Последним они ставили в упрек, что, мол, являются слишком ленивыми, "чтобы стремиться к добру, к разуму, к обузданию своих собственных страстей" [18, 129]. Нравственной распущенностью эксплуатируемых классов они объясняли явления классовой борьбы также и на Западе. Например, французский народ они называли "в нравственном отношении самым распущенным народом в Европе" [15, 77].

В целях "улучшения" идеологической работы среди населения видные остзейские протестантские рационалисты стали требовать, чтобы лютеранские пасторы действовали "психологически" и "согласно требованиям времени" [12, 130, 133]. Вместе с тем они осуждали методы ортодоксии, действовавшей "хаотически и непсихологически" [12, 95]. Для пропаганды своей идеологии протестантские рационалисты стали пользоваться литературой и светского характера: художественными произведениями, книгами по сельскому хозяйству и разными периодическими изданиями на латышском языке. Известный пастор Г. Стендер стал одним из первых представителей художественной и научно-популярной литературы, созданной немецкими пасторами на латышском языке. Он же являлся автором латышской грамматики и словаря латышского языка. Протестантский рационалист, пастор лестенского прихода К. Ватсон стал редактором первой газеты на латышском языке и т. д.

Чтобы замаскировать феодальную направленность протестантской идеологии, рационалисты часто пользовались либеральными фразами. В отдельных случаях они ставили в упрек остзейским помещикам варварское поведение по отношению к крестьянам, предупреждая, что этим они сами провоцируют крестьян к "насильственным действиям" [4, 190]. Старались несколько ограничить чрезмерную алчность некоторых остзейских дворян во избежание обострения классовой борьбы и

попыток "насильственного свержения существующего строя внутри провинций" [15, 13], с одной стороны, и вмешательства царского правительства во "внутренние дела" остзейских провинций, то есть "строгих мероприятий сверху" [14, 315], с другой. За внешней радостью по поводу того, что "маленький человек" в Прибалтике может содержать себя без "изнурительной фабричной работы" [16, 21], они на самом деле благословляли аграрный характер и экономическую отсталость остзейских провинций в начале прошлого века. Быдаявая себя за друзей "маленького человека", они одновременно открыто выражали свою ненависть к мятежному крестьянину. Так, например, в обращении оберконсistorии к ливляндскому крестьянству от 1807 г., подписанном генеральным суперинтендентом, рационалистом К. Зонтагом, крестьянин-бунтарь уподобляется бешеной собаке, подлежащей "немедленному, безжалостному усмирению" [22, 14].

В попытках модернизировать протестантизм, рационалисты стремились поднять авторитет религии в глазах верующих. На деле же они создавали дополнительные трудности лютеранской церкви, официальной религией которой продолжала оставаться ортодоксия. Этим объяснялись нападки на рационалистов со стороны приверженцев как ортодоксии, так и pietизма. Последние нередко провозглашали протестантский рационализм "заразой", а самих рационалистов — "неверующими" [7, 3].

Протестантские рационалисты, например, Э. Сфель, называли свою критику ортодоксальной догматики "революцией, потрясающей умы" [15, 262]. Дворянство же, особенно консервативная его часть, боялось распространения этой "революции" из области религии в область социальных отношений. Поэтому представители консервативного дворянства нередко обвиняли протестантских рационалистов чуть ли не в революционной деятельности: они, мол, ставят "под угрозу основу религии и государства" [3, 160]. Иногда они даже требовали наказания для пасторов — "отступавших от аугсбургского вероучения" [8, 14].

Что касается латышских крестьян, то, невзирая на старания отдельных лютеранских пасторов-рационалистов, протестантский рационализм среди них успеха так и не приобрел.

Рационализм мог иметь успех только при наличии у верующих известного минимума образования, при наличии известной предварительной идейной подготовки, которой крестьяне, как правило, не имели. Они не видели разницы между рационализмом и ортодоксией в социальном плане, так как оба эти теологических направления являлись разновидностями религии ненавистных господ.

Влияние протестантского рационализма, достигшее в начале прошлого столетия в Прибалтике своей апогеи, постепенно пошло на убыль. С наступлением дворянской реакции и с ростом влияния традиционных учений религии после Венского конгресса господствующие остзейские круги отказались от услуг протестантского рационализма. С теологического факультета Тартуского университета, подготавливавшего с 1802 года пасторов для протестантских приходов в России, были уволены преподаватели-рационалисты. Все они как "неверующие" были заменены "верующими" теологами-пиетистами или представителями церковно-конфессионального направления [25, 42-43].

Наступление кризиса феодализма в конечном итоге привело к упадку авторитета лютеранской церкви и ортодоксального протестантизма, открыто отстаивавших интересы эксплуататоров. Протестантский рационализм в Латвии во второй половине XVIII и в начале XIX веков являлся разновидностью религиозного модернизма, попыткой лютеранской церкви приспособиться к новым явлениям в общественной жизни и культуре, более утонченным способом защиты авторитета церкви и религии, защиты социальных интересов остзейских верхов.

Впоследствии вместо рационализма лютеранские теологи стали обращаться к новым иррационалистическим интерпретациям вопросов протестантской религии как, например, либеральной теологии, неортодоксии и др.

Л и т е р а т у р а

1. Лейбниц Г.В. Избранныя философскія сочинения. М., 1890.
2. Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. Göttingen, 1930.
3. Diarium des Landtages. Mitau, 1790.
4. Elverfeld K. Philosophische Abhandlungen. Libau, 1793.
5. Elverfeld K. Predigt zur Feier des eintretenden Jahrhunderts. Mitau, S.a.
6. Leibnitz G. Theodicaea. Hannover, 1735.
7. Lenz Ch. Von der Stärke des Schriftbeweises für die Lehre von der Genugtuung Christi. - In: Widerlegung der Scheingründe neuer theologischer Meinungen. Riga, 1780.
8. Lüdinghausen Wolff G. Appel an Kurlands Edle und Rechtsschaffene. Mitau, 1793.
9. Ockel E. Anleitung zur Weisheit und Glückseligkeit. Königsberg, 1795.
10. Ockel E. Der Mentor oder Bildung des Verstandes, Herzens und Geschmacks. Riga, 1770.
11. Ockel E. Über die Religion des Vollkommenen - Anmerkungen und Zusätze zu der Schrift des Herrn Oberconsistorial-Raths Dr. Teller. Berlin, 1794.
12. Ockel E. Über Geist und Wahrheit der Religion Jesu. Berlin und Stettin, 1785.
13. Snell K. Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee. Jena, 1794.
14. Sonntag K. Über Menschenleben, Christenthum und Umgang. Eine Sammlung Predigten. Bd. 4. Leipzig, 1804.
15. Sonntag K. Livländische Landtags - Predigten. Riga, 1821.
16. Sonntag K. Rigas Umgebungen, Düha-Strom und Jubläum in drei Predigten. Riga, 1810.
17. Sonntag K. Sittliche Ansichten der Welt und des Lebens für das weibliche Geschlecht. Bd. 1. Riga, 1818.
18. Stender A. Dseemas, Stahstu-dseemas, Pasakkas. Jelgawa, 1865.

19. Stender (G). Augstas Gudribas Grammata. Jelgawa un Aisputte, 1776.
20. Stender G. Lettisches Lexikon. Mitau, 1789.
21. Stender G. Wahrheit der Religion wider den Unglauben der Freigeister und Naturalisten. Riga, 1784.
22. Us wiseem Widsemneekeem. Riga, 1807.
23. Wolff Ch. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften. Franckfurt, 1733.
24. Wolff Ch. Vernünftige Gedanken von des Menschen Thun und Lassen. Franckfurt und Leipzig, 1733.
25. Биографический словарь профессоров и преподавателей Крѣвского, бывшего Дерптского, университета. Крѣв, 1902, т. I.
26. Stiehler G. Der Idealismus von Kant bis Hegel. Berlin, 1970.

Г. Ритц
Торунский университет
(ПНР)

РОЛЬ РИГИ В КОНТАКТАХ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Перевод С. Иссате

Завоеванные Россией в начале XVIII в. политические позиции в Европе закрепили ее военные успехи в Семилетней войне. Это в значительной мере повысило интерес к России в Западной Европе, особенно в Германии. Реформы, проведенные Петром I в России, вызвали подъем культурной жизни и способствовали развитию русской науки. В 1725 г. в Петербурге была создана Академия наук, в 1755 г. основан Университет в Москве. Большую роль в развитии естественных наук и социально-экономической мысли сыграло создание в 1765 г. Вольного экономического общества.

Дальнейшее развитие русской науки и значительный прогресс в области просвещения на протяжении второй половины XVIII в. увеличил потребность в научных кадрах, в том числе иностранных. Вследствие этого многие ученые и специалисты Западной Европы, а особенно Германии, искали и нашли именно в России лучшие условия для работы. Для примера достаточно назвать видных ученых немецкого происхождения, работавших в Академии наук Петербурга и в Московском университете. В России нашли свою вторую родину и широкие возможности для успешной работы ряд видных немецких ученых — Г.Ф. Мюллер, Л. Эйлер, Ф. Круг, И.Г. Вилламов, Г. Людвиг, К. Бакмейстер, А.В. Гупель и многие другие [1].

Как русские ученые, так и находящиеся в России ученые-иностранцы поддерживали связи с важнейшими научными центрами Европы. В свою очередь, стремительное развитие науки в России вызвало интерес ученых Западной Европы к получению

информации о достижениях российской науки. Эта двусторонняя заинтересованность требовала постоянных взаимных контактов, которые осуществлялись путем обмена научными публикациями, корреспонденцией или непосредственными личными связями.

По мере развития научных контактов упрочилась позиция профессии книготорговца и издателя, а также их значение в развитии науки. Книготорговцы выполняли не только функцию услуг как продавцы нужных книг, но и посредничали в налаживании и поддержании научных контактов между учеными.

Во второй половине XVIII в. значительно упрочились связи России с научными центрами в Берлине, Лейпциге и Галле. Одновременно значительно выросла роль книготорговцев этих городов в распространении публикаций российских ученых.

В этот период особое положение в связях между русскими и немецкими учеными занимала Рига. Город переживал тогда благоприятный период экономического развития. Рига росла благодаря экспорту российских товаров, ибо была вторым крупнейшим морским портом империи. Стремительно росло городское население, весьма дифференцированное в национальном отношении. В последние годы XVIII в. отмечается постепенное уменьшение удельного веса немцев в пользу латышей и русских. Последние требовали экономического равноправия и участия в городском управлении, которое традиционно было под властью привилегированного немецкого сословия. Экономическое оживление Риги сопровождалось развитием культуры и образования. Постепенно росли культурные потребности богатейшего сословия бюргеров. Частичное удовлетворение они получили с изданием в 1761-1761 г. газеты "Rigische Anzeigen" и приложением "Gelehrte Beyträge zu den Rigischen Anzeigen" и позднее, в 1778 г. газеты "Rigische Politische Zeitung", содержащей политические известия. В 1782 г. в Риге образовалась постоянная театральная сцена, а в последующие годы были созданы клубы бюргеров.

Признаком высокого культурного уровня был все возрастающий спрос на книги, а также рост количества коллекционеров. Наряду с городской библиотекой, насчитывавшей в 90-е г. XVIII в.

почти 12 тыс. томов, возникли платные библиотеки с выдачей книг на дом, а также читальни [2].

Не удивительно, что именно такой город приобрел особое значение в связях российских и немецких ученых. Особое место в этих контактах заняли рижские издатели и книготорговцы Иоган Фридрих Гарткнох Старший и Младший. И.Ф.Гарткнох Старший (1740-1789) в начале работал в Кенигсберге, а затем в Елгаве, после чего он обосновался в Риге, где в 1765 г. открыл книжный магазин и издательство. Это предприятие после смерти отца унаследовал его сын Иоган Фридрих Гарткнох Младший (1768-1819). Гарткнох Старший с самого начала своего пребывания в Риге развернул необыкновенно оживленную деятельность как книготорговец и издатель и стал одним из главных поставщиков западноевропейских публикаций - главным образом научной литературы - в Россию. Такая деятельность давала Гарткнохам возможность поддерживать обширные связи с самыми серьезными издательскими центрами Германии и России. Гарткнох Старший сотрудничал с Я.Ф.Гинцем в Елгаве, И.Я.Кантером, а также Г.Д.Гартунгом в Кенигсберге. Его партнерами были И.Г.И.Брейткопф и Ф.Э.Рейх в Лейпциге и известный берлинский издатель и книготорговец Х.Ф.Николаи. Гарткнох Младший сотрудничал, кроме того, с Ф.Фивегом в Берлине и Ф.Николавиусом в Кенигсберге. Такое же важное значение для дела Гарткнохов имели их связи с издателями и книготорговцами Петербурга и Москвы. Именно эти два города - наряду с Прибалтикой - были главными получателями изданий Гарткноха, а также публикаций, привезенных последним из Германии. Кроме того, Гарткнох поставлял на западноевропейский рынок, особенно в Германию, русские книги и сотрудничал с русскими книготорговцами особенно с Николаем Новиковым [3].

Особую роль сыграл Гарткнох как издатель работ русских ученых, а также научных публикаций на немецком языке, касающихся России. Он издал II томов работ Вольного экономического общества и научные труды в области физики и медицины Академии наук Петербурга. Специальное место принадлежит из-

даваемой Гарткнохом "Russische Bibliothek"—периодическое издание, которое в свое время было важнейшим источником научной информации на русские темы для немецких ученых. Столь же важное значение, хотя и более локального характера, имели издаваемые Гарткнохом, и редактированные А.В.Гупелем "Nordische Miscellaneen" (1781-1791) и "Neue Nordische Miscellaneen" (1792-1798). Издательством Гарткноха выпущено несколько учебников и словарей русского языка [4]. Гарткнохом издавались также труды ученых России, Германии и Прибалтики, в том числе работы М.В.Ломоносова, А.В.Гупеля, Ф.К.Гадебуша, А.И.Сумарокова, П.П.Рычкова, Г.Ф.Мюллера, Г.Шторха, А.Л.Шлёцера [5].

Гарткнох был главным поставщиком новейшей научной литературы Западной Европы для ученых, работающих в России. Гарткноха связывали тесные узы с научными центрами Петербурга и Москвы. С Гарткнохом особенно тесно был связан Г.Л.Х. Бакмейстер, который при его помощи заказывал новейшую литературу и для других ученых России. У Гарткноха таким образом получали книги Г.Ф.Мюллер, Т.Г.Баузе, Л.Эйлер, и Я. фон Штелин. Через Гарткноха русские ученые поддерживали связь с другими книготорговцами и издателями. Например, Бакмейстер через Гарткноха получал сведения о новейших изданиях Х.Ф.Николаи в Берлине. Гарткнох поставлял в Россию не только собственные каталоги, но и новейшие каталоги книжных ярмарок в Лейпциге, и аукционные каталоги. Одновременно Гарткнох был главным поставщиком научных публикаций в Германии, а на ярмарках в Лейпциге он предлагал покупателям русские издания [6]. Гарткнох Старший был посредником между российскими и швейцарскими учеными [7].

Через Гарткноха неоднократно велась научная корреспонденция. Именно к нему обращался упомянутый берлинский книгоиздатель Х.Николаи, когда искал рецензентов для издаваемого им журнала "Allgemeine Deutsche Bibliothek". Гарткнох рекомендовал тогда А.Гупеля, который с тех пор регулярно писал рецензии для изданий по русской тематике. Посредником между Николаи и Гупелем по-прежнему оставался Гарт-

кнох, он же привозил рецензии в редакцию и одновременно снабжал Гупеля экземплярами для рецензий [8].

Особая роль рижских книготорговцев как посредников в научных контактах русских и немецких ученых некоторым образом объяснялась их профессиональной деятельностью и подвижностью. Во время многочисленных путешествий - в основном на книжные ярмарки Лейпцига - книготорговцы устанавливали много новых знакомств и поддерживали прежние, поэтому им легко было выполнять роль связных в мире науки. Например, Гарткнох неоднократно перевозил научную корреспонденцию из Германии в Елгаву, Ригу или Петербург. Он и Николай часто были посредниками в передаче писем и книг ученым, работающим в России и Германии. Нужно также учесть, что ученые, как правило, вели оседлый образ жизни, поэтому охотно пользовались такими превосходными посредниками, какими были по характеру своей профессии книготорговцы. Надо также подчеркнуть, что книготорговцы были не только посредниками в контактах между учеными, но зачастую также носителями новых, прогрессивных идей [9].

В годы царствования Павла I полный запрет ввоза книг привел к тому, что Гарткнох Старший, не выдержав трудностей, возникших из-за цензуры, решил оставить Ригу и перенес издательство в Германию, сначала в Рудольштадт, а затем в Лейпциг. Его книготорговлю тогда купил И.Г.Гартман (1770-1828), который старался продолжить деятельность своего предшественника [10].

Очевидно не только деятельность названных книгоиздателей была причиной посреднической функции Риги в научных контактах ученых России и Германии. Надо помнить, что многие рижане учились в университетах Иены, Галле, Лейпцига и Геттингена и по возвращении в родной город поддерживали связи с учеными этих городов. Важную роль в контактах имели также лица иностранного происхождения, родившиеся в Риге и занимавшие должности профессоров в немецких или русских университетах [11].

В историю русской науки вошел И.А.Гюльденштадт (1745-1781). Он окончил местный лицей, затем учился в Берлине,

во Франкфурте-на-Одере, получил степень доктора медицины. Позже стал членом Академии наук в Петербурге. Уже в 1769 г. вместе с П.Палласом путешествовал по югу России и принимал активное участие в исследованиях минерального сырья этого района [12]. Известность ученого, историка, экономиста и статистика получил также Г.Ф.Шторх (1766-1835). Он окончил школу в Риге и потом учился в Иене и Гейдельберге. В 1788 г. стал профессором петербургского кадетского корпуса. С 1796 г. Г.Шторх был членом-корреспондентом, а в 1804 г. стал членом Петербургской Академии наук. Почти все его труды издавались Гарткнохом. Впрочем Шторх поддерживал связь с Гарткнохом Младшим и после его отъезда из Риги [13].

Следует назвать также связанных с Ригой ученых Г.Ф.Паррота (1767-1852) и Д.Г.Гринделя (1776-1836). Паррот прибыл в Лифляндию в 1795 г. и до 1802 г. исполнял обязанности секретаря Лифляндского общепольного экономического общества. Позже он был профессором физики в университете в Дерпте (Тарту) и членом Академии наук в Петербурге. [14]. Его близким другом был Гриндель - сын латыша, который стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Гриндель по окончании учебы естественных наук в Иене вернулся в родной город и в 1803 г. создал Рижское химико-фармацевтическое общество. С 1803 до 1810 г. Гриндель вместе с профессором Ф. Гизе из Харькова издали первый в России химико-фармацевтический журнал "Russisches Jahrbuch der Pharmazie" (с 1808 г. "Russisches Jahrbuch für die Chemie und Pharmazie") [15].

Посредником между российскими и немецкими учеными был также Ф.Д.Х.Лодер (1753-1832), сын ректора Рижского лицея. Он изучал медицину в Геттингене, стал позже профессором анатомии, хирургии, акушерства в Иене. Его дом был местом встреч рижан в Иене. Позже он был профессором в Галле и Кенигсберге, а с 1810 г. - в Москве [16].

Важная роль Риги в контактах между русскими и немецкими учеными объясняется рядом факторов. Портовый и открытый характер города облегчал проникновение новых прогрессивных идей. На территории Риги встретились разные культурные вли-

яния - западноевропейские (с большим влиянием немецких) и в такой же степени - русские. Такой характер города определяло его выгодное географическое расположение на главных перекрестках коммуникаций России с Западной Европой и экономическое развитие Риги. На выполнение городом такой функции влиял также этнический состав его жителей. Каждая национальная группа вносила свой штрих в образ Риги. Разнообразие языков, обычаев и религий побуждало к взаимному ознакомлению, а также к взаимной терпимости.

Характер культурной жизни Риги сделал ее своего рода городом-связным между образованными людьми немецкого происхождения, жившими в России, и духовной элитой Германии. Следует также подчеркнуть роль Риги в передаче информации о России государствам Западной Европы. Таким образом, Рига сыграла важную посредническую роль в контактах образованных людей - в первую очередь ученых России и Германии.

Л и т е р а т у р а

1. Winter E. Über die Bedeutung der Geschichte der deutsch - russischen Wissenschaftsbeziehungen. Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1963, Bd. 7, S. 322.
 2. Latviešu etnogrāfija. Rīga, 1969, lpp. 173. Очерки по истории города. Рига, 1967; Библиотеке 450. К юбилею Фундаментальной библиотеки Академии Наук Латвийской ССР 1524-1974. Рига, 1974, с. III.
 3. Eckardt J. Jungrussisch und Altlivländisch. Leipzig, 1871, S. 275. Buchholtz A. Geschichte der Buchdrucker-kunst in Riga 1588-1888. Riga, 1890, S. 209.
- Прийма Ф. Русская литература на Западе. Л., 1970, с. 86;
Янkelович Л.Ю. К вопросу об интерпретации гердеровского наследия в остзейской историографии (И.Г.Гердер и И.Ф.Гарткнох) - Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1975, sēj. 12 (341), lpp. 73. Lācis M. Baltijas ievērojamākā izdevniecība XVIII gs. Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1974, sēj. 8 (325), lpp. 75.

4. Lauch A. Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung. Zum Wirken H.L.Ch. Baumeisters. Berlin, 1969, S. 24, 107, 124. Feyl O. Deutsche Bibliographien und Bibliothekare und ihr Antheil an der deutsch-russisch-sowjetischen Wechselseitigkeit. - Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität Jena-Thüringen. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, Jg. 6; 1956-1957, H. 6, S. 663. Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1951, с.74. Bernhagen W. Jacob Rodde als Verfasser des Gesprächsbuches "Домашние разговоры" - In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1968, Bd. 2, S. 114. Bernhagen W. Das Studium der russischen Sprache in Deutschland im 18. Jahrhundert. - In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1968, Bd. 3, S. 231.
5. Mühlpfordt G. Leipzig als Brennpunkt der internationalen Wirkung Lomonosovs. - In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1968, Bd.3, S. 334. Городинская Р.Б. Издание работ М.В.Ломоносова и литературы о нем в Прибалтике до начала XX века.- В кн.: Из истории естествознания и техники Прибалтики, Рига, 1971, т. 3, с. 36. Grasshoff H., Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin 1973, S. 192; August Ludwig von Schlözer und Russland, hrsg. von E.Winter. Berlin, 1961, S. 16, 264, 290.
6. Lauch A. Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung. Zum Wirken H.L.Ch. Baumeisters. Berlin, 1969, S. 299-300, 302-306, 320-321, 338-339.
7. Briefe von und an J.M.R. Lenz, gesammelt und herausgegeben von K.Freye und W.Stammler. Leipzig, 1918, Bd, 2, S. 228.

8. Lauch A., Russische Wissenschaft und Kultur im Spiegel der "Allgemeinen Deutschen Bibliothek". Aus der Korrespondenz A.W.Hupels und F.Nicolais aus den Jahren 1772-1792. - Zeitschrift für Slawistik, Bd. 10, 1965, S. 740-743; Ost G. Friedrich Nicolais Allgemeine Deutsche Bibliothek. Berlin, 1928 (= Germanische Studien H. 63), S. 23-60.
9. Johan Jacob Ferber, Briefe an Friedrich Nicolai aus Mitau und St. Petersburg, Herausgegeben von Heinz Ischreyt. Herford - Berlin, 1974, S. 70, 76, 78, 82; Briefe von und an J.M.Lenz, Bd. 2, S. 183.
10. Штранге М.М. Русское общество и французская революция 1789-1794 гг. М., 1956, с. 158-162; Stepermanis M. Lielās liesmas atblāzma. Latvija Franču Buržuāziskās Revolūcijas laikā 1789.-1798. Rīgā, 1971., lpp. 172-175.
11. Rietz H. Z dziejow zycia umyslowego Rygi w okresie oswiecenia. Torun, 1977, s. 72.
12. История Академии наук СССР. М.-Л., 1958, т. I, с. 370-371, 377-380, 400-402.
13. Feyl Op. cit., S. 664. Mohrmann H. Studien über russisch-deutsche Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft 1750-1825. Berlin, 1959, S. 118.
14. Страдынь Я.П. Академик Г.Ф.Паррот и его деятельность в Риге. - В кн.: Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1968, т. I, с. 195-124.
15. Страдынь Я.П. Давид Героним Гриндель - первый ученый естествоиспытатель латышской национальности. - В кн.: Из истории медицины. Рига, 1960, т. 3, с. 12-22.
16. Трейтер Е.А. Из веймарского окружения Гёте. Несколько архивных документов. - В кн.: Россия и Запад. Из истории литературных отношений, Л., 1973, с. 208.

О г л а в л е н и е

М. Войцеховски. Исследование истории Прибалтики (XIX-XX вв.) в Польской Народной Республике	3
И. Фелдманис. Апологетизация основных направлений внешне- политического курса фашистской Германии в немецкой прессе буржуазной Латвии (1933-1939)	15
Я. Райд. Гитлеровская Германия и немецкое национальное меньшинство в Эстонии	35
Р. Чоллек. Из истории борьбы СССР за коллективную безопасность	46
А. Зунда. Европейская политика Англии и рост политико- дипломатического влияния Германии	53
А. Зунда. Англо-германское экономическое соперничество и ориентация буржуазной Латвии в годы мирового эконо- мического кризиса (1929-1933)	64
В. Дащерас. Экономическая политика Германии в отношении Литвы (1924-1928)	70
Р. Жюгжда. Клайпедский вопрос в германо-литовских отношениях (1923-1928)	79
М. Ротбарт. Эвальд Амменде и организация Европейского конгресса национальных меньшинств	88
И. Кезберс. Об остзейской пропаганде в Швеции (1914-1919)	97
С. Левитан. К характеристике остзейской историографии конца XIX и начала XX веков	103
Ю. Егоров. Вотчинно-полицейская власть в Лифляндии и Эстляндии в XIX веке	III
Х. Стродс. Взгляды немецких пасторов в Лифляндии по вопросу о крепостном праве в период Каугурского восстания	122
А. Свелпис. Некоторые черты протестантского рационализма в Латвии во второй половине XVIII и в начале XIX веков	130
Г. Ритц. Роль Риги в контактах российских и немецких ученых во второй половине XVIII и начале XIX веков ..	138